

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

на правах рукописи

УДК: 342.22 (575.3)

ББК: 67.99 (2Т) 92

Ф-74

ФОЗИЛОВ НАСИМЖОН НОСИРОВИЧ

**РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ, В
ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ТАДЖИКИСТАНА: ИСТОРИКО-
ПРАВОВОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности
12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и
государстве; 12.00.15 – Гражданско-процессуальное право; арбитражно-
процессуальное право**

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:

доктор юридических наук,
профессор Холикзода А.Г.,

НАУЧНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ:

доктор юридических наук,
профессор Тагайназаров Ш.Т.

ДУШАНБЕ – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	4-26
ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ, В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ СОВЕТСКОГО ТАДЖИКИСТАНА (1924-1991 гг.).....	27-95
1.1. Понятие лиц, участвующих в деле, как субъектов и института в гражданском процессе. Классификация лиц, участвующих в деле.....	27-47
1.2. Особенности института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР (1924-1929 гг.).....	47-73
1.3. Развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР (1929-1991 гг.).....	73-95
ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ, В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН....	96-209
2.1. Общая характеристика лиц, участвующих в гражданском деле: гражданская процессуальная правоспособность, дееспособность, права и обязанности	96-123
2.2. Лица, участвующие в гражданском деле с целью защиты своего права и законного интереса.....	123-178
2.3. Лица, участвующие в гражданском деле с целью защиты права и законного интереса другого лица.....	178-209
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	210-212
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	212-216
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (ИСТОЧНИКОВ).....	217-256
ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ.....	257-261

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ГК – Гражданский кодекс

ГПК – Гражданский процессуальный кодекс

ГПК Таджикской ССР – Гражданский процессуальный кодекс Таджикской Советской Социалистической Республики

МЮ РТ – Министерство юстиции Республики Таджикистан

СНГ – Содружество Независимых Государств

РСФСР – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

ССР – Советская Социалистическая Республика

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

Таджикская АССР – Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика

ТК РТ – Трудовой кодекс Республики Таджикистан

УК – Уголовный кодекс

УК Таджикской ССР – Уголовный кодекс Таджикской Советской Социалистической Республики

УПК РТ – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан

ЭПК РТ – Экономический процессуальный кодекс Республики Таджикистан

ЦГА РТ – Центральный государственный архив Республики Таджикистан

г. – год

гг. – годов

др. – другие

п. – пункт

т.е. – то есть

ст. – статья

т.д. – так далее

ч. – часть

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В условиях функционирования в Республике Таджикистан правового, демократического и светского государства, реформы судебной системы, на первый план выходят вопросы надлежащей судебной защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций. Конституция Республики Таджикистан каждому гарантирует судебную защиту (ст. 19) [1].

Судопроизводство по гражданским делам направлено на защиту прав и интересов граждан и организаций, а возникновение, развитие и прекращение процесса обусловлено юридическим интересом лиц, участвующих в деле. Сказанное является наглядным подтверждением того, что среди всех субъектов, которые имеют определенные цели и задачи в гражданском судопроизводстве, особое место занимает правовая категория «лица, участвующие в деле».

Развитие гражданского процессуального законодательства свидетельствует о неодинаковом подходе законодателя к урегулированию правового статуса этих лиц в разные исторические периоды. В судебной практике это нередко приводило и приводит к определенным затруднениям при определении процессуального положения упомянутых субъектов гражданского судопроизводства.

В настоящее время в Республике Таджикистан осуществляется судебно-правовая реформа [340; 341; 342; 343; 344], составной частью которой является реформирование гражданского судопроизводства, в том числе его центрального института – института лиц, участвующих в деле. В связи с этим, для её эффективного осуществления, важное значение приобретает историко-правовое и гражданско-процессуальное исследование гражданского процессуального права Таджикистана, включая институт лиц, участвующих в деле.

Как отмечал Основатель Мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон: «Потеря исторической памяти, непочтительное отношение к славному прошлому нации и его достойным традициям, ограниченность исторического сознания и неумение

беречь богатое культурное наследие, лишает человека ответственности перед настоящим и будущим» [159, с. 11].

В абзаце первом п. 4 Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан, утвержденной Указом Президента Республики Таджикистан от 19 февраля 2011 года, № 1021, предусматривается, что одним из этапов совершенствования и обеспечения качества законодательства является проведение научных исследований о развитии и практике применения законодательства, а также подготовка рекомендаций, направленных на его усовершенствование [339].

Вместе с тем исследование истории одной из важнейших отраслей советского права, которым признается советское гражданское процессуальное право, в том числе его основного института – института лиц, участвующих в деле, где было сосредоточено большинство норм советского гражданского процессуального законодательства, создает условия для правильного понимания и нахождения ответов на вопросы и решения проблем современного гражданского процессуального права, заимствовавшего определенное количество норм, понятий и категорий советского института лиц, участвующих в деле, и тем самым являющегося следствием его предыдущих периодов развития.

Кроме того, критическое исследование истории развития института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе советского Таджикистана дает возможность не повторить недостатки и ошибки прошлых этапов его развития и может способствовать выяснению уровня развития данного института в настоящее время и преемственности с предыдущими историческими этапами.

Отсюда изучение и научная разработка вопросов развития института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе исторического и современного Таджикистана, а также выявление предпосылок его дальнейшего развития имеет существенное теоретическое и практическое значение.

Исследование развития института лиц, участвующих в деле, предполагает также изучение развития его субинститутов: лиц, участвующих в гражданском процессе с целью защиты своих прав и интересов, и лиц, участвующих в

гражданском процессе с целью защиты прав и интересов других лиц от своего имени.

Актуальность темы усиливается тем, что нормы института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе РТ должны быть проанализированы с точки зрения положения о незыблемости прав и свобод граждан, гарантированного Конституцией РТ права на судебную защиту, их соответствия принципам диспозитивности, состязательности и равноправия сторон, признанным РТ рядом международных правовых актов, в которых предусмотрены стандарты права на справедливое судебное разбирательство, гражданской процессуальной политики РТ, как составной части его правовой политики.

В годы независимости в РТ был принят ряд конституционных законов и кодексов, а также других законов материальных отраслей права, которые требуют адекватных процессуальных форм принудительной реализации. Исследование развития института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикистана в плане дальнейшего совершенствования его норм может способствовать решению и данной задачи.

Наряду с этим необходимость выявления пробелов и коллизий правовых норм института лиц, участвующих в деле, потребность общества в решении проблемы создания эффективного, компактного и мобильного механизма отправления правосудия по гражданским делам, основными субъектами которого признаются лица, участвующие в деле, являются дополнительным подтверждением актуальности выбранной темы диссертационного исследования.

Актуальность темы проявляется также в том, что она впервые исследуется комплексно: в историко-правовом и гражданско-процессуальном аспектах, и может восполнить пробел в юридической науке.

В связи с этим и в настоящее время актуальными представляются высказывания дореволюционного правоведа Е.Н. Трубецкого, который писал, что при создании и развитии права необходимо учитывать два фактора: с одной стороны, исторический опыт правовой жизни общества, а с другой – идеи

разумного воздействия на социальные процессы, и тогда будут подобраны наиболее эффективные методы, способы, типы и режимы правового регулирования [190, с. 83].

Степень изученности темы исследования. Исследованию различных проблем института лиц, участвующих в деле, в том числе правовому положению отдельных категорий указанных субъектов гражданского судопроизводства посвящены работы следующих советских, российских и других зарубежных ученых: В.Н. Аргунова [63], М.А. Викут [71], Р.Е. Гукасяна [84], М.А. Гурвича [85], П.Ф. Елисейкина [89], В.М. Жуйкова [247], С.А. Ивановой [253], И.М. Ильинской [94], А.Ф. Клейнмана [256], А.Ф. Козлова [105; 106], А.А. Мельникова [131], Г.Л. Осокиной [145; 146; 150; 318], С.С. Сатыбекова [325], М.К. Треушникова [188; 189], Л.В. Тумановой [333], М.Х. Хутыза [209], Н.В. Ченцова [210], Н.А. Чечиной [211], Д.М. Чечота [212], М.С. Шакарян [214; 215; 217], В.Н. Щеглова [219; 220], С.А. Якубова [223], В.В. Яркова [294] и других.

Отдельные аспекты института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР, Таджикской ССР и Республики Таджикистан, включая методологические основы историко-правового и гражданско-процессуального исследования, вопросы периодизации правовых явлений, подходы к исследованию схожих проблем в других отраслевых науках, понятия и категории, прямо или косвенно соприкасающиеся с темой нашего диссертационного исследования («институт права», «законодательство», «источники права», «правотворческий процесс», «функции государственного органа», «типы правопонимания», «правоприменение», «правоспособность», «дееспособность», «субъективное право», «субъективная обязанность», «функция прокурора», «право на судебную защиту», «правопреемство», «законный интерес», «правовая культура»), концептуальные выводы о правах человека, как универсальной категории, составным элементом которой признается право на судебную защиту, научные изыскания об источниках права досоветского, советского и постсоветского Таджикистана, в том числе регулирующих правовой статус лиц, участвующих в деле, характеристика советского права, к которому

относится советское гражданское процессуальное право, включая институт лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе советского Таджикистана, с позиции современных достижений юриспруденции, суждения и выводы о правах и обязанностях некоторых видов лиц, участвующих в деле в различные исторические периоды, были отражены в трудах отечественных ученых З.Ф. Абдуллозода [224], Ф.М. Абдулхонов [296], И.А. Агабабовян [295], Г.С. Азизкуловой [56; 57], У.А. Азиззода [58; 59; 88], З. Ализода [61], М.М. Аминова [62], И.Х. Бободжонзода [66, 229; 230; 231], С.Ш. Болтуева [232; 297], И.Б. Буризода [68; 69; 298], А.Д. Гафурзода [238; 301], Ш.К. Гаюрзода [239; 302], Д.Р. Джалилова [86; 87; 242], А.М. Диноршоха [88; 304], Дж. М. Зоира [91; 248], А.В. Золотухина [92], С.И. Ибрагимова [93; 250; 308], Н.М. Имомовой [251; 252], З.Х. Искандарова [96; 98], Ш.Ф. Искандарова [99], И.И. Камолзода [101; 309], Т.К. Кодирзода [103; 230], К.Ш. Курбонова [117], Р.Н. Маруфи [312], М.А. Махмудзода [127; 128; 129; 268], И.Т. Махмудова [269], Ш.М. Менглиева [127; 132], Х.М. Мирзамонзода [133; 313], П.З. Мирзозода [314], Дж. С. Муртазозода [136], А.К. Назарова [137], Э.С. Насриддинзода [139; 141], А.Р. Нематова [315], Р.С. Одиназода [316], С.А. Раджабова [156], Б.Х. Раззакова [158], М.З. Рахимзода [161; 274], Д.С. Рахмона [162; 166; 276], С. Рахмонова [321], Д.Ш. Сангинзода [164], Б.А. Сафарзода [165; 166; 277], Дж. Саъдизода [278], М.М. Сохибзода [173], Н.А. Табарова [93; 161; 174], Ш.Т. Тагайназарова [176; 280; 281; 282], Ф.Т. Тахирова [177; 178; 179; 180; 181; 187], О.У. Усмонова [191; 284], Ш.С. Хамроева [194; 326], А.Г. Холикзода [193; 197; 198; 200; 203; 205; 206], М.М. Холиновой [327], Б.Т. Худоёрзода [129; 208], Р.Ш. Шарофзода [170; 171; 172; 290], И.Р. Шодиёна [221; 336], Д.Х. Эльназарова [337], Е.М. Яковлевой [293].

Вместе с тем в юридической науке Таджикистана до настоящего времени не были предприняты попытки комплексного историко-правового и гражданско-процессуального исследования становления и развития института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР, Таджикской ССР и Республики Таджикистан.

Связь исследования с программами (проектами) и (или) научными

темами. Настоящее диссертационное исследование выполнено в целях осуществления соответствующих разделов планов научно-исследовательской работы кафедры судебного права и прокурорского надзора юридического факультета Таджикского национального университета на темы: «Развитие судебного права и прокурорского надзора и исследование преступности» на 2011-2015 годы, «Проблемы теории и практики процессуального права, прокурорской деятельности, иной правоохранительной деятельности и криминологии в Республике Таджикистан» на 2016-2020 годы, а также: «Проблемы развития теории и совершенствования практики процессуального права, судебной власти, эффективности судебно-правовой реформы, прокурорской деятельности, деятельности по охране и защите прав и свобод человека и гражданина, изучение преступности и разработки путей ее пресечения в Республике Таджикистан» на 2021-2025 годы.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования. Цель диссертационной работы состоит в том, чтобы на основе анализа соответствующей юридической литературы, гражданского процессуального законодательства и судебной практики показать развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР, Таджикской ССР и Республики Таджикистан, выявить предпосылки, обуславливающие развитие и определяющие перспективы развития данного института, сформулировать теоретические выводы и практические рекомендации, направленные на дальнейшее совершенствование правовых норм института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Республики Таджикистан и практики их применения.

Задачи исследования. Для достижения указанной цели диссертант поставил перед собой следующие основные задачи:

- раскрыть понятие лиц, участвующих в гражданском деле, как субъектов гражданского процесса и института;
- дать классификацию лиц, участвующих в деле;

- выявить предпосылки, обуславливающие развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе РТ и определяющие перспективы его дальнейшего развития;

- выявить особенности института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР (1924-1929 гг.);

- показать развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР (1929-1991 гг.);

- рассмотреть гражданскую процессуальную правоспособность и дееспособность сторон, третьих лиц, прокурора и других лиц, участвующих в гражданском деле, в развитии;

- показать развитие субъективных прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе советского и современного Таджикистана;

- исследовать правовое положение лиц, участвующих в гражданском деле с целью защиты своего права и законного интереса в развитии;

- проанализировать развитие правового положения лиц, участвующих в гражданском деле с целью защиты права и законного интереса другого лица;

- выявить пробелы и коллизии в правовых нормах института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе РТ и выработать предложения по внесению изменений и дополнений в гражданское процессуальное законодательство.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся с участием лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР, Таджикской ССР и Республики Таджикистан.

Предметом исследования являются положения, суждения и взгляды ученых относительно института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе, становление и развитие правовых норм, регулировавших и регулирующих общественные отношения, одной стороной которых являются лица, участвующие в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР, Таджикской ССР и Республики Таджикистан, а также практика их применения.

Этап, место и период исследования (исторические рамки исследования). Настоящее диссертационное исследование выполнено на кафедре судебного права и прокурорского надзора юридического факультета Таджикского национального университета в период с 1995 по 2025 годы.

Исторические рамки диссертационного исследования охватывает следующие этапы: 1) 1924-1929 годы: особенности института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР; 2) 1929-1991 годы: развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР; 3) 1991 год – по настоящее время. Развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Республики Таджикистан.

Теоретические основы исследования. Диссертант в работе широко использовал труды российских и отечественных ученых в области истории права и государства, общей теории права и государства, гражданского процессуального права, экономического (арбитражного), административного и третейского судопроизводства, а также других отраслей права, в частности, С.С. Алексеева, В.Н. Аргунова, Г.С. Азизкуловой, У.А. Азиззода, И.Х. Бободжонзода, С.Ш. Болтуева, И.Б. Буризода, А.Д. Гафурзода, Ш.К. Гаюрзода, В.Г. Графского, Р.Е. Гукасяна, Д.Р. Джалилова, А.М. Диноршоха, М.А. Вукут, П.Ф. Елисейкина, Дж. М. Зоира, С.И. Ибрагимова, С.А. Ивановой, И.М. Ильинской, Н.М. Имомовой, И.А. Исаева, З.Х. Искандарова, Э.С. Насриддинзода, В.С. Нерсесянца, А.Ф. Клейнмана, Т.К. Кодирзода, А.Ф. Козлова, М.А. Махмудзода, И.Т. Махмудова, Ш.М. Менглиева, А.А. Мельникова, Х.М. Мирзамонзода, Р.С. Одиназода, Г.Л. Осокиной, С.А. Раджабова, М.З. Рахимзода, Д.С. Рахмона, Б.А. Сафарзода, Н.А. Табарова, Ш.Т. Тагайназарова, Ф.Т. Тахирова, М.К. Треушникова, Л.Ф. Тумановой, Ш.С. Хамроева, А.Г. Холикзода, Н.В. Ченцова, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота, Р.Ш. Шарофзода, М.С. Шакарян, И.Р. Шодиёна, В.Н. Щеглова, Д.Х. Эльназарова, В.В. Яркова.

Методологические основы исследования. Методологическую основу исследования составили фундаментальные положения общенаучных методов диалектики и сравнительного анализа, наряду с которыми применялись

некоторые частнонаучные методы исследования: историко-правовой, логико-правовой, сравнительно-правовой, конкретно-социологический. В работе также использовался метод непосредственного наблюдения (включенного наблюдения), как особый метод сбора эмпирической информации, в связи с тем, что автор входил в состав рабочих групп по разработке проектов ГПК РТ, Закона РТ «Об исполнительном производстве».

Эмпирическая база исследования. Эмпирическую базу исследования составляют Конституция Республики Таджикистан, гражданское процессуальное законодательство Таджикской АССР, Таджикской ССР, Республики Таджикистан, Российской Федерации и некоторых других государств, а также судебная практика по гражданским делам. Вместе с тем, для раскрытия темы исследования, достижения его цели и решения поставленных задач, было изучено определенное количество архивных материалов, которые хранятся в Центральном государственном архиве Республики Таджикистан, часть из которых впервые вводятся в научный оборот или впервые исследуются в избранном диссертантом аспекте. Архивные материалы можно подразделить на: а) неопубликованные нормативные правовые акты; б) документы, отражающие правореализационную практику, в том числе правоприменительную практику судебных органов, прокуроров и адвокатов; в) переписку между судебными органами, прокуратурой и адвокатурой, отчеты об их деятельности, рапорта и обращения отдельных работников суда, прокуратуры и адвокатуры.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые с позиции наук истории права и государства и гражданского процессуального права исследованы вопросы развития института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР, Таджикской ССР и Республики Таджикистан, выявлены предпосылки, обуславливающие развитие и определяющие перспективы развития данного института.

В диссертационной работе на основании осмысления дискуссионных теоретических вопросов, обобщения и научного анализа гражданского процессуального законодательства, судебной практики сформулирован ряд

научных положений и предложений, направленных на совершенствование норм института лиц, участвующих в деле, и практики их применения. Элемент новизны также проявляется в использовании источников, в том числе архивных материалов, часть из которых впервые вводятся в научный оборот или впервые исследуются в избранном диссертантом аспекте.

Положения, выносимые на защиту. Научная новизна исследования подтверждается и конкретизируются в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Обосновывается, что правовой институт лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе представляет собой взаимосвязанную, взаимообусловленную, относительно целостную, автономную совокупность норм, регулирующих общественные отношения, одной стороной которых являются лица, участвующие в деле. Научный институт лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе – это совокупность знаний, идей, взглядов и концепций о понятии, признаках, целях, функциях, а также субъективных гражданских процессуальных правах и обязанностях лиц, участвующих в деле.

2. Утверждается, что развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе РФ обусловлено следующими предпосылками, которые также определяют перспективы его дальнейшей эволюции: 1) принятием Конституции РФ 1994 года, которая провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью, гарантировала право каждого на судебную защиту, предусмотрела необходимость осуществления правосудия по гражданским делам на основании принципов состязательности и равноправия сторон; 2) признанием РФ ряда международных правовых актов, в которых предусмотрены стандарты права на справедливое судебное разбирательство; 3) принятием и необходимостью реализации программ судебно-правовых реформ на 2007-2010 гг., 2011-2013 гг., 2015-2017 гг., 2019-2021 гг., концепций и стратегий, направленных на совершенствование правовых и институциональных основ гражданского судопроизводства; 4) плюрализмом в правопонимании; 5) необходимостью гармонизации гражданского процессуального законодательства

РТ с гражданским процессуальным законодательством стран СНГ и Европейского союза; б) необходимостью выявления и устранения пробелов и коллизий норм данного института; 7) необходимостью создания эффективного, компактного, и мобильного механизма отправления правосудия по гражданским делам.

3. Подтверждается, что с учетом различий в функциях, осуществляемых лицами, участвующими в деле, можно произвести следующую их классификацию: а) лица, осуществляющие функцию иска (истцы (процессуальные истцы)), третьи лица, заявляющие самостоятельные права на предмет спора); б) лица, осуществляющие функцию защиты против иска (ответчики); в) лица, осуществляющие функцию содействия истцу в поддержании иска (третьи лица, участвующие на стороне истца); г) лица, осуществляющие функцию содействия ответчику в защите против иска (третьи лица, участвующие на стороне ответчика); д) лицо, осуществляющее функцию надзора за законностью в гражданском процессе (прокурор), в случаях его участия в деле для дачи заключения; е) лица, осуществляющие функцию дачи заключения по гражданскому делу (органы государственной власти и органы местного самоуправления).

4. Историю становления и развития института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе советского и современного Таджикистана можно разделить на следующие периоды: 1) 1917-1924 гг. – формирование основ советского института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе на территории Таджикистана до образования Таджикской АССР; 2) 1924-1929 гг. – особенности института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР; 3) 1929-1991 гг. – развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР, который подразделяется на два этапа: а) 1929-1963 гг. – институт лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР до принятия ГПК Таджикской ССР 1963 года; б) 1963-1991 гг. – институт лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР после вступления в законную силу ГПК Таджикской ССР 1963 года; 4) 1991 год и по настоящее время – развитие института лиц, участвующих в

деле, в гражданском процессе Республики Таджикистан, который подразделяется на два этапа: а) 1991-2007 гг. – институт лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Республики Таджикистан до принятия ГПК Республики Таджикистан 2007 года; б) 2007 год и по настоящее время – институт лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Республики Таджикистан после вступления в законную силу ГПК Республики Таджикистан 2007 года.

5. Особенности института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР заключаются в следующем:

- государственными органами Таджикской АССР принимаются первые законодательные акты в области гражданского процессуального права, в том числе института лиц, участвующих в деле. Отдельные нормы института лиц, участвующих в деле, имеют ярко выраженный классовый характер и направленность на преимущественную защиту государственной собственности. Существует деление дел на русские и мусульманские в зависимости от национальности истца, что было также присуще советским народным судам Туркестанской АССР;

- крайне низкое материальное обеспечение деятельности народных судов, прокуратуры и коллегии защитников, низкая профессиональная подготовка судей, прокуроров и адвокатов отрицательно сказывались на реализации содержания правового положения сторон и других лиц, участвующих в гражданском деле, и в целом на качестве и эффективности гражданского судопроизводства. Многочисленные архивные материалы свидетельствуют о существенном разрыве между нормами правового института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР и практикой их реализации, в том числе применения;

- специфика первых лет существования Таджикской АССР выражалась в том, что обращения граждан с исковыми заявлениями в советские суды были крайне немногочисленными, а в некоторых районах, находящихся в условиях гражданской войны и военного положения, обращения в народные суды отсутствовали. Случаи подачи сторонами и другими лицами, участвующими в деле, кассационных жалоб или протестов на судебные решения также были

весьма малочисленными. Такая ситуация была обусловлена различными факторами объективного характера, такими как широкая распространенность норм шариата, устойчивость религиозного сознания, менталитета и правовых традиций, неоспоримость влияния духовенства, невозможность, усугублённая гражданской войной и иностранной интервенцией, плохими дорогами, отсутствием нормального транспортного сообщения и телеграфной связи между центром и периферией Таджикской АССР, за короткое время создать дееспособную и укомплектованную систему новых советских судов и обеспечить их квалифицированными кадрами. Существовала тенденция ограничения судебной подведомственности дел, которая впоследствии усилилась, что обуславливало ограничение права граждан на судебную защиту;

- отсутствие конкретных сроков разбирательства гражданских дел, следовательно, отсутствие у сторон и других лиц, участвующих в деле, права на своевременное рассмотрение и разрешение дела становилось причиной волокиты и затягивания разбирательства отдельных дел. Такое положение вынуждало Народный комиссариат юстиции Таджикской АССР неоднократно принимать циркуляры с указанием в адрес судов о том, чтобы дела рассматривались своевременно, и прибегать к различным мерам, включая соревнования между судами в целях стимулирования более быстрого прохождения дел;

- наиболее подробно в ГПК РСФСР 1923 года и в ГПК Узбекской ССР 1927 года было урегулировано правовое положение сторон. Что касается правового положения остальных лиц, участвующих в деле, то в указанных законах имелось много неточностей и несовершенств, а также фрагментарность в его урегулировании;

- правила, предусмотренные в ГПК Узбекской ССР 1927 года для урегулирования порядка замены ненадлежащих сторон, по сравнению с ГПК РСФСР 1923 года, больше соответствовали принципу диспозитивности;

- ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года предусматривали только одну разновидность соучастия в гражданском процессе: смешанное соучастие. Также в упомянутых кодексах не предусматривалось основание

привлечения или вступления соучастников в гражданский процесс, что следует признать явным пробелом указанных нормативных правовых актов в урегулировании данного компонента правового положения сторон в гражданском процессе Таджикской АССР;

- ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года не предусматривали четкого деления третьих лиц на две категории, в них не говорилось о том, что третьи лица, имеющие самостоятельные права на предмет спора, пользуются правами и выполняют обязанности истца. Серьезным пробелом ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской 1927 года было и то, что в них отсутствовала норма, подробно регулирующая права и обязанности третьих лиц, не имеющих самостоятельных прав на предмет спора. В некоторых вопросах урегулирования общественных отношений с участием третьих лиц в гражданском процессе ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской 1927 года больше соответствовали требованиям принципа диспозитивности, чем ГПК Таджикской ССР 1963 года;

- несмотря на существование у сторон и третьих лиц права на получение квалифицированной юридической помощи, на практике оказание данной помощи было осложнено и зачастую было невозможно в связи с тем, что в некоторых вилояхтах Таджикской АССР в первые годы её существования не были созданы коллегии профессиональных судебных представителей. А после создания указанных коллегий в них входило небольшое число лиц, квалификация которых находилась на очень низком уровне;

- прокурор по ГПК РСФСР 1923 года и по ГПК Узбекской ССР 1927 года мог участвовать в гражданском процессе в следующих двух формах: 1) путем обращения в суд за защитой прав и интересов других лиц; 2) путем вступления в уже начатый по инициативе других процесс. Прокурору Таджикской АССР были предоставлены широкие полномочия по осуществлению надзора над судами Таджикской АССР, рассматривающими и разрешающими гражданские дела: он имел право на подачу протеста на любое решение любого суда Таджикской АССР.

6. Особенности развития института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР выражаются в следующем:

- данный период можно разделить на следующие четыре подэтапа: 1) 1929-1936 годы. С момента образования Таджикской ССР до принятия Конституции СССР 1936 года. Характерной чертой указанного этапа являлась то, что кроме внесения изменений и дополнений в ГПК Узбекской ССР 1927 года, действующего на территории Таджикской ССР, касающихся института лиц, участвующих в деле, велась работа по подготовке проекта ГПК Таджикской ССР; 2) 1936-1957 годы. С момента принятия Конституции СССР 1936 года до момента принятия Закона СССР 1957 года. Институт лиц, участвующих в деле, развивался на основании внесения изменений и дополнений в ГПК Узбекской ССР 1927 года, действующего на территории Таджикской ССР, так как на основании Конституции СССР 1936 года союзные республики лишились полномочия на подготовку кодифицированных нормативных правовых актов. Вместе с тем институт лиц, участвующих в деле, развивался путем принятия различных нормативных правовых актов СССР, а также Таджикской ССР, которые дополняли нормы ГПК Узбекской ССР 1927; 3) 1957-1963 годы. С момента принятия Закона СССР 1957 года, который восстановил полномочия союзных республик на подготовку и принятие кодифицированных нормативных правовых актов, до момента принятия ГПК Таджикской ССР 1963 года. Ведется целенаправленная работа по подготовке проекта ГПК Таджикской ССР, принимаются Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик и ряд других законов СССР, которые существенно повлияли на развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР; 3) 1963-1991 годы. С момента принятия и вступления в законную силу ГПК Таджикской ССР 1963 года. Институт лиц, участвующих в деле, развивается на основании внесения изменений и дополнений в указанный кодекс, а также принятия законов СССР и других законов Таджикской ССР, дополняющих его;

- принятие Закона СССР от 11 февраля 1957 года, который восстановил полномочия союзных республик на подготовку и принятие кодифицированных нормативных правовых актов, что ознаменовало начало существенного этапа в развитии гражданского процессуального законодательства, в том числе института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР.

- Основы гражданского судопроизводства СССР и союзных республик от 1961 года предопределили структуру, модифицированный понятийный аппарат и содержание основных и существенных положений института лиц, участвующих в деле, в ГПК Таджикской ССР 1963 года;

- кодификационный опыт подготовки проекта ГПК Таджикской ССР, оказавший значительное влияние на развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе указанного исторического периода заключался в следующем: а) опубликование текста проекта ГПК Таджикской ССР для широкого обсуждения; б) подготовка и опубликование научно обоснованных предложений о внесении изменений и дополнений в проект ГПК Таджикской ССР ведущими учеными СССР и Таджикской ССР; в) тщательная доработка проекта ГПК Таджикской ССР с учетом предложений, сделанных по итогам его всенародного обсуждения;

- в этот исторический период, в ходе кодификационной работы по внесению изменений и дополнений в ГПК 1927 года, подготовки проекта ГПК СССР, подготовки и принятия Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, проекта ГПК Таджикской ССР и их широкого обсуждения были заложены предпосылки принципиально нового института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикистана;

- ученые Таджикской ССР внесли существенный вклад в совершенствование института лиц, участвующих в деле, в ходе подготовки проекта ГПК Таджикской ССР. Их отдельные научные изыскания не потеряли своей актуальности и в настоящее время, так как данный институт в ГПК РТ 2007 года сохранил определенные преемственные связи с аналогичным институтом ГПК Таджикской ССР 1963 года;

- расширение судебного контроля над распорядительными правами сторон в ГПК Таджикской ССР 1963 года по сравнению с ГПК Узбекской ССР 1927 года означало сужение действия принципа диспозитивности в гражданском процессе того периода.

7. Развитие правового положения лиц, участвующих в деле, по ГПК Таджикской ССР 1963 года и ГПК РТ 2007 года выражается в расширении, конкретизации и совершенствовании субъективных гражданских процессуальных прав и обязанностей, а также усилении гарантий их реализации, что в целом способствовало развитию гражданско-процессуального института лиц, участвующих в деле, в Таджикистане.

8. Доказывается, что понятие гражданской процессуальной правоспособности как в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года, так и ГПК РТ 2007 года находилось и находится под влиянием понятия гражданской правоспособности и не учитывает различных субъектов гражданского процесса, в том числе и некоторых лиц, участвующих в деле.

9. Обосновывается, что под гражданской процессуальной правоспособностью сторон и третьих лиц подразумевается предусмотренная законом способность данных лиц иметь субъективные гражданские процессуальные права и нести субъективные гражданские процессуальные обязанности сторон и третьих лиц, возможность осуществлять соответствующие функции (функцию иска, защиты против иска, содействия в осуществлении функции иска или защиты против иска), обусловливаемые целями, для достижения которых стороны и третьи лица участвуют в гражданском процессе.

10. Подтверждается, что нормы ГПК Таджикской ССР 1963 года, определяющие гражданскую процессуальную дееспособность субъектов гражданского процесса, в том числе и лиц, участвующих в деле для защиты своих прав и интересов, вплоть до момента принятия ГПК РТ 2007 года не учитывали ряд существенных изменений, внесенных в новые ГК РТ, СК РТ, ТК РТ и КоАП РТ, касающихся материальной дееспособности. Анализ ст. 39 нового ГПК РТ показывает, что в основном она воспроизводит содержание ст. 99 ГПК

Таджикской ССР 1963 года. Вместе с тем развитие норм материального права, регулирующих вопросы материально-правовой дееспособности, обусловили развитие норм, регулирующих гражданскую процессуальную дееспособность.

11. Аргументируется, что истец – это лицо, требование которого о защите своего или чужого права и охраняемого законом интереса, рассматривает и разрешает суд. Именно такое определение понятия истца в гражданском процессе отвечает требованию единства и универсальности и отражает правовую действительность, так как учитывает две категории истцов, которые защищают в суде свои или чужие права и законные интересы.

12. Доказывается, что с принятием нового ГПК РТ в урегулировании порядка замены ненадлежащей стороны по сравнению с ГПК Таджикской ССР 1963 года произошел регресс.

13. Обосновывается, что нормы ГПК РТ 2007 года, регулирующие участие третьих лиц в гражданском процессе, сохранили преемственность по отношению к нормам ГПК Таджикской ССР 1963 года. Вместе с тем урегулирование общественных отношений с участием третьих лиц в гражданском процессе в новом ГПК РТ получило дальнейшее развитие. Анализ нового ГПК РТ показывает, что нормы, регулирующие участие третьих лиц в гражданском процессе, нуждаются в дальнейшем усовершенствовании. В связи с этим аргументируются предложения по их совершенствованию.

14. Аргументируется, что по ГПК Таджикской ССР 1963 года прокурор имел широкую компетенцию по предъявлению в суд заявления, направленного на защиту прав и интересов других лиц, а также вступления в начавшийся процесс для дачи заключения. В период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года прокурор в силу закона был призван обеспечить точное соблюдение и единообразное исполнение законов всеми субъектами права. Прокурору была вменена не только обязанность обнаружения нарушения законов, но и принятия всех мер для их устранения. Отсюда прокурор в гражданском процессе, прежде всего, выполнял функцию надзора, так как деятельность судов по рассмотрению и разрешению гражданских дел являлась объектом прокурорского надзора.

В ГПК РТ 2007 года правовой статус прокурора был усовершенствован, приведен в соответствие с принципами диспозитивности, состязательности и равноправия сторон в гражданском процессе. Возможности привлечения прокурора для участия в процессе по инициативе суда и вступления в чужой процесс по инициативе самого прокурора исключены из гражданского процессуального закона. Вместе с тем нормы, регулирующие участие прокурора в гражданском процессе, требуют дальнейшего развития. Поэтому обосновываются предложения по доработке указанных норм.

Подтверждается, что дальнейшая оптимизация и повышение эффективности взаимодействия прокуратуры с судом в гражданском судопроизводстве должна основываться на взвешенном подходе, учитывающем положительный исторический правовой опыт советского Таджикистана, передовой зарубежный опыт, а также современное состояние общества и государства

По результатам проведенного диссертационного исследования предложены изменения и дополнения в действующий гражданский процессуальный закон.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно призвано восполнить существующий пробел в изучении развития института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе советского и современного Таджикистана, а также положения, выводы и предложения, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы для дальнейшего развития наук истории права и государства и гражданского процессуального права. Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что отдельные выводы и предложения, которые содержатся в диссертационной работе, были представлены для использования при подготовке проекта ГПК РТ. Положения и выводы диссертации также могут быть использованы в ходе реализации государственных стратегий, программ и концепций в сфере судебно-правовых реформ, в том числе реформирования гражданского судопроизводства, при подготовке проектов законов о внесении изменений и дополнений в ГПК РТ и ЭПК РТ. Кроме того, результаты диссертационного исследования могут быть использованы в

преподавании учебных дисциплин «История государства и права РТ», «Гражданский процесс» и спецкурсов «Исполнительное производство» и «Экономическое судопроизводство» для студентов юридических факультетов, при подготовке комментариев к ГПК РТ и ЭПК РТ, специальных учебников и учебных пособий, при проведении исследований в целях подготовки кандидатских диссертаций, магистерских, дипломных, бакалаврских и курсовых работ, в практической деятельности судебных органов Республики Таджикистан, а также на курсах повышения квалификации практических работников суда, прокуратуры и адвокатуры.

Степень достоверности результатов. Степень достоверности результатов диссертационного исследования подтверждается использованием общенаучного метода диалектики и ряда частнонаучных методов, подкреплением выводов и рекомендаций обширной теоретической базой и материалами правоприменительной практики, изучением и использованием широкого круга научной и учебной литературы, исторического и действующего законодательства, а также архивных материалов.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание исследования соответствуют паспортам научных специальностей 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.15 – Гражданско-процессуальное право; арбитражно-процессуальное право, утвержденных решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан от 30 сентября 2021 г., № 7.

Личный вклад соискателя ученой степени. Личный вклад автора диссертационного исследования заключается в том, что оно выполнено самостоятельно, для достижения цели и осуществления задач предложен и обоснован ряд новых теоретических положений и практических рекомендаций, опубликованы научные статьи, комментарии, учебно-методические работы, а также сделаны доклады на международных и республиканских научно-теоретических и научно-практических конференциях и круглых столах.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре судебного права и прокурорского надзора юридического факультета Таджикского национального университета. Основные положения диссертации докладывались на ежегодных апрельских научных конференциях профессорско-преподавательского состава Таджикского национального университет (2008-2024 гг.), а также на различных международных и республиканских научно-практических и научно-теоретических конференциях, круглых столах и семинарах, в том числе:

а) международные:

– Научно-теоретическая конференция на тему: «Актуальные вопросы реформы процессуального законодательства и правоохранительной деятельности» – доклад на тему: «Развитие норм, регулирующих правовое положение прокурора, как лица, участвующего в деле: сравнительный анализ ГПК Таджикской ССР 1963 года и ГПК РТ 2007 года» (Душанбе, ТНУ, 25 ноября 2016 года);

– Научно-практическая конференция, посвященная дню принятия Всеобщей декларации прав человека, на тему: «Права человека: история и современность» – доклад на тему: «Преемственность и новизна в развитии субъективных прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР и Республики Таджикистан» (Душанбе, ТНУ, 9 декабря 2022 года);

– Научно-теоретическая конференция на тему: «Теоретические вопросы формирования культуры прав человека в Таджикистане» – доклад на тему: «Некоторые аспекты развития правового положения лиц, участвующих в гражданском деле» (Душанбе, ТНУ, 5 декабря 2023 года);

б) республиканские:

– Научно-практическая конференция на тему: «Развитие судебного права, уголовного права и правоохранительной деятельности в Республике Таджикистан» – доклад на тему: «Развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Республики Таджикистан (1991-2011 гг.)» (Душанбе, 22 октября 2015 года);

– Научно-практическая конференция на тему: «Роль судьбоносной XVI сессии Верховного Совета Республики Таджикистан в укреплении национальной государственности и развитии законодательства» – доклад на тему: «К вопросу о некоторых проблемах исполнительного производства в Республике Таджикистан и путях их решения» (Душанбе, ТНУ, 10 октября 2017 года);

– Научно-теоретическая конференция, посвященная 75-летию Таджикского национального университета, на тему: «Актуальные вопросы совершенствования Конституции Республики Таджикистан в современных условиях» – доклад на тему: «К вопросу о совершенствовании норм, регулирующих гражданскую процессуальную правоспособность лиц, участвующих в деле» (Душанбе, ТНУ, 1 ноября 2023 года).

Диссертант в составе коллективов авторов принимал участие в написании комментариев к ГПК РТ (на таджикском и русском языках), в которых отражены некоторые положения и выводы, изложенные в диссертации. Он также входил в состав рабочих групп по разработке проектов нового ГПК РТ, Закона РТ «Об исполнительном производстве», Инструкции Министерства юстиции РТ «Об организации, делопроизводстве и материально-техническом обеспечении деятельности судебных исполнителей», участвовал в разработке концепции прогнозного развития законодательства РТ, Концепции РТ о правовой политике на 2018-2028 годы, подготовил заключения к проектам некоторых постановлений Пленума Верховного Суда РТ и Пленума Высшего экономического суда РТ. В настоящее время входит в состав рабочих групп по подготовке проектов Административного процедурно-процессуального кодекса РТ и Закона РТ «О медиации».

Публикации по теме диссертации. Результаты диссертационного исследования были опубликованы в более 22 работах автора, в том числе в 1 коллективной монографии, 2 коллективных комментариях и 19 научных статьях, из которых 9 – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан, остальные: в сборниках и других научных изданиях.

Структура и объем диссертации. Структура и объем диссертации определены целью, задачами и логикой проведенного исследования, и она состоит из перечня сокращений и (или) условных обозначений, введения, двух глав, объединивших шесть параграфов, заключения, рекомендаций по практическому использованию результатов исследования, списка литературы (источников) и перечня научных публикаций соискателя ученой степени. Общий объем диссертации составляет 261 страниц.

ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ, В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ СОВЕТСКОГО ТАДЖИКИСТАНА (1924-1991 гг.)

1. Понятие лиц, участвующих в деле, как субъектов и института в гражданском процессе. Классификация лиц, участвующих в деле

Конституция Республики Таджикистан провозгласила «создание демократического правового, светского, унитарного государства, в котором гарантируются права и свободы человека и гражданина» [1]. «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны. Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством», – говорится в ст. 5 Конституции Республики Таджикистан [1].

Граждане и организации наделены комплексом прав, а также исполняют определенные обязанности. Они, реализуя свои права, становятся участниками гражданских (в широком смысле слова) материальных правоотношений, направленных на достижение конкретных целей в разных сферах жизни общества.

Участвуя в упомянутых материальных правоотношениях, граждане и организации, как правило, соотнобразовывают свое поведение с действующими в Республике Таджикистан нормами законодательства. Вместе с тем нередки случаи, когда из-за неправомерных действий (бездействия) отдельных лиц прерывается оптимальное течение материального правоотношения, субъективное право переходит в состояние нарушенного или оспариваемого.

В результате появляется объективная необходимость в возникновении особых правоотношений, призванных защитить права и охраняемые законом интересы посредством деятельности специфических юрисдикционных органов государства – судов.

Инициаторами возникновения гражданского дела в суде являются в подавляющем большинстве случаев материально заинтересованные лица. Реализация ими на основе диспозитивных начал под контролем и при активном содействии суда своих субъективных процессуальных прав приводит к

возникновению судебной деятельности по защите права или охраняемого законом интереса. В некоторых случаях гражданское дело возбуждается судом по инициативе субъектов, защищающих права и интересы других лиц.

Субъекты, защищающие свои права и законные интересы или права и законные интересы других лиц в гражданском судопроизводстве, относятся к лицам, участвующим в гражданском деле.

Сказанное является наглядным подтверждением того, что среди всех участников процесса, которые имеют определенные цели и задачи в гражданском судопроизводстве, особое место занимает правовая категория «лица, участвующие в деле».

Развитие гражданского процессуального законодательства свидетельствует о неодинаковом подходе законодателя к урегулированию правового статуса этих лиц в разные исторические периоды. В судебной практике это нередко приводило к определенным затруднениям при определении процессуального положения субъектов гражданского судопроизводства. Точное определение процессуального положения лиц, участвующих в деле, правильное отнесение их к той или иной правовой категории субъектов гражданского судопроизводства играет первостепенную роль в обеспечении законности в данной сфере государственной деятельности, в полном, всестороннем установлении всех обстоятельств дела, действительных взаимоотношений, прав и обязанностей сторон. В зависимости от процессуального положения, целей и задач лиц, участвующих в деле, закон наделяет их разным объемом процессуальных прав и обязанностей [131, с. 36].

Отсюда изучение и научная разработка вопросов развития института лиц, участвующих в деле, а также выявление предпосылок его дальнейшего развития имеет существенное теоретическое и практическое значение. Этой проблеме уделялось достаточное внимание в юридической литературе. Многие специалисты в области науки гражданского процессуального права посвящали данной проблеме специальные монографии [212; 87; 131; 214], отдельные статьи [262, с. 89; 245, с. 89-90], рассматривали ее в контексте с другими вопросами теории гражданского процессуального права [84; 146].

Вместе с тем в юридической литературе некоторые авторы не видели разницы в понятиях «лица, участвующие в деле» и «участники гражданского процесса» [212]. Случаи отождествления этих понятий не только в юридической литературе, но и в законодательных актах встречаются и в настоящее время. Так, в ч. 1 ст. 15 Закона РТ «О доступе к информации о деятельности судов» вместо термина «лица, участвующие в деле» используется термин «участники судебного заседания». В результате отождествления этих понятий размещение вступившего в законную силу судебного акта на сайте суда, по указанному закону, зависит не только от согласия субъектов, имеющих юридический интерес в исходе дела, но и от лиц, оказывающих содействие осуществлению правосудия, что неприемлемо.

Для определения понятия института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикистана, необходимо уяснить значение понятия лиц, участвующих в деле.

В Декретах о суде [2; 3; 4; 5], в Положениях о народном суде от 30 ноября 1918 года и от 21 октября 1920 года [7; 8], других нормативных правовых актах первых лет Советской власти в области гражданского процессуального права, термин лица, участвующие в деле не употреблялся [9]. Но в упомянутых нормативных правовых актах были закреплены многочисленные нормы права, регулирующие правовое положение отдельных категорий лиц, участвующих в деле, таких как стороны, третьи лица и судебные представители.

Впервые термин лица, участвующие в деле был использован в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1923 года [10] (ст. ст. 110, 112, 235), который действовал на территории Таджикской АССР (более подробно действие ГПК РСФСР на территории Таджикской АССР будет рассмотрено в параграфе 2 главы 2 настоящей работы), входившей в состав Узбекской ССР. Однако в упомянутом законе не был определен точный состав, а также общие права и обязанности данных лиц, что способствовало затруднениям в судебной практике и теории при определении круга лиц, участвующих в деле, их конкретных общих прав и обязанностей. Вопрос о точном составе, общих правах и обязанностях лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе был разрешен

Основами гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, которые были приняты 8 декабря 1961 года на седьмой сессии Верховного Совета СССР и введены в действие с 1 мая 1962 года [32].

В первой половине 60-х годов прошлого века в новых ГПК, принятых во всех бывших республиках СССР, в том числе и в Таджикской ССР, был закреплён специальный раздел, посвященный лицам, участвующим в деле.

Вместе с тем следует отметить, что законодатель (как в ГПК Таджикской ССР 1963 [33] года, так и в ГПК РТ 2007 [43] года) не давал и не даёт определения понятия лиц, участвующих в деле. Поэтому этот вопрос был дискуссионным в правовой науке в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года (соответствующих ГПК республик бывшего СССР). Дискуссии в юридической литературе сохранились также и после принятия новых ГПК в странах СНГ.

Так, Д.М. Чечот выделял такие критерии понятия лиц, участвующих в деле, как способность этих субъектов своими процессуальными действиями оказывать воздействие на движение гражданского процесса и вступление в процесс в целях защиты своих прав или прав других лиц. В результате чего данный автор пришел к следующему заключению: «Участвующие в деле лица (участники процесса) – это те субъекты гражданского процессуального права, которые своими действиями могут активно влиять на ход процесса, способствуя его возникновению, движению или прекращению, и которые вступают в процесс для защиты своих прав либо прав других лиц, если это поручено им законом» [212, с. 12]. Указанную точку зрения Д.М. Чечот развивал и впоследствии [76, с. 53-60].

Мнение о том, что признаком лиц, участвующих в деле, является их способность повлиять на ход гражданского процесса, т. е. на его возникновение, развитие и прекращение, высказывалось также в работах других специалистов в области гражданского процессуального права [131, с. 33]. Это мнение является наиболее распространенным в юридической литературе и после принятия нового ГПК РТ и ГПК ряда стран СНГ [108, с. 156].

Однако цитируемый автор не учитывал, что третьи лица, не предъявляющие самостоятельные требования на предмет спора, а также прокурор и органы государственного управления (по терминологии ГПК Таджикской ССР 1963 года), вступающие в гражданский процесс для дачи заключения, не могли выступить инициаторами прекращения производства по гражданскому делу, хотя были включены в состав лиц, участвующих в деле. Все лица, участвующие в деле, своей инициативой могут повлиять на развитие процесса (как третьи лица, предъявляющие самостоятельные требования на предмет спора, так и прокурор, органы государственной власти (по терминологии ГПК РТ 2007 года), дающие заключение по делу), но на прекращение процесса могут повлиять только лица, участвующие в деле, которые выступили в качестве инициаторов его возникновения. Даже ответчик не может повлиять на прекращение гражданского процесса.

Более того, ответчик, третьи лица, не предъявляющие самостоятельные требования на предмет спора, прокурор и органы государственного управления, вступившие в процесс для дачи заключения, не могли повлиять также и на возникновение гражданских процессуальных правоотношений.

Д.Р. Джалилов, оспаривая позицию Д.М. Чечота, на которой мы остановились выше, считал, что способность совершать процессуальные действия не является критерием понятия лиц, участвующих в деле. По мнению указанного автора, процессуальные действия могут быть совершены всеми субъектами гражданского процессуального права в ходе осуществления последними принадлежащих им процессуальных прав и обязанностей. Например, дача показаний свидетелем является формой осуществления процессуальных действий, а также влияет на динамику процесса, способствуя установлению истины по делу [87, с.6]. Аналогичную позицию в этом вопросе занимали и некоторые другие специалисты [258, с. 138].

Представляется, что свидетель, эксперт, переводчик являются субъектами гражданского процессуального права, и вступая с судом в определенные процессуальные правоотношения, становятся носителями конкретных

субъективных процессуальных прав и обязанностей. Показания свидетеля, заключение эксперта в качестве средств доказывания способствуют полноте фактического и доказательственного материала, выяснению действительных прав и обязанностей сторон в рамках спорного материального правоотношения. Переводчик, выполняя вспомогательную роль в гражданском судопроизводстве, обеспечивает в определенном смысле слова реализацию основополагающих демократических начал правосудия. Ведь именно через него лицо, не владеющее языком судопроизводства, фактически принимает участие в разбирательстве дела, в представлении и исследовании доказательств.

Неявка свидетеля, эксперта или переводчика может служить основанием к отложению дела. При отводе или самоотводе эксперта, переводчика, принятого судом, слушание дела также откладывается. «Однако, – как правильно отмечал А.А. Мельников, – эти обстоятельства нельзя отождествлять с теми, которые являлись прямым результатом совершения участниками процесса действий, основанных на субъективных гражданских процессуальных правах» [131, с. 35].

В прямом смысле слова, способностью влиять на движение гражданского процесса располагают лишь те субъекты гражданского процессуального права, которые имеют право совершать процессуальные действия, санкционированные судом и направленные на возбуждение, приостановление, отложение, переход дела из одной стадии в другую, а также прекращение дела в суде. Так, истец может в любой стадии гражданского судопроизводства, распоряжаясь своим субъективным процессуальным правом, отказаться от иска. Данное процессуальное действие в случае принятия его судом приведет к прекращению производства по делу. Аналогично истец может заявить свое несогласие с принятым судебным решением и подать кассационную или надзорную жалобу. При соответствующем санкционировании судами кассационной или надзорной инстанций названных процессуальных действий они, бесспорно, окажут влияние на развитие процесса.

Во всех приведенных случаях речь идет о реализации лицом принадлежащих ему субъективных процессуальных прав. Именно на основе

диспозитивных начал лица, участвующие в деле, в соответствии с действующим гражданским процессуальным законодательством, наделяющим их комплексом процессуальных правомочий, совершают вышеназванные и другие действия.

Отсюда реализация предоставленных законом правомочий, способствующих возникновению, развитию и прекращению гражданского процесса, не имеет ничего общего со случаями неявки свидетелей, экспертов, переводчиков или с отводами экспертов и переводчиков, которые, косвенно влияя на ход процесса, не являются формой реализации ими соответствующих прав, направленных именно на возникновение и дальнейшее развитие гражданского дела в суде.

Наличие определенных целей, для достижения которых лицо вступает в процесс, признавалось в качестве признака, характеризующего лиц, участвующих в деле [325, с. 6].

Данная позиция подвергалась справедливой критике, так как бесцельного участия в судопроизводстве по гражданским делам, по мнению подавляющего большинства авторов, по существу нет [131, с. 36].

Все субъекты гражданского процессуального права имеют конкретные цели, для достижения которых вступают или привлекаются в гражданский процесс. Если истец, защищая свое нарушенное или оспоренное право и являясь предполагаемым (действительным) субъектом спорного материального правоотношения, активно пользуется предоставленными ему процессуальными средствами, то эксперт, который не является лицом, участвующим в деле, преследует цель оказания содействия в осуществлении правосудия путем дачи заключения по обстоятельствам рассматриваемого в суде дела, познание которых требует специальных знаний в различных областях науки, техники или ремесла.

Д.Р. Джалилов избирал в качестве критерия, характеризующего участвующих в деле лиц, объект гражданского процессуального отношения. Под объектом гражданского процессуального отношения вышеуказанный автор понимал защиту своих субъективных материальных прав и охраняемых законом интересов, либо защиту государственных и общественных интересов [87, с. 6].

В связи с этим Д.Р. Джалилов не относил судебных представителей к лицам, участвующим в деле. Он считал, что процессуальные правоотношения с участием судебных представителей не имеют самостоятельного объекта, поскольку направлены на защиту субъективных прав сторон и третьих лиц [87, с. 9].

Данное мнение имело своих противников и сторонников. Так, в соответствии со ст. 98 ГПК РСФСР 1964 года и ГПК некоторых других бывших союзных республик судебные представители не были внесены в состав лиц, участвующих в деле.

Однако существовало диаметрально противоположное мнение. В соответствии с этим мнением судебные представители признавались лицами, участвующими в деле, что в то время нашло отражение в гражданском процессуальном законе ряда республик бывшего СССР. Так, ГПК Таджикской ССР 1963 года, ГПК УССР 1963 года, ГПК БССР 1964 года, ГПК Литовский ССР 1964 года включали судебных представителей в состав лиц, участвующих в деле.

Думается, что при использовании критерия, предложенного Д.Р. Джалиловым, мы были бы вынуждены исключить из числа лиц, участвующих в деле, всех субъектов, участвующих в гражданском судопроизводстве с целью защиты прав других лиц. Ведь и они не являются и не предполагаются субъектами спорного материального правоотношения, а значит, свои субъективные права и интересы в суде не защищают. Более того, наличие самостоятельного объекта в процессуальных отношениях с участием прокурора, органов государственного управления и других субъектов, предъявляющих иск в защиту «чужого» права, признавалось и упомянутым автором [87, с.10].

Следует отметить, что судебные представители вступали и вступают в самостоятельные правоотношения с судом, участвуя в гражданском судопроизводстве от имени и в интересах представляемого, по своей воле реализовали и реализуют процессуальные правомочия, которыми они наделяются [212, с. 14]. Судебные представители, являясь активными участниками гражданского судопроизводства, наделялись и наделяются правами и обязанностями на основе закона (ст. 114 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ст. 56

ГПК РФ 2007 года), кроме тех, для приобретения которых необходима воля представляемого (например, отказ от иска, признание иска, заключение мирового соглашения).

В некоторых случаях судебные представители (имеются в виду законные представители) обязаны в соответствии с законом представлять интересы своих подопечных перед другими лицами, защищать или охранять права и интересы недееспособных лиц по возрасту или состоянию здоровья.

Именно исходя из соответствующего закона, судебные представители обязаны предъявлять иск в суд в целях защиты нарушенных или оспоренных субъективных прав и охраняемых законом интересов других лиц. Более того, недееспособное по возрасту или состоянию здоровья лицо, хотя и обладает абстрактной юридической возможностью быть носителем субъективных прав и обязанностей, тем не менее, своими действиями осуществлять эту возможность или поручить ее реализацию представителю не вправе. Это объясняется тем, что дееспособность, т. е. способность лично, активными действиями осуществлять содержание гражданской процессуальной правоспособности, возникает у таких субъектов по достижении ими совершеннолетия.

Отсюда – независимость, как правило, законных судебных представителей от представляемых ими лиц. В противном случае, вообще невозможно представить защиту интересов, представляемых через деятельность указанных представителей в суде. Действительно, законные представители не являются и не предполагаются субъектами спорного материального правоотношения. Хотя судебная практика, а иногда и наука гражданского процессуального права по некоторым категориям гражданских дел (например, лишение родительских прав, установление отцовства) склонна ошибочно признавать законных представителей предполагаемыми или действительными субъектами спорного материального правоотношения [288, с. 76]. Эта позиция в юридической литературе подвергалась справедливой критике [254, с. 77-78]. С другой стороны, как выше было отмечено, сами предполагаемые субъекты спорного материального правоотношения не могут защитить свое право лично или по поручению, так как личная реализация

субъективных прав и обязанностей, а также передача их осуществления другому лицу являются элементами дееспособности.

На этом базируется предусмотренная законодательством специальная гражданская процессуальная правоспособность законных представителей. Именно они призваны, восполняя отсутствие дееспособности, представлять интересы недееспособных лиц перед третьими лицами. Возможность требовать защиты нарушенного или оспоренного субъективного права недееспособного представляемого предусматривается законом и от его воли не зависит. Несовершеннолетние от 14 до 18 лет, а также граждане, признанные ограниченно дееспособными при рассмотрении судом споров о праве гражданском, где они являются или предполагаются субъектами спорного материального правоотношения, должны быть привлечены для участия в судопроизводстве.

Законные представители, выполняя возложенную на них законом обязанность по защите и охране прав и интересов представляемых, уподобляются органом опеки и попечительства. Если родители на основании факта родства с ребенком обязаны защитить его права, то опекуны и попечители выполняют делегированные им органами опеки и попечительства функции по защите и охране прав и интересов несовершеннолетних, недееспособных и ограниченных в дееспособности лиц. Хотя дополнительная гарантия защиты прав этих лиц со стороны государства в лице прокурора, органов государственной власти, общественных организаций остается.

Продолжая эту мысль, следует отметить, что если законные представители обращаются в суд независимо от воли представляемых ими лиц, исполняя возложенную на них законом или административным актом обязанность, то не являются ли они процессуальными заявителями? Ведь ведение дела в суде от имени и по воле представляемого есть договорное судебное представительство. А прокурор, органы государственной власти, общественные организации, граждане (ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ст. 5 ГПК РТ 2007 года) выступают в суде не от имени представляемого, а от своего имени в целях выполнения предусмотренной законом возможности. Данная возможность (потребность)

требовать от суда защиты нарушенного или оспариваемого субъективного права предусматривается законом и является в некоторых случаях (имеется в виду, например, прокурор) формой осуществления ими функциональных задач в тех или иных сферах государственной деятельности. Во всем этом можно проследить много общего с участием законных представителей в гражданском судопроизводстве.

Соответственно, нет ничего удивительного в том, что законные представители пользуются в суде в основном всеми процессуальными правами и исполняют обязанности процессуальных заявителей под контролем органов опеки и попечительства. Их юридический интерес является предпосылкой права на предъявления иска, т.е. не процессуальная заинтересованность представляемого – предполагаемого субъекта спорного материального правоотношения, а юридический интерес законного представителя является обстоятельством, с наличием которого связывается возможность предъявления иска (заявления) в суд.

Следует отметить, что новый ГПК РТ не относит судебных представителей к лицам, участвующим в деле. Таким же образом этот вопрос решен и в новых ГПК РФ и ряда других стран СНГ (например, ГПК Республики Казахстан [51], ГПК Кыргызской Республики [52]). Однако неотнесение судебных представителей к лицам, участвующим в деле, имеет много противников [70, с. 63; 234, с. 30-31]. Это объясняется тем, что судебные представители имеют все признаки лиц, участвующих в деле, и вышеупомянутое законодательное решение ещё не означает, что они не являются лицами, участвующими в деле.

В правовой литературе, кроме вышеприведенных признаков, в качестве признака, характеризующего лиц, участвующих в деле, указывается юридический интерес [131, с. 124; 214, с. 130; 220, с. 67-68]. Однако по данному вопросу высказаны различные суждения. Некоторые ученые вообще не склонны признавать заинтересованность в исходе дела признаком лиц, участвующих в деле. Так, Д.М. Чечот считал, что применение этого критерия в качестве квалифицирующего признака при определении лиц, участвующих в деле,

противоречило бы действующему законодательству и сложившейся судебной практике [212, с. 12]. Однако подавляющее большинство специалистов, разделяя юридический интерес на материально-правовой и процессуально-правовой, считают, что «материально-правовая заинтересованность является свойством сторон и третьих лиц, а процессуально-правовая – признаком всех остальных лиц, участвующих в деле» [146, с. 103]. Так, по мнению Г.Л. Осокиной: «Материально-правовая заинтересованность заключается в материально-правовой силе судебного решения, которая распространяется только на лиц, защищающих свое право или интерес (стороны и третьи лица). А процессуальный интерес можно определить, как предусмотренную законом потребность (нужду) в получении судебного решения как акта правосудия, то есть потребность в защите нарушенного или оспоренного права или охраняемого законом интереса» [146, с. 106].

Вместе с тем юридический интерес (материально-правовой и процессуально-правовой) заключается не только в потребности получения судебного решения благоприятного содержания, но и в потребности получения кассационного и надзорного постановлений соответствующего содержания. Ведь судебное решение есть судебный акт, которым заканчивается деятельность суда первой инстанции. Что касается лиц, участвующих в деле, то они заинтересованы в получении судебного акта благоприятного содержания и в последующих судебных инстанциях.

Таким образом, на основе анализа рассмотренных выше точек зрения можно выделить только два признака лиц, участвующих в деле, которые присущи всем лицам, участвующим в деле: а) защита в суде своих или чужих прав (интересов); б) материально-правовая или (и) процессуально-правовая заинтересованность в исходе дела.

На основе этих признаков можно дать следующее определение понятия лиц, участвующих в деле. Лицами, участвующими в деле, являются такие субъекты гражданского процесса, которые защищают в суде свои или чужие субъективные

права и интересы и обладают материально-правовой или (и) процессуально-правовой заинтересованностью в исходе дела.

Что касается определения понятия института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе, то оно должно основываться на положениях науки теории государства и права об институте права, а также учитывать вышеприведенные суждения о признаках, целях и функциях лиц, участвующих в деле, как субъектов гражданского процесса.

Так, В.М. Хвостов считал, что «совокупность юридических норм, которые относятся к известному абстрактному юридическому отношению или к нескольким отношениям, тесно связанным между собою, и притом совокупность этих норм, мыслимая, как одно целое, называется юридическим институтом» [195, с. 569]. Как видим, цитируемый автор акцентировал внимание на тесную взаимосвязь общественных отношений, входящих в предмет регулирования правового института, а также на целостность норм, определяющих его содержание.

По мнению В.М. Лесного, правовой институт – это совокупность норм, регулирующих обособленные общественные отношения в пределах той группы общественных отношений, которые составляют предмет отрасли [121, с. 416]. А.С. Шабуров констатирует, что правовой институт является совокупностью правовых норм, составляющих обособленную часть отрасли права, регулирующих определенный вид, сторону однородных общественных отношений [213, с. 279]. Следовательно, отличие правового института от отрасли права заключается, прежде всего, в объеме правового регулирования: правовой институт регулирует не всю совокупность качественно однородных общественных отношений, а одну лишь их сторону. Вместе с тем правовой институт – относительно самостоятельная, устойчивая и автономная часть системы права [213, с. 279]. Об относительной самостоятельности как признаке правового института пишет и Е.А. Киримова. По её мнению, «правовые общности, не обладающие данным признаком, сливаются в единое поле, не могут

выступать в качестве отдельных структурных элементов» конкретной отрасли права [310, с. 14].

Признавая позитивное право нормативным ядром правовой системы конкретного общества, В.Д. Перевалов отмечает его следующие качества: целостность и автономность, стабильность и динамизм, взаимосвязь и структурированность содержания и формы, наличие собственного содержания и источников развития [151, с. 323]. На наш взгляд, данные качества в относительной степени присущи и правовому институту.

В.С. Нерсесянц, обращая внимание на существование закономерных связей между спецификой регулируемых отношений и особенностями их нормативно-правовой регуляции, делает вывод, что однородные отношения регулируются однопорядковыми нормами [144, с. 430]. На этой основе, отмечает упомянутый автор, нормы права внутри системы права группируются в правовые институты и отрасли права [144, с. 430].

С точки зрения Р.Ш. Сотиволдиева, путем распределения норм права по таким структурным (системообразующим) подразделениям, как институты и отрасли права, обеспечивается их внутрисистемная связь и взаимодействие [170, с. 247]. Вместе с тем указанный автор приходит к заключению, что «система права обладает относительной объективностью, которая обусловлена объективностью общественных отношений, регулируемых нормами права» [172, с. 458]. Действительно, взаимосвязь и взаимообусловленность являются признаками норм права, входящих в состав правового института. Кроме того, на наш взгляд, относительная объективность присуща и правому институту, как составной части системы права.

Некоторые авторы предлагают включить в определение понятия правового института ссылку на метод регулирования общественных отношений, входящих в предмет регулирования норм данного правового института [324, с. 20], что, на наш взгляд, является излишним.

В.И. Гойман сформулировал следующие характерные черты института права: а) однородность фактического содержания; б) юридическое единство

правовых норм; в) нормативная обусловленность; г) полнота регулируемых отношений. Под последней из черт института права упомянутый автор подразумевает такой набор норм, который призван обеспечивать беспробельность регулируемых отношений [74, с. 363]. С данным выводом автора мы не можем согласиться, потому что беспробельность в урегулировании общественных отношений достигается не во всех случаях. Отсюда беспробельность нельзя считать признаком института права.

Е.А. Киримова утверждает, что один из основных признаков правового института выражается в следующем: «прежде всего – это объективно складывающееся правовое образование, которое адекватно отражает всю палитру общественных отношений» [310, с. 14]. Наше исследование истории одного из правовых институтов, которым является институт лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе показывает, что, как в советский, так и в постсоветский периоды, нормы данного института не являлись адекватным отражением всей палитры общественных отношений.

Таким образом, на основании вышеизложенных суждений специалистов в области советской и постсоветской общей теории государства и права можно выделить следующие признаки института права: 1) целостность и единство правовых норм; 2) однородность предмета регулирования; 3) относительная самостоятельность, устойчивость и автономность; 4) стабильность и динамизм; 5) взаимосвязь и структурированность содержания и формы; 6) наличие собственного содержания и источников развития; 7) взаимосвязь и взаимообусловленность и относительная объективность.

Эти признаки имеют определяющее значение для характеристики правового института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе. Следовательно, на наш взгляд, правовой институт лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе представляет собой взаимосвязанную, взаимообусловленную, относительно целостную, автономную совокупность норм, регулирующих общественные отношения, одной стороной которых являются лица, участвующие в деле. Научный институт лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе – это

совокупность знаний, идей, взглядов и концепций о понятии, признаках, целях, функциях, а также субъективных гражданских процессуальных правах и обязанностях лиц, участвующих в деле.

В общей теории государства и права выделяются также субинституты, как составная часть института права [170, с. 247-248; 310, с.10; 329, с. 11], регулирующая конкретную разновидность и особенности отношений в рамках института права [170, с. 247-248; 310, с.13]. Отсюда можно разграничить следующие субинституты в рамках института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе: 1) субинститут лиц, участвующих в гражданском процессе с целью защиты своих прав и интересов; 2) субинститут лиц, участвующих в гражданском процессе с целью защиты прав и интересов других лиц.

На развитие института лиц, участвующих в деле, существенное влияние оказывают предпосылки, под которыми понимаются факторы, влияющие на развитие и определяющие перспективы развития данного института. Таким образом, развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе РФ обусловлено следующими предпосылками: 1) принятием Конституции РФ 1994 года, которая провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью, гарантировала право каждого на судебную защиту, предусмотрела необходимость осуществления правосудия по гражданским делам на основании принципов состязательности и равноправия сторон; 2) признанием РФ ряда международных правовых актов, в которых предусмотрены стандарты права на справедливое судебное разбирательство; 3) гражданской процессуальной политикой РФ, как составной частью её правовой политики; 4) принятием новых конституционных законов и кодексов, а также других законов материальных отраслей права, требовавших адекватных процессуальных форм принудительной реализации; 5) принятием и необходимостью реализации программ судебно-правовых реформ на 2007-2010 гг., 2011-2013 гг.; 2015-2017 гг., 2019-2021 гг., концепций и стратегий, направленных на совершенствование правовых и институциональных основ гражданского судопроизводства; 6) плюрализмом в

правопонимании; 7) необходимостью гармонизации гражданского процессуального законодательства РТ с гражданским процессуальным законодательством стран СНГ и Европейского союза; 8) необходимостью выявления и устранения пробелов и коллизий норм данного института; 9) необходимостью создания эффективного, компактного и мобильного механизма отправления правосудия по гражданским делам.

А также новизна в развитии института лиц, участвующих в гражданском деле, в том числе в регламентации правового положения лиц, участвующих в гражданском деле, обусловлена, прежде всего, изменениями в общественных отношениях, являющихся предметом регулирования гражданского процессуального права, положениями государственных стратегий и концепций в правовой сфере, необходимостью устранения пробелов и коллизий в законе, потребностями правоприменительной практики в усовершенствовании отдельных правовых норм, новыми правовыми идеями, изложенными в юридической доктрине, целесообразностью использования передового зарубежного опыта.

Ф.Т. Тахиров относительно принципиальных положений развития отечественного права отмечал, что «становясь исходной базой для развития права, накопленные правовые ценности и преемственность оказывают благотворное влияние на весь правотворческий процесс, так как не только сокращают путь поисков оптимальных решений в той или иной области правового регулирования, но и помогают законодателю избежать многих ошибок и заблуждений прошлого» [180, с. 8]. По словам Р.М. Раджабова, концепция развития есть диалектическое единство двух моментов – отрицания и преемственности [320, с. 12]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что основными принципами развития института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикистана являются преемственность и эволюция в развитии.

В юридической науке как в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года, так и нового ГПК РТ принято классифицировать лиц, участвующих в деле, в зависимости от различных оснований. Классификация лиц, участвующих в деле, обусловлена их неоднородностью и различиями в правовом положении. Кроме

того, классификация лиц, участвующих в деле, создает дополнительные удобства в изучении и исследовании, а также в осознанном применении судами правовых норм данного института.

Лица, участвующие в деле, выполняют различные функции в гражданском процессе. С учетом различий в функциях, осуществляемых лицами, участвующими в деле, можно также произвести их классификацию.

Следует отметить, что «функция охватывает всю совокупность процессуальных действий, обеспечивающих достижение той цели, к которой стремится субъект процесса» [220, с. 5]. Главными функциями гражданского судопроизводства являются функция правосудия и функция заинтересованных в деле лиц [220, с.16]. В свою очередь функции заинтересованных в деле лиц (лиц, участвующих в деле), направленные на защиту своих (чужих) субъективных прав и интересов, подразделяются на функцию иска, защиты против иска, функцию прокурорского надзора и функцию дачи заключения [220, с.17]. На основании вышеприведенной краткой характеристики функций в гражданском процессе, на наш взгляд, можно дать следующую классификацию лиц, участвующих в деле, учитывающую именно функции, осуществляемые ими:

а) лица, осуществляющие функцию иска (истцы (процессуальные истцы), третьи лица, заявляющие самостоятельные права на предмет спора);

б) лица, осуществляющие функцию защиты против иска (ответчики);

в) лица, осуществляющие функцию содействия истцу в поддержании иска (третьи лица, участвующие на стороне истца);

г) лица, осуществляющие функцию содействия ответчику в защите против иска (третьи лица, участвующие на стороне ответчика);

д) лицо, осуществляющее функцию надзора за законностью в гражданском процессе (прокурор), в случаях, его участия в деле для дачи заключения;

е) лица, осуществляющие функцию дачи заключения по гражданскому делу (органы государственной власти и органы местного самоуправления).

Как правило, лица, участвующие в деле, являются субъектами права на судебную защиту. С учетом этого лиц, участвующих в деле, можно классифицировать следующим образом:

- а) лица, защищающие свои права или охраняемые законом интересы;
- б) лица, защищающие права и охраняемые законом интересы других лиц.

Наряду с вышеизложенным, учитывая различия в процессуальном положении лиц, участвующих в разных видах гражданского судопроизводства, на наш взгляд, можно выделить: а) лиц, участвующих в делах искового производства; б) лиц, участвующих в делах, вытекающих из публичных правоотношений; в) лиц, участвующих в делах особого производства; г) лиц, участвующих в делах приказного производства.

В связи с этим, на наш взгляд, в состав лиц, участвующих в деле, предусмотренный ст. 36 ГПК РТ, должны быть включены заявители и заинтересованные лица по делам, возникающим из публичных правоотношений, а также взыскатели и должники по делам приказного производства, которые имеют все признаки лиц, участвующих в деле. Отсюда предлагаем внести следующее дополнение в ст. 36 ГПК РТ: после слова «производства» в конце данной статьи записать следующие слова: «и по делам, возникающим из публично-правовых отношений, а также взыскатели и должники по делам приказного производства».

Кроме того, в зависимости от того, являются ли лица, участвующие в деле, субъектами спорного материального правоотношения или нет, их можно подразделить на: а) лиц, являющихся (предполагаемых) субъектами спорного материального правоотношения (стороны, третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора); б) лиц, не являющихся (не предполагаемых) субъектами спорного материального правоотношения (например, прокурор).

В зависимости от возможности лиц, участвующих в деле, влиять на ход гражданского судопроизводства, их можно подразделить на: а) лиц, могущих повлиять на появление, развитие и прекращение гражданского судопроизводства (истец, прокурор, органы государственной власти, органы местного

самоуправления, организации и отдельные граждане, подающие заявления в интересах других лиц, заявители по делам особого производства, по делам, возникающим из публичных правоотношений и приказного производства); б) лиц, могущих повлиять на развитие и прекращение гражданского судопроизводства (стороны, третье лицо, предъявляющее самостоятельное требование на предмет спора, прокурор, другие субъекты, участвующие в процессе для защиты прав и интересов других лиц, заявители и заинтересованные лица по делам особого производства, заявители и другие субъекты по делам, возникающим из публичных правоотношений, а также приказного производства); в) лиц, могущих повлиять на развитие гражданского процесса (все лица, участвующие в деле).

По справедливому замечанию В.Д. Перевалова, чтобы познать и освоить право, как систему, в частности, как институт права, целесообразно использовать различные подходы и измерения, раскрывающие основные формы существования и логику развития правовой материи [151, с. 324].

Среди этих подходов особое место занимает исторический подход. Исторический подход, раскрывая генетические связи системы права, позволяет проследить весь путь её становления и динамику изменений во времени и пространстве [151, с. 324]. Точка зрения В.Д. Перевалова об историческом подходе к системе права полностью распространяется и на институт права, так как последний является её составной частью. В связи с этим в правоведении принято подвергать периодизации историю государства и права в зависимости от определенных критериев [192, с. 45-51; 198, с. 89; 83, с. 28-31; 69, с. 7-8; 95, с. 6-7; 139, 26-39]. Периодизация осуществлена и специалистами, исследовавшими отдельные отрасли и институты государства и права Таджикистана [327, с. 38; 329, с. 14-15].

Следует отметить, что на основании проведенного нами исследования историю становления и развития института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе советского и современного Таджикистана можно разделить на следующие периоды: 1) 1917-1924 гг. – формирование основ советского института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе на

территории Таджикистана до образования Таджикской АССР; 2) 1924 по 1929 гг. – особенности института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР; 3) 1929-1991 гг. – развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР, который подразделяется на два этапа: а) 1929-1963 гг. – институт лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР до принятия ГПК Таджикской ССР 1963 года; б) 1929-1991 гг. – институт лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР после вступления в законную силу ГПК Таджикской ССР 1963 года; 4) 1991 год и по настоящее время – развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Республики Таджикистан, который подразделяется на два этапа: а) 1991-2007 гг. – институт лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Республики Таджикистан до принятия ГПК Республики Таджикистан 2007 года; б) 2007 год и по настоящее время – институт лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Республики Таджикистан после вступления в законную силу ГПК Республики Таджикистан 2007 года.

Более подробно вышеупомянутые периоды становления и развития института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе советского и современного Таджикистана будут рассмотрены в последующих частях настоящей работы, кроме первого периода, т. е. 1917-1924 гг. – формирование основ советского института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе на территории Таджикистана до образования Таджикской АССР, который не входит в хронологические рамки нашего исследования.

1.2. Особенности института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР (1924 – 1929 гг.)

Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика (далее – Таджикская АССР) была образована [179, с. 202-209; 181, с. 300-305] в результате национально-государственного размежевания Центральной Азии [273, с. 84-113; 156, с. 129-167; 100, с. 174-175; 126; 303] и входила в состав Узбекской Советской Социалистической Республики (далее – Узбекская ССР), одной из союзных республик СССР.

27 ноября 1924 года Ревком Узбекской ССР принял постановление о том, что: «Впредь, до установления надлежащими органами власти законов для Узбекской ССР, считать действующими на территориях, входивших в состав ее, законы, изданные Правительством СССР и местные законы, действовавшие на соответствующих территориях Узбекской ССР» [346, л. 105]. Данное постановление имело юридическую силу и на территории Таджикской АССР. Отсюда, по справедливому замечанию Ф.Т. Тахирова, «источниками права Таджикской АССР являлись законы Союза ССР, РСФСР и бывшей Туркестанской ССР, которые действовали в Северном Таджикистане до национально-государственного размежевания. К источникам права республики относились также те законодательные акты бывшей Бухарской НСР, которые действовали на отошедшей от нее к Таджикской АССР территории» [178, с. 20]. Кроме того, «на Таджикскую АССР распространялось законодательство Узбекской ССР, в составе которой на тот момент находилась и Таджикская АССР» [305, с. 26; 287, с. 61].

Вышеупомянутые положения дают нам основание сделать следующий вывод: содержание гражданского процессуального права Таджикской АССР, в том числе его основного института, которым признается институт лиц, участвующих в деле, определялось законодательными актами СССР, РСФСР, Туркестанской АССР, БНСР, Узбекской ССР и Таджикской АССР. Среди них главным являлись Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 года [10] (в дальнейшем также – ГПК РСФСР 1923 года; ГПК 1923 года), который действовал на территории Таджикской АССР до 1 января 1928 года, и Гражданский процессуальный кодекс Узбекской ССР от 30 сентября 1927 года. Дело в том, что постановлением ЦИК Советов Узбекской ССР от 30 сентября 1927 года [11] был утвержден Гражданский процессуальный кодекс Узбекской ССР [14] (в дальнейшем также – ГПК Узбекской ССР 1927 года; ГПК 1927 года), введенный в действие с 1 января 1928 года постановлением Президиума ЦИК Советов Узбекской ССР от 22 октября 1927 года [12]. Соответственно ГПК Узбекской ССР 1927 года действовал на территории Таджикской АССР до 5 декабря 1929 года, а

затем, после образования Таджикской ССР, – на основании постановления ЦИК и СНК Таджикской ССР от 19 декабря 1929 года № 42 [348].

Поэтому в дальнейшем исследуемый период истории развития института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР попытаемся выявить, прежде всего, на основании сравнительного анализа вышеупомянутых двух кодексов: ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года, как основных нормативных правовых актов – источников гражданского процессуального права Таджикской АССР, в том числе института лиц, участвующих в гражданском деле.

По ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года основными лицами, участвующими в деле, признавались стороны. Так, в ГПК РСФСР 1923 года говорилось, что «суд приступает к рассмотрению дела не иначе, как по заявлению заинтересованной стороны» (ст. 2). Схожие предписания предусматривались и в ГПК Узбекской ССР 1927 года (ст. 2).

Специфика первых лет существования Таджикской АССР выражалась в том, что обращения граждан с исковыми заявлениями в советские суды были крайне немногочисленными. Так, в ответном письме Дюшамбинского окружного суда от 29 июня 1925 года в адрес Наркомюста Таджикской АССР говорилось, что в производстве данного суда находятся 2 мусульманских гражданских дела и 1 русское [352, л. 370].

Вышеуказанное ответное письмо Дюшамбинского окружного суда, а также запрос Наркомюста Таджикской АССР от 28 июня 1925 года [352, л. 368] дает основание сделать вывод о другой особенности судебной практики первых лет истории Таджикской АССР: сохранение деления дел на мусульманские и русские, что было характерно советским народным судам Туркестанской АССР на основании «Положения о народных судах».

Прочтение другого архивного документа показывает, что с 20 апреля по 4 июня 1926 года в окружной суд по Уратюбинскому и Пенджикентскому вилоятам поступило всего 3 гражданских дела, из которых 2 были рассмотрены и разрешены [354, л. 91].

Отсюда некоторые авторы приходили к необоснованным и неподтвержденным архивными материалами выводам о том, что в первые месяцы существования Таджикской АССР «суды на местах не принимали к своему производству гражданские дела, отсылая их в казийские суды» [328, с. 17].

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что в первые годы существования Таджикской АССР граждане ограниченно пользовались правом на обращение в суд за защитой своих нарушенных и оспоренных субъективных прав и законных интересов. А в некоторых районах, находящихся в условиях гражданской войны и военного положения, обращений в суд не было. В последующие годы существования Таджикской АССР ситуация несколько стабилизировалась.

Вместе с тем в период действия ГПК РСФСР 1923 года на территории Таджикской АССР в связи с тем, что земля была национализирована, ряд исков и претензий были признаны недействительными. Так, в п. 11 Декларации 1 учредительного Всетаджикского Съезда Советов «О национализации земли, воды, недр земли и лесов Таджикской АССР» от 10 декабря 1926 года говорилось, что земли, находящиеся не менее 3 лет во владении трудовых землепользователей, обрабатывающих их личным трудом своей семьи, закрепляются за таковыми в беспорядном порядке. Кроме того, все иски и претензии по таким землям со стороны их прежних владельцев или пользователей недействительны [350, л. 56].

Между тем началась тенденция ограничения судебной подведомственности дел, которая впоследствии усилилась, что обуславливало ограничение права граждан на судебную защиту. Например, в п. 17 вышеуказанной Декларации предусматривалось следующее: «Все споры, возникающие на почве настоящей Декларации, в связи с землепользованием подлежат разбирательству в земельно-водных комиссиях. Исключением из сего являются всякого рода земельно-водные отношения, носящие кабальный характер, каковые разбираются народным судом» [350, л. 57].

В законе права сторон на распоряжение иском излагались следующем образом. Так, в ст. 2 ГПК РСФСР 1923 года было сказано, что «сторона может во

всяком положении дела изменить основание иска, увеличить или уменьшить свои исковые требования». Что касается ГПК Узбекской ССР 1927 года, то в нем указывалось, что сторона «может во всяком положении дела изменить основание иска, увеличить или уменьшить свои исковые требования и равно отказаться от них» (ст. 2). Но в указанных нормах ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года была допущена явная ошибка. Дело в том, что сторон в гражданском деле две: истец и ответчик. Только истец может изменить основание иска, увеличить и уменьшить исковые требования, а также отказаться от иска. Ответчик никак не может распоряжаться чужим иском. При отказе истца от иска и его принятия судом истец лишался права повторного обращения в суд с иском на тех же основаниях, что могло обеспечить стабильность судебных решений.

Стороны имели право на участие в гражданском процессе через переводчика: в ч. 2 ст. 9 ГПК РСФСР 1923 года было изложено, что «когда стороны не владеют языком, на котором ведется производство по данному делу – суд обязан пригласить переводчика и ставить заинтересованных лиц в известность о каждом производимом на суде действии через переводчика». Идентичное положение было закреплено и в ч. 2 ст. 9 ГПК Узбекской ССР 1927 года. В докладе окружного суда по Уратюбинскому и Пенджикентскому вилоям от 4 июня 1926 года говорилось, что все делопроизводство ведется на мусульманском языке [354, л. 91].

На основании анализа ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года можно сделать вывод об отсутствии конкретных сроков разбирательства гражданских дел в Таджикской АССР и, следовательно, об отсутствии у сторон и других лиц, участвующих в деле, права на своевременное рассмотрение и разрешение дела. Следует отметить, что отсутствие конкретных сроков разбирательства дел становилось причиной волокиты и затягивания разбирательства отдельных дел. Такая ситуация вынуждала Наркомюст Таджикской АССР неоднократно принимать циркуляры с указанием в адрес судов о том, чтобы дела рассматривались своевременно, и прибегать к всякого рода соревнованиям между судами в целях стимулирования более быстрого

прохождения дел. Например, 22 апреля 1926 года Наркомюст Таджикской АССР принимает циркуляр, адресованный всем окружным и народным судам, в котором указывается, что «трудовые дела, в частности дела коренного населения, задерживаются в производстве суда по полгода и более» [353, л. 22]. В связи с этим предлагается все трудовые дела разбирать в срочном порядке, не допуская никаких задержек в производстве по ним [353, л. 22].

В докладе окружного суда по Уратюбинскому и Пенжикентскому вилоям от 21 октября 1926 года говорилось о медленном движении дел, их нахождении в производстве суда до двух лет [354, л. 112. Лишь 17 февраля 1929 года в ГПК Узбекской ССР 1927 года был предусмотрен конкретный срок для рассмотрения трудовых дел (ст. 112), который не распространялся на другие гражданские дела [16]. Этому также способствовало незнание членами окружного суда и народных судов форм судопроизводства, норм материального и процессуального права, отсутствие законоположений, циркуляров Наркомюста и Верховного суда [354, л. л. 91 об-92].

Содержание ст. ст. 1, 3, 237 и главы 18 ГПК РСФСР 1923 года (ст. ст. 1, 3, 250 и главы 18 ГПК Узбекской ССР 1927 года) предопределяет наш вывод о том, что стороны и другие лица, участвующие в деле, в исследуемый период истории отечественного права имели другое, не менее важное, право: право на получение законного и обоснованного судебного решения.

Нами было выборочно изучено несколько судебных решений по гражданским делам, которые были рассмотрены судами Таджикской АССР [355, л. л. 3-5]. Характерная особенность этих решений заключалась в следующем. Во-первых, по содержанию они не соответствовали отдельным требованиям ст. 176 ГПК РСФСР 1923 года и ст. 182 ГПК Узбекской ССР 1927 года, которые действовали в Таджикской АССР. Во-вторых, не было ссылок на соответствующие нормы материального права, которыми суд руководствовался. Ведь речь идет о периоде, когда уже были разработаны кодифицированные акты основных отраслей материального права, таких как гражданское, семейное и трудовое право. В-третьих, не было также ссылок на нормы гражданского

процессуального права, кроме одного решения. В нем суд, разъясняя права сторон на подачу кассационной жалобы, дал ссылку на одну из норм ГПК РСФСР 1923 года. Однако и в этом случае суд допустил ошибку. Дело в том, что он вместо ст. 235 ГПК РСФСР 1923 года указал на ст. 238 ГПК РСФСР 1923 года, которая не регулировала вопросы, касающиеся права сторон на подачу кассационной жалобы. В-четвертых, не были отражены доказательства, исследованные в судебном заседании, и юридические факты предмета доказывания по делу, установленные данными доказательствами. В-пятых, не был определен порядок исполнения судебного решения.

Основной причиной такой ситуации являлась низкая кадровая подготовка судей. Дело в том, что в подавляющем большинстве случаев народные судьи не избирались, а назначались Наркомюстом Таджикской АССР, зачастую из лиц пролетарского или крестьянского происхождения, а также демобилизованных из частей Красной Армии бывших военнослужащих. К кандидатам на должность народных судей предъявлялись следующие элементарные требования: умение читать и писать, небольшой специальный стаж работы, прохождение обучения на трехмесячных юридических курсах, рассчитанных, с точки зрения их организаторов, на освоение основ материального и процессуального права. Были случаи назначения на должность народного судьи даже лиц, не проходивших юридических курсы. Всё вышеуказанное отрицательно сказывалось на качестве и эффективности гражданского судопроизводства в целом в данный период истории таджикской государственности и права.

В архивных материалах нами обнаружен случай, когда Наркомюст Таджикской АССР был вынужден направить в народный суд Гармского вилоята письмо-разъяснение о недопустимости проведения народным следователем предварительного расследования по гражданскому делу [352, л. 593]. А народный судья Кангуртского тюмена, не отличая гражданское дело от уголовного, вынес по гражданскому делу приговор, а по уголовному делу решение. Более того, встречались случаи, когда он по одному делу принимал и решение, и приговор [354, л. 82 об].

Кроме того, для предотвращения совместного рассмотрения гражданских и уголовных дел, вопреки процессуальным нормам, 7 сентября 1926 года Наркомюст Таджикской АССР принял циркуляр № 7, адресованный окружным и народным судам [353, л. 42]. В нем, в частности, отмечалось, что некоторые суды совместно рассматривают в одном производстве ничем не связанные между собой гражданские и уголовные дела. Совместно с уголовным делом можно рассматривать гражданский иск только в случаях, предусмотренных ст. ст. 14-16 Уголовно-процессуального кодекса Узбекской ССР. В остальных случаях порядок рассмотрения гражданских дел регулируется ст. ст. 21-24 ГПК РСФСР [353, л. 42].

Одним из процессуальных прав сторон и других лиц, участвующих в деле, являлось право на подачу кассационной жалобы и протеста на судебное решение (ст. 235 ГПК РСФСР 1923 года и ст. 248 ГПК Узбекской ССР 1927 года). С реализацией этого субъективного права связана другая характерная черта судебной практики по гражданским делам первых лет существования Таджикской АССР. Дело в том, что случаи подачи сторонами и другими лицами, участвующими в деле, кассационных жалоб или протестов на судебные решения также были весьма малочисленными. Например, председатель Дюшамбинского окружного суда в докладной записке от 26 марта 1925 года в адрес Наркомюста Таджикской АССР писал, что связь с вилоятами слаба (имелись в виду Пенджикентский и Уратюбинский вилояты), и за весь период после образования Таджикской АССР из них получены всего 2 кассационные жалобы на решения по гражданским делам. Что касается уголовных дел, то на приговоры по ним каких-либо кассационных жалоб не поступало [352, л. 65]. А в докладе Окрсуда по Уратюбинскому и Пенджикентскому вилоятам от 21 октября 1926 года, т. е. спустя почти два года после образования Таджикской АССР, отмечалось, что «второй участок народного суда Уратюбинского вилоята, который предназначен для переброски в Матчу, не укомплектован из-за отсутствия работников» [354, л. 111].

Наряду с субъективными гражданскими процессуальными правами сторон и других лиц, участвующих в деле, в ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года, действовавших в Таджикской АССР, был предусмотрен ряд субъективных гражданских процессуальных обязанностей указанных лиц. Так, в ст. 6 ГПК 1923 года было сказано, что «стороны обязаны добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами. Всякие злоупотребления, имеющие целью затянуть или затемнить процесс, немедленно пресекаются судом». Схожие положения были изложены в ст. 6 ГПК 1927 года.

Предусматривалась обязанность нести «судебные расходы, к которым относились: судебная пошлина, гербовый сбор, канцелярский сбор, расходы по производству дела» (ст. 34 ГПК РСФСР 1923 года и ст. 36 ГПК Узбекской ССР 1927 года). Следует отметить, что судебная пошлина имела небольшие размеры. С каждого первоначального и встречного искового заявления взыскивалась судебная пошлина: при цене от 10 до 50 рублей – в размере 1%, при цене свыше 50 до 500 рублей – 2% и при цене свыше 500 рублей – 3 % цены иска (ст. 35 ГПК 1923 года и ст. 37 ГПК 1927 года).

Была закреплена обязанность сторон и других лиц, участвующих в деле, по доказыванию. Так, в ст. 118 ГПК РСФСР 1923 года (ст. 122 ГПК Узбекской ССР 1927 года) было сказано, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые ссылается, как на основания своих требований и возражений. А в ст. 106 ГПК РСФСР 1923 года говорилось, что «представление сторонами новых доказательств после начала разбора дела допускается только в случае признания судом уважительности причин, препятствовавших своевременному представлению доказательств». Более четко это положение было изложено в ст. 110 ГПК Узбекской ССР 1927 года: «стороны представляют свои доказательства не позже первого заседания суда по существу дела: представление доказательств после этого срока допускается в случае признания судом уважительности причин, препятствовавших своевременному представлению доказательств», т. е. было предусмотрено ограничение на представление доказательств и элемент института раскрытия доказательств. Данное предписание могло дисциплинировать стороны

и других лиц, участвующих в деле, при выполнении ими обязанности по представлению доказательств, предотвратить злоупотребления сторонами и другими лицами, участвующими в деле, своими субъективными гражданскими процессуальными правами и сделать судопроизводство по гражданским делам более мобильным в упомянутом аспекте. Отсюда предлагаем воспроизвести его в ГПК РТ [43].

Для уяснения сущности правового положения сторон, как основных лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР большое значение имеют вопросы замены ненадлежащей стороны. По ГПК РСФСР 1923 года (ст.166) и по ГПК Узбекской ССР 1927 года (ст. 172), действовавших в Таджикской АССР, была возможна замена, как ненадлежащего истца, так и ненадлежащего ответчика.

При применении судом норм, предусмотренных в ст. 166 ГПК 1923 года и ч. 1 ст. 172 ГПК 1927 года были возможны четыре правовых ситуации, связанные с заменой ненадлежащего истца.

В соответствии с ч. 1 ст. 172 ГПК Узбекской ССР 1927 года, условием замены ненадлежащего истца надлежащим являлось согласие как ненадлежащего, так и надлежащего истцов. Но в ГПК РСФСР 1923 года не было указания на аналогичное согласие ненадлежащего и надлежащего истцов на замену ненадлежащего истца.

При отсутствии согласия одного из этих субъектов могли возникнуть следующие правовые ситуации:

1) ненадлежащий истец был согласен на выбытие из процесса, и надлежащий истец выражал согласие на вступление в процесс. Суд производил замену ненадлежащего истца надлежащим истцом. Каким образом оформлялись данные действия суда? На этот вопрос ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года не содержали ответа;

2) ненадлежащий истец не согласен на замену, а надлежащий истец не согласен на вступление в дело. Суд, рассмотрев дело с ненадлежащим истцом, судебным решением отказывал в удовлетворении иска;

3) ненадлежащий истец не согласен на выбытие из процесса, а надлежащий истец согласен на вступление в процесс. Для этого случая как ГПК 1923 года, так и ГПК 1927 года не предусматривали соответствующей процедуры;

4) ненадлежащий истец согласен на выбытие из процесса, а надлежащий истец не согласен на вступление в процесс. И этот случай оставался без ответа в вышеупомянутых кодексах, действовавших в Таджикской АССР.

Согласно ст. 166 ГПК 1923 года и ч. 2 ст. 172 ГПК 1927 года, если обнаруживалось, что иск предъявлен не к тому лицу, которое должно отвечать по иску, т. е. к ненадлежащему ответчику, также была возможна замена последнего. Условием замены ненадлежащего ответчика на основании ч. 2 ст. 172 ГПК 1927 года было согласие истца. Однако и в этом случае ГПК РСФСР 1923 года не предусматривал согласия истца на замену ненадлежащего ответчика (ст. 166 ГПК).

В соответствии с ч. 2 ст. 172 ГПК Узбекской ССР 1927 года, при согласии истца на замену ненадлежащего ответчика суд производил такую замену. Если истец не давал своего согласия на замену ненадлежащего ответчика, то для такого случая ГПК Узбекской ССР 1927 года, действовавший в Таджикской АССР, не предусматривал соответствующего урегулирования.

Корме изложенного, в связи с заменой ненадлежащей стороны в гражданском процессе возникал вопрос о моменте допуска такой замены. По буквальному толкованию ст. 166 ГПК РСФСР 1923 года и ч. 1 ст. 172 ГПК Узбекской ССР 1927 года замена ненадлежащей стороны допускалась во время производства дела. А это означало, что замена ненадлежащей стороны была возможна после возбуждения гражданского дела и до вынесения судебного решения.

Другим вопросом, связанным с заменой ненадлежащей стороны, являлся следующий: какие правовые последствия замена ненадлежащей стороны могла оказать на дальнейший ход судопроизводства по данному делу? ГПК 1923 года и ГПК 1927 года не давали конкретного ответа на данный вопрос, что являлось показателем недостаточной урегулированности общественных отношений в

данном аспекте упомянутыми законами. На основании вышеизложенного можно сделать заключение о том, что правила, предусмотренные в ГПК Узбекской ССР 1927 года для урегулирования порядка замены ненадлежащих сторон, были более демократичными и соответствующими принципу диспозитивности по сравнению с ГПК РСФСР 1923 года.

С проблемой правового статуса сторон в гражданском процессе Таджикской АССР была тесно связана проблема участия в гражданском процессе соистцов и соответчиков.

Так, в соответствии со ст. 163 ГПК РСФСР 1923 года и ст. 169 ГПК Узбекской ССР 1927 года, действовавших в Таджикской АССР, иск мог быть предъявлен совместно несколькими истцами или к нескольким ответчикам. Из этого положения можно сделать вывод о том, что упомянутые кодексы предусматривали только одну разновидность соучастия: смешанное соучастие. Именно при смешанном соучастии есть множественность лиц, как на истцовой, так и на ответной стороне гражданского дела. При этом ни истцы и ни ответчики не теряют квалифицирующих признаков сторон.

Отсюда существенное значение имело указание ст. 164 ГПК РСФСР 1923 года, которая гласила: «Каждый из истцов или ответчиков по отношению к противной стороне выступает в процессе самостоятельно и действия одного из участников по иску на суде не служит ни в пользу, ни во вред остальным, за исключением исков, вытекающих из солидарных обязательств». Аналогичное предписание закреплялось и в ст. 170 ГПК Узбекской ССР 1927 года.

Следовательно, правовое положение соистцов и соответчиков также регламентировалось, прежде всего, нормами, регулирующими правовое положение сторон и других лиц, участвующих в деле. Так, нормы гражданского процессуального закона, посвященные процессуальным правам и обязанностям лиц, участвующих в деле (ст. 11 ГПК РСФСР 1923 года и ст. 11 ГПК Узбекской ССР 1927 года), распространялись и на соучастников.

Следует отметить, что ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года, действовавшие в Таджикской АССР, не предусматривали основание

привлечения или вступления соучастников в гражданский процесс. Это, на наш взгляд, следует признать явным пробелом указанных нормативных правовых актов в урегулировании общественных отношений, одной стороной которых являлись лица, участвующие в деле.

Другими лицами, участвующими в деле для защиты своих прав и интересов в гражданском процессе Таджикской АССР, признавались третьи лица.

ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года не предусматривали четкого деления третьих лиц на две категории.

Первым видом третьих лиц в гражданском процессе Таджикской АССР, на наш взгляд, являлись третьи лица, имеющие самостоятельные права на предмет спора (ст. 169 ГПК РСФСР 1923 года и ст. 175 ГПК Узбекской ССР 1927 года). Третьи лица упомянутой категории, как видно из их названия, предъявляли самостоятельные притязания на предмет спора, оспаривая тем самым принадлежность спорного права первоначальному истцу. Поскольку третьи лица, имеющие самостоятельные права на предмет спора, вступая в чужой процесс, были намерены защитить свое нарушенное или оспоренное субъективное право, они должны были обладать всеми процессуальными возможностями субъекта, «ищущего» защиту субъективного права в суде, т. е. истца. Без субъективных процессуальных прав на распоряжение своим требованием, на представление доказательств, заявление ходатайств и т. д. третьи лица, имеющие самостоятельные права на предмет спора, не могли осуществить функцию иска.

В правоведении осуществление функции иска признается как за первоначальным истцом, так и за третьим лицом, заявляющим самостоятельные требования на предмет спора [219, с. 16] (третьим лицом, имеющим самостоятельные права на предмет спора, по терминологии ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской 1927 года).

Однако, как в ГПК РСФСР 1923 года, так и в ГПК Узбекской ССР 1927 года, которые действовали в Таджикской АССР, не говорилось о том, что третьи лица, имеющие самостоятельные права на предмет спора, пользуются правами и

выполняют обязанности истца. В данном случае мы также констатируем наличие пробела в упомянутых законах.

Регулируя порядок вступления третьих лиц, имеющих самостоятельные права на предмет спора, ст. 169 ГПК РСФСР 1923 года предусматривала, что «третьи лица, имеющие самостоятельные права на предмет спора, вступают в дело путем предъявления иска на общих основаниях к одной из тяжущихся сторон или к обеим вместе». Схожее положение было закреплено и в ГПК Узбекской ССР 1927 года (ст. 175). Как видно из текста ст. 169 ГПК РСФСР 1923 года (ст. 175 ГПК Узбекской ССР 1927 года), порядок вступления третьих лиц, имеющих самостоятельные права на предмет спора, нашел в ней свою оптимальную регламентацию. Отсутствовали лазейки для двусмысленного толкования и применения этой нормы судом. В связи чем, в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года [33] автор настоящей работы считал важным внести изменения аналогичного содержания (имелась в виду ст. 169 ГПК РСФСР 1923 года) в ст. 104 ГПК Таджикской ССР 1963 года, и предлагал изложить её в следующей редакции: «Третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, могут вступить в дело до постановления судом решения, путем предъявления иска на общих основаниях» и далее по тексту [286, с. 80]. Данное законодательное предложение не утратило своей актуальности и в настоящее время.

Для вступления в чужой процесс третье лицо, имеющее самостоятельное право на предмет иска, должно было подготовить исковое заявление согласно требованиям, предусмотренным ст. 76 ГПК РСФСР 1923 года (ст. 80 ГПК Узбекской ССР 1927 года), а также выплатить судебную пошлину. Однако в ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года не предусматривалось каких-либо указаний по поводу представления в суд третьим лицом данного вида копий искового заявления, а также документов, приложенных к нему по числу ответчиков и других лиц, участвующих в деле. Это также является показателем неполного урегулирования отдельных общественных отношений данными кодексами.

Кроме того, ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года, действовавшие в Таджикской АССР, не предусматривали процессуальную форму оформления вступления третьего лица, имеющего самостоятельные права на предмет спора, в чужой процесс, и не предоставляли данному лицу права на обжалование отказа суда в его вступлении в процесс, начатый другими лицами.

Следующим вопросом участия в гражданском процессе третьих лиц, имеющих самостоятельные права на предмет спора, являлся вопрос об ответчике по иску третьего лица. Следует отметить, что ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года точно определяли ответчика по иску третьего лица. Так, в ст. 169 ГПК РСФСР 1923 года (ст. 175 ГПК Узбекской ССР 1927 года) было записано: «Третьи лица, имеющие самостоятельные права на предмет спора, вступают в дело путем предъявления иска на общих основаниях к одной из тяжущихся сторон или к обеим вместе». Как видно из текста данной статьи, она предусматривала все возможные варианты признания сторон первоначального иска ответчиками по иску третьего лица, т. е. предъявление иска к первоначальному истцу или первоначальному ответчику, либо к обеим сторонам первоначального иска вместе.

В последующем данная норма была воспроизведена только в ГПК Украинской ССР 1963 года, в котором говорилось, что третьи лица с самостоятельными требованиями на предмет спора могут предъявить иск к одной или к обеим сторонам (ст. 107 ГПК Украинской ССР).

Вторым видом третьих лиц в гражданском процессе по ГПК РСФСР 1923 года и по Узбекской ССР 1927 года были третьи лица, не имеющие самостоятельных прав на предмет спора.

Как лица, участвующие в деле, третьи лица, не имеющие самостоятельных прав на предмет спора, в период действия ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года обладали всеми характерными чертами лиц, участвующих в деле, кроме некоторых особенностей, обусловленных юридическим интересом этих субъектов в чужом процессе.

Третьи лица, не имеющие самостоятельные права на предмет спора, участвовали в процессе для защиты своего охраняемого законом интереса, и тем самым своими процессуальными действиями влияли на движение процесса.

Юридическим основанием вступления или привлечения в чужой процесс третьих лиц, не имеющих самостоятельных прав на предмет спора, в соответствии со ст. 168 ГПК РСФСР 1923 года и ст. 174 ГПК Узбекской ССР 1927 года, действовавших в Таджикской АССР, являлась возможность влияния решения по чужому делу на их права или обязанности по отношению к одной из сторон первоначального иска.

Согласно ст. 168 ГПК РСФСР 1923 года (ст. 174 ГПК Узбекской ССР 1927 года), для защиты своего законного интереса третье лицо данной категории могло само ходатайствовать перед судом о его допуске для участия в чужом процессе. Для достижения надлежащей реализации функции иска, защиты против иска, ходатайство о привлечении в дело третьих лиц, не имеющих самостоятельные права на предмет спора, могло быть заявлено также сторонами. Привлечение третьего лица данной категории на основании ходатайства прокурора ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года не предусматривали, что свидетельствует о недостаточной разработанности элементов института лиц, участвующих в деле, данными кодексами. Кроме того, как по ГПК РСФСР 1923 года, так и по ГПК Узбекской ССР 1927 года третьи лица, не имеющие самостоятельные права на предмет спора, не могли быть привлечены в процесс по инициативе суда. Такое урегулирование, на наш взгляд, больше соответствовало требованиям принципа диспозитивности по сравнению с ГПК Таджикской ССР 1963 года, который предусматривал возможность привлечения в процесс третьих лиц, не имеющих самостоятельные требования на предмет спора, также по инициативе суда (ч. 1 ст. 105). Хотим отметить, что в действующем ГПК РТ нет положения, в соответствии

с которым возможно привлечение в процесс третьих лиц, не имеющих самостоятельные требования на предмет спора, по инициативе суда.

Вместе с тем ст. 170 ГПК 1923 года гласила, что «ходатайства сторон о привлечении третьих лиц и заявление третьих лиц о вступлении в дело должны содержать в себе точные указания на основания, по которым третьи лица должны быть привлечены или допущены к делу». Идентичное предписание закреплялось и в ст. 176 ГПК Узбекской ССР 1927 года. Указанное предписание вызывало, по крайней мере, следующие два вопроса. Первое, о какой категории третьих лиц идет речь? Второе, в какой форме (письменной или устной) подаются в суд ходатайство и заявление о привлечении или допущении третьего лица в чужой гражданский процесс? Однако сама идея изложения в ходатайстве о привлечении третьих лиц оснований, по которым они должны быть привлечены или допущены к делу, на наш взгляд, была верна. Так, в ГПК Таджикской ССР 1963 года (ст.105) такое предписание отсутствовало, и оно было вновь восстановлено только в новом ГПК РТ (ч. 3 ст. 45).

Следует заметить, что возможность обжалования отказа суда третьему лицу, не имеющему самостоятельные права на предмет спора, а также сторонам, в допуске или привлечении к участию третьих лиц в чужом гражданском деле также не предусматривалась ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года. При всем том, что отказ суда третьему лицу, не имеющему самостоятельные права на предмет спора, в допуске к участию в чужом гражданском деле препятствовал участию последнего в гражданском процессе. В связи с этим целесообразно было бы наделить третьих лиц, не имеющих самостоятельных прав на предмет спора, правом на обжалование упомянутого определения суда.

Серьезным пробелом ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года было и то, что в них отсутствовала норма, подробно регулирующая права и обязанности третьих лиц, не имеющих самостоятельные права на предмет спора.

Одним из лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР признавались судебные представители. Особое значение имело в тот исторический период развития таджикской государственности получение сторонами квалифицированной юридической помощи и участие в гражданском процессе посредством лиц, сведущих в области права. Праву сторон вести свое дело в суде посредством представителей были посвящена глава 2 ГПК РСФСР 1923 года (глава 2 ГПК Узбекской ССР 1927 года).

Однако на практике оказание квалифицированной юридической помощи было осложнено и зачастую невозможно в связи с тем, что в некоторых вилояхтах Таджикской АССР в первые годы её существования не были созданы коллегии профессиональных судебных представителей. Так, в Кулябском и Курган-Тюбинском вилояхтах вплоть до сентября 1926 года коллегия защитников не была создана [354, л. 82 об]. Что касается Гиссарского окружного суда, то к 5 сентября 1926 года при нем функционировала коллегия защитников, состоящая из шести человек, которые одновременно были юрисконсультами различных учреждений, но среди них не было представителя местного коренного населения, как отмечается в докладе Гиссарского окружного суда [354, л. 82 об].

Наркомюст Таджикской АССР неоднократно обращал внимание окружных судов на скорейшее создание коллегии защитников, особенно в вилояхтах. В этом аспекте примечательным является циркуляр № 10 Наркомюста АССР от 21 сентября 1926 года под грифом «срочно» [353, л. 67]. В нем отмечается, что «дело оказания юридической помощи населению по периферии Таджикистана находится в плачевном состоянии. До сего времени даже и в вилояхтах, где существуют Окрсуды, не организованы коллегии защитников» [353, л. 67]. Одну из причин такой ситуации Наркомюст видел в отсутствии «достаточного количества квалифицированных *сил* (курсив мой – Ф.Н.)», т. е. получается, что в этом циркуляре речь даже не идет о юристах. Поэтому для скорейшего решения вопроса о создании коллегии защитников в вилояхтах (предполагалось окончательно организовать коллегии защитников в вилояхтах к 7 ноября 1926 года, т. е. к очередной годовщине Октябрьской революции) [353, л. 67]. Наркомюст

Таджикской АССР считал возможным «командирования партийцев, хотя бы *не имеющих юридического образования* (курсив мой – Ф.Н.), но политически подкованных», а Вилюятским исполкомам рекомендовал «выделить из своего состава лиц коренного населения, которые должны быть втянуты в юридические кружки». Вместе с тем зачисленный в члены коллегии защитников должен был прикреплен к судработнику, который должен был «его индивидуально обрабатывать» [353, л. 67]. Такое пренебрежение к квалификации лиц, оказывающих юридическую помощь в гражданском процессе, не могло отрицательно не сказаться на ее качестве.

На основании данного циркуляра 19 октября 1926 года при Окружном суде по Ура-Тюбинскому и Пенджикентскому вилюятам была организована коллегия защитников в составе 3-х человек [353, л. 64]. Обращает на себя внимание столь позднее создание коллегий защитников в вилюятах Таджикской АССР: фактически спустя два года после образования республики, и количество профессиональных судебных представителей – 3 человека на весь вилюят.

10 декабря 1928 года Наркоматом юстиции Таджикской АССР было принято Положение «О коллегии защитников» (в дальнейшем – Положение) [359, л.л. 16-22]. Этот законодательный акт развивал нормы ГПК Узбекской ССР 1927 года, регулирующие правовое положение судебных представителей, в частности такую их разновидность, как судебные представители по назначению. Поэтому, на наш взгляд, данное Положение является одним из важных нормативных правовых актов, принятых государственными органами Таджикской АССР в области гражданского процессуального права, в том числе института лиц, участвующих в деле. Так, ст. ст. 37-38 Положения дополняли нормы ГПК Узбекской ССР 1927 года о представительстве по назначению [359, л. 16]. В ст. ст. 65-67 Положения были предусмотрены случаи, когда адвокат не имел право на принятие поручения доверителя об оказании ему юридической помощи в гражданском процессе [359, л. 20].

При выступлениях по делу член коллегии по назначению обязан тщательно и своевременно изучить порученное ему дело и переговорить с доверителем, указывалось в ст. 79 Положения [359, л. 21].

Согласно ст. 80 Положения к обязанностям члена коллегии защитников при участии его в деле по назначению ему также вменялась обязанность составления кассационной жалобы. В том случае, если кассационная инстанция находится в том же городе, то и ее поддержание [359, л. 21-22].

В настоящее время в новом ГПК РТ, в отличие от ГПК Таджикской ССР 1963 года, в котором отсутствовал институт адвокатов по назначению, восстановлен институт адвокатов по назначению (ст. 52): аналог защитников по назначению в гражданском процессе Таджикской АССР. Однако в данном кодексе не урегулирован вопрос о праве на подачу кассационной жалобы адвокатом по назначению в случае вынесения решения судом в не пользу его представляемого. Поэтому, на наш взгляд, в настоящее время является актуальным заимствование опыта правового регулирования этого вопроса из Положения «О коллегии защитников» Наркомюста Таджикской АССР от 10 декабря 1928 года.

Следующим лицом, участвующим в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР являлся прокурор. Особую роль в определении правового положения, функций и форм участия прокурора в гражданском процессе исследуемого периода сыграли ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года, действовавшие в Таджикской АССР. Как лицу, участвующему в деле на основании указанных нормативных правовых актов, прокурору были присущи следующие свойства: во-первых, он вступал в дело в защиту чужого права (интереса); во-вторых, его процессуальные действия способствовали возникновению, движению и прекращению гражданского дела в суде; в-третьих, вышеназванный субъект обладал процессуально-правовой заинтересованностью в исходе дела.

В ст. 2 ГПК РСФСР 1923 года было сказано: «Прокурор вправе как начать дело, так и вступить в дело в любой стадии процесса, если, по его мнению, этого

требует охрана интересов государства и трудящихся масс». Схожее предписание было изложено и в ст. 2 ГПК Узбекской ССР 1927 года. Исходя из содержания данного предписания, можно сделать вывод о том, что прокурор по ГПК РСФСР 1923 года и по ГПК Узбекской ССР 1927 года мог участвовать в гражданском процессе в следующих двух формах: 1) путем обращения в суд за защитой прав и интересов других лиц; 2) путем вступления в уже начатый по инициативе других процесс.

Исследуя ст. 2 ГПК РСФСР 1923 года, К.С. Банченко-Любимова пришла к выводу, что в этом законе не указаны основания для предъявления прокурором иска и вступления его по собственной инициативе в любую стадию гражданского процесса [65, с. 4]. На наш взгляд, основания участия прокурора в гражданском процессе в обеих его формах были предусмотрены в ст. 2 ГПК РСФСР 1923 года (ст. 2 ГПК Узбекской ССР 1927 года). Ими являлась охрана, во-первых, интересов государства, и, во-вторых, интересов трудящихся масс.

В определении правового статуса прокурора в гражданском процессе Таджикской АССР важное место занимало также Положение «О народном комиссариате юстиции Таджикской АССР», которое было введено в действие на основании постановления Ревкома Таджикской ССР от 6 мая 1925 года [356, л. 10]. Дело в том, что Ревком Таджикской АССР 14 декабря 1924 года принял Постановление «Об образовании Народного комиссариата юстиции и Госпрокуратуры Таджикской АССР» [347, л. л. 12-110]. На основании вышеупомянутого постановления при Народном комиссариате юстиции Таджикской АССР была образована прокуратура Таджикской АССР [347, л. л. 12-110]. А народный комиссар юстиции Таджикской АССР одновременно был Прокурором Таджикской АССР [356, л. 10]. По справедливому замечанию Х.Х. Хамидова, «Народный комиссариат юстиции Таджикской АССР выступал в качестве ведомства, координирующего деятельность органов юстиции, суда и прокуратуры» [207, с. 157].

В ст. 12 Положения «О народном комиссариате юстиции Таджикской АССР» было сказано, что прокурор Таджикской АССР осуществляет надзор за

судебной практикой всех судебных органов республики, опротестовывая, приостанавливая и направляя к пересмотру любой приговор, постановление и решение, вынесенное судом республики, в том числе и Главным судом». Из изложенного предписания можно сделать вывод о том, что прокурору Таджикской АССР были предоставлены широкие полномочия по осуществлению надзора над судами Таджикской АССР, рассматривающими и разрешающими гражданские дела: он имел право на подачу протеста на любое решение любого суда Таджикской АССР.

А в пункте г) ст. 8 Положения «О народном комиссариате юстиции Таджикской АССР» говорилось, что на отдел прокуратуры Наркомюста Таджикской АССР возлагается осуществление функций прокурорского надзора в отделении Верховного суда и его коллегии согласно Положения о судоустройстве и процессуальных законов, принесение протеста на разрешение Президиума Революционного комитета Таджикской АССР по вопросам, касающимся руководства судебной практики, в случаях несогласия прокурора республики с постановлениями пленарных заседаний отделения Верховного суда по этим вопросам, причем, при принесении протеста исполнение постановлений отдела Верховного суда приостанавливается. Как мы видим, это правовое установление посвящено более детальному урегулированию надзорной формы участия прокурора в гражданском процессе. Обращает на себя внимание и то, что прокурор Таджикской АССР имел право на принесение протеста на постановления пленарных заседаний отделения Верховного суда Узбекской ССР в Таджикской АССР даже по вопросам руководства судебной практикой, что дополняло положения ГПК РСФСР 1923 года, который действовал в тот период на территории Узбекской ССР, в том числе Таджикской АССР. Кроме того, подача прокурором протеста на постановления отдела Верховного суда в Президиум Ревкома Таджикской АССР и их рассмотрение указанным органом означает выполнение Президиумом Ревкома Таджикской АССР, т. е. органом исполнительной власти, отдельных судебных функций.

Т.И. Ганиева, анализируя историю судебной власти аналогичного периода в Кыргызстане, пишет, что «период с 1924 по 1936 год характеризовался постепенным отходом от демократических начал судебной власти в связи с усилением общесоюзных начал в осуществлении государственной власти, стремлением органов юстиции командовать судами» [300, с. 20]. Однако нельзя забывать, что такая ситуация не было произвольной деятельностью органов юстиции, а имела под собой правовое основание.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы об особенностях института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР:

1) характерные черты правового положения лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР были обусловлены политическими, идеологическими, экономическими и социальными факторами, а также советскими принципами диспозитивности и состязательности в гражданском процессе;

2) содержание гражданского процессуального права Таджикской АССР, в том числе его основного института, которым признается институт лиц, участвующих в деле, определялось законодательными актами СССР, РСФСР, Туркестанской АССР, БНСР, Узбекской ССР и Таджикской АССР. Среди них главными являлись ГПК РСФСР 1923 года, который действовал на территории Таджикской АССР до 1 января 1928 года, и ГПК Узбекской ССР от 30 сентября 1927 года;

3) в исследуемый период истории таджикской государственности принимаются первые законодательные акты государственными органами Таджикской АССР в области гражданского процессуального права, в том числе института лиц, участвующих в деле. Отдельные нормы института лиц, участвующих в деле, имеют ярко выраженный классовый характер и направленность на преимущественную защиту государственной собственности. Существовало деление дел на русские и мусульманские в зависимости от

национальности истца, что было также присуще советским народным судам Туркестанской АССР;

4) крайне низкое материальное обеспечение деятельности народных судов, прокуратуры и коллегии защитников, низкая профессиональная подготовка судей, прокуроров и адвокатов отрицательно сказывались на реализации содержания правового положения сторон и других лиц, участвующих в гражданском деле, и в целом на качестве и эффективности гражданского судопроизводства. Многочисленные архивные материалы свидетельствуют о существенном разрыве между нормами правового института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР и практикой их реализации, в том числе применения;

5) специфика первых лет существования Таджикской АССР выражалась в том, что обращения граждан с исковыми заявлениями в советские суды были крайне немногочисленными, а в некоторых районах, находящихся в условиях гражданской войны и военного положения, обращений в народные суды не было. Случаи подачи сторонами и другими лицами, участвующими в деле, кассационных жалоб или протестов на судебные решения также были весьма малочисленными. В последующем ситуация несколько стабилизировалась. Такая ситуация была обусловлена различными факторами объективного характера, такими как широкая распространенность норм шариата, устойчивость религиозного сознания, менталитета и правовых традиций, неоспоримость влияния духовенства, невозможность за короткое время, усугублённая гражданской войной и иностранной интервенцией, плохими дорогами, отсутствием нормального транспортного сообщения и телеграфной связи между центром и периферией Таджикской АССР, создания дееспособной, укомплектованной системы новых советских судов и обеспечения их квалифицированными кадрами;

б) имела место тенденция ограничения судебной подведомственности дел, которая впоследствии усилилась, что обуславливало ограничение права граждан на судебную защиту;

7) отсутствовали конкретные сроки разбирательства гражданских дел, следовательно, отсутствие у сторон и других лиц, участвующих в деле, права на своевременное рассмотрение и разрешение дела становилось причиной волокиты и затягивания разбирательства отдельных дел. Такое положение вынуждало Наркомюст Таджикской АССР неоднократно издавать циркуляры с указанием в адрес судов о том, чтобы дела рассматривались своевременно, и прибегать к всякого рода соревнованиям между судами в целях стимулирования более быстрого прохождения дел;

8) наиболее подробно в ГПК РСФСР 1923 года и в ГПК Узбекской ССР 1927 было урегулировано правовое положение сторон. Что касается правового положения остальных лиц, участвующих в деле, то в указанных законах имелось много неточностей и недочетов, а также фрагментарности в его урегулировании;

9) правила, предусмотренные в ГПК Узбекской ССР 1927 года для урегулирования порядка замены ненадлежащих сторон, были более демократичными и соответствующими принципу диспозитивности по сравнению с ГПК РСФСР 1923 года;

10) ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года предусматривали только одну разновидность соучастия в гражданском процессе: смешанное соучастие. Также в упомянутых кодексах не предусматривалось основание привлечения или вступления соучастников в гражданский процесс, что следует признать явным пробелом указанных нормативных правовых актов в урегулировании данного компонента правового положения сторон в гражданском процессе Таджикской АССР;

11) ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года не предусматривали четкого деления третьих лиц на две категории, в них не говорилось о том, что третьи лица, имеющие самостоятельные права на предмет спора, пользуются правами и выполняют обязанности истца. Серьезным пробелом ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской 1927 года было и то, что в них отсутствовала норма, подробно регулирующая права и обязанности третьих лиц, не имеющих самостоятельные права на предмет спора. В

некоторых вопросах урегулирования общественных отношений с участием третьих лиц в гражданском процессе ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской 1927 года больше соответствовали требованиям принципа диспозитивности, чем ГПК Таджикской ССР 1963 года;

12) несмотря на наличие у сторон и третьих лиц права на получение квалифицированной юридической помощи, на практике оказание данной помощи было осложнено и зачастую было невозможно в связи с тем, что в некоторых вилояхтах Таджикской АССР в первые годы её существования не были созданы коллегии профессиональных судебных представителей. А после создания указанных коллегий в них входило небольшое число лиц, квалификация которых находилась на очень низком уровне;

13) прокурор по ГПК РСФСР 1923 года и по ГПК Узбекской ССР 1927 года мог участвовать в гражданском процессе в следующих двух формах: 1) путем обращения в суд за защитой прав и интересов других лиц; 2) путем вступления в уже начатый по инициативе других процесс. Прокурору Таджикской АССР были предоставлены широкие полномочия по осуществлению надзора над судами Таджикской АССР, рассматривающими и разрешающими гражданские дела: он имел право на подачу протеста на любое решение любого суда Таджикской АССР. Обращает на себя внимание и то, что прокурор Таджикской АССР имел право на принесение протеста на постановления пленарных заседаний отделения Верховного суда Узбекской ССР в Таджикской АССР также по вопросам руководства судебной практикой, что дополняло положения ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года. Кроме того, подача прокурором протеста на постановления отдела Верховного суда в Президиум Ревкома Таджикской АССР и их рассмотрение указанным органом означает выполнение Президиумом Ревкома Таджикской АССР, т. е. органом законодательной и исполнительной власти, отдельных судебных функций;

14) некоторые идеи, заложенные в основу отдельных норм гражданского процессуального законодательства Таджикской АССР, а также отдельные

положения прогрессивного характера, изложенные в этом законодательстве, могут быть использованы в целях совершенствования действующего ГПК РТ.

1.3. Развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР (1929-1991 гг.)

16 октября 1929 года 3-й Чрезвычайный Съезд Советов Таджикской АССР принял предложение ЦИК СССР о выделении Таджикской АССР из состава Узбекской ССР и её преобразовании в союзную республику, непосредственно входящую в СССР [351, л. л. 13-15].

Основным источником гражданского процессуального права Таджикской ССР, в том числе его главного института – института лиц, участвующих в деле, до принятия Гражданского процессуального кодекса Таджикской ССР от 28 декабря 1963 года (в дальнейшем также – ГПК Таджикской ССР 1963 года; ГПК РТ 1963 года; ГПК 1963 года) [33], являлся Гражданский процессуальный кодекс Узбекской ССР от 30 сентября 1927 года [11], который действовал на территории Таджикской ССР на основании постановления ЦИК и СНК Таджикской ССР от 19 декабря 1929 года, № 42 [348].

Так, в п. 1 постановления ЦИК и СНК Таджикской ССР от 19 декабря 1929 года, № 42 говорилось, что «в связи с реорганизацией Таджикской АССР в союзную советскую социалистическую республику и выбытия из состава Узбекской ССР – все законодательство Узбекской ССР, действовавшее ранее на территории Таджикской АССР, до момента выделения Таджикской АССР из Узбекской ССР, временно имеет свою обязательную силу, впредь до издания законодательными органами Таджикской ССР соответствующего законодательства или отмены такового» [348]. На основании п. 4 указанного постановления СНК Таджикской ССР было поручено разработать проект законодательства для Таджикской ССР и представить его ЦИК Советов Таджикской ССР для рассмотрения и *внесения на ближайшую сессию ЦИК Советов Таджикской ССР на утверждение* (курсив мой – Ф.Н.).

Следует отметить, что п. 4 упомянутого постановления не был выполнен по субъективным и объективным причинам [191, с. 87-88; 284, с. 52-53]. Так, в Постановлении Президиума ЦИК Советов Таджикской ССР от 28 марта 1930 года предусматривалось: «Отмечая отсутствие в ТаджССР кодексов: уголовного, УПК, гражданского, ГПК, законов о труде, земельно-водного, о браке, семье и опеке... и считая необходимым ускорить составление их – предложить НКЮ, совместно с Подготовительной комиссией СНК ТаджССР и заинтересованными наркоматами, в 10-тидневный срок проработать вопросы о порядке составления, рассмотрения, прохождения и ответственности за выполнение, и свое заключение внести на рассмотрение Президиума ЦИК Советов ТаджССР» [349, л. 5].

Кроме того, в Постановлении ЦИК и СНК Таджикской ССР от 21 марта 1933 года «Об утверждении и введении в действие систематического собрания действующих законов Таджикской ССР» было предусмотрено, что «действующие, согласно постановления ЦИКа и СНК от 19 декабря 1929 года на территории Таджикской ССР кодексы законов Узбекской ССР, включая Гражданско-процессуальный (*по терминологии указанного постановления – Ф.Н.*) и другие законодательные акты со всеми последующими изменениями и дополнениями, изданными правительством республики, оставить в действии впредь до издания одноименных кодексов Таджикской ССР» [19; 135, с. 121].

В результате вплоть до 28 декабря 1963 года не был принят ГПК Таджикской ССР. Не были приняты и другие важные кодифицированные нормативные правовые акты [191, с. 88], кроме Уголовно-процессуального кодекса Таджикской ССР 1935 года [157, с. 61-70] и Уголовного кодекса Таджикской ССР 1935 года [58]. Между тем, по мнению А.Р. Нематова, «создание Таджикской ССР сопровождалось массовыми кодификационными работами, обеспечившими правовую основу построения таджикского государства и формирование новой правовой системы» [315, с. 12].

Сравнительный анализ ГПК Узбекской ССР 1927 года с ГПК РСФСР 1923 года [10] показывает, что ГПК Узбекской ССР 1927 года в момент принятия повторял структуру ГПК РСФСР 1923 года и содержание большинства его норм.

Так, ГПК РСФСР 1923 года состоял из пяти частей, объединяющих 336 статей и двух приложений. Аналогичное количество частей, статей и приложений имел ГПК Узбекской ССР 1927 года. Однако впоследствии, в период действия этого кодекса на территории Таджикской ССР, т. е. в исследуемый период истории таджикского права, в него был внесен ряд изменений и дополнений, которые также касались правовых норм института лиц, участвующих в деле.

Так, постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 марта 1937 года «Об изменении размеров единой государственной пошлины с исковых заявлений по делам, производящимся в судебных учреждениях» [25], были внесены изменения и дополнения в приложение № 3 к ГПК Узбекской ССР 1927 года, действовавшего в Таджикской ССР, которое регулировало обязанность сторон нести судебные расходы. Данным постановлением линия на установление небольших тарифов судебной пошлины сохранилась. Вместе с тем предусматривался широкий круг оснований освобождения от несения судебных расходов.

Указом Президиума Верховного Совета Таджикской ССР от 28 августа 1939 года «Об исключении главы 23-й действующего в Таджикской ССР ГПК Узбекской ССР «О выдаче судебных приказов по актам» из ГПК Узбекской ССР 1927 года был исключен институт приказного производства. В этом указе предусматривалось, что «в связи с действующим Положением о Государственном нотариате Таджикской ССР считать утратившей силу и исключить главу 23-ю действующего в Таджикской ССР Гражданско-процессуального кодекса Узбекской ССР (ст. ст. 215-224), устанавливающую порядок выдачи приказов по актам» [30].

Данный указ, на наш взгляд, отрицательно повлиял на правовое положение сторон и других лиц, участвующих в деле, так как они лишились судебной альтернативы взысканию денежных средств и истребованию движимого имущества по бесспорным требованиям. Лишь только с принятием ГПК РТ 2007 года эта разновидность гражданского процесса была восстановлена [114, с. 305-315].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что одна из особенностей исследуемого периода выражалась в частичной или непрерывной кодификации гражданского процессуального законодательства, в том числе гражданского процессуального института лиц, участвующих в деле. Кодификация в указанном аспекте являлась важнейшим инструментом совершенствования, а в целом и развития гражданского процессуального права, в том числе института лиц, участвующих в деле. С точки зрения А.Р. Нематова, «под частичной кодификацией подразумевается внесение изменений и дополнений в действующий кодификационный акт» [315, с. 18]. А по словам А.Н. Чашина, непрерывная кодификация заключается в деятельности «законодателя по постоянному исправлению и дополнению ранее принятого кодификационного нормативного правового акта» [334, с. 12] и «условием использования такой формы кодификации является наличие наряду с кодификационным нормативным правовым актом некодифицированного нормативного материала» [334, с. 12].

В период действия ГПК 1927 года ряд отношений с участием лиц, участвующих в деле, регулировался Постановлениями Пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда Таджикской ССР (например, отношения с участием соответчиков, третьих лиц и прокурора), что нельзя считать правильным, и не исключалась необходимость законодательного урегулирования указанных отношений. Исследуя полномочия Верховного суда, созданного на базе Главсуда Киргизской АССР после образования Киргизской ССР в 1936 году, являвшегося высшим судебным органом Киргизской ССР, Т.И. Ганиева писала, что практически он руководящих указаний не принимал, их давал только Верховный суд СССР [300, с. 20]. Верховный суд Таджикский ССР в отличие от Верховного суда Киргизской ССР принимал большое количество постановлений праворазъяснительного и руководящего характера, в том числе касающихся института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР.

Одним из основных лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР являлся прокурор. Как мы отметили ранее, особую роль в определении правового положения, функций и форм участия прокурора в

гражданском процессе исследуемого периода сыграл ГПК Узбекской ССР 1927 года, действовавший в Таджикской ССР до 28 декабря 1965 года: до момента вступления в законную ГПК Таджикской ССР 1963 года. Более подробно правовое положение прокурора в гражданском процессе Таджикской ССР по ГПК Таджикской ССР 1963 года будет рассмотрено в параграфе 3 главы 2 настоящей работы путем сравнительного анализа с нормами ГПК РТ 2007 года, регулирующими участие прокурора в гражданском процессе Республики Таджикистан.

В данный период также были приняты различные законы СССР и Таджикской ССР, посвященные урегулированию правового статуса прокурора. Некоторые из них, прямо или косвенно затрагивая вопросы правового положения прокурора в гражданском процессе, дополняли, уточняли и конкретизировали нормы ГПК Узбекской ССР 1927 года.

Так, в целях дальнейшего укрепления законности, обеспечения его единства и охраны прав и законных интересов граждан в масштабе всего СССР, постановлениями ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 года «О революционной законности» [18] и от 20 июня 1933 года «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР» [20] была образована Прокуратура СССР.

В абзаце б) п. 2 Постановления ЦИК и СНК СССР «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР» было сказано, что «Прокурор Союза ССР осуществляет надзор за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями союзных республик с правом истребования любого дела в любой стадии производства, опротестования приговоров и решений судов в вышестоящие судебные инстанции и приостановления их исполнения» [20]. Данное предписание свидетельствует о дальнейшем усилении роли прокурора и прокурорского надзора над судами в гражданском процессе Союза ССР, в том числе и Таджикской ССР.

А 17 декабря 1933 года постановлением ЦИК и СНК СССР было утверждено «Положение о Прокуратуре Союза ССР» [21]. В ст. 1 «Положения о Прокуратуре Союза ССР» предусматривалась, что «основной задачей и функцией Прокуратуры

Союза ССР является укрепление социалистической законности, охрана общественной собственности от покушений со стороны противообщественных элементов, прав и законных интересов граждан на территории СССР» [21]. Следует обратить внимание на то, что в отличие от ст. 2 ГПК 1927 года, в которой говорилось об охране интересов трудящихся масс, в упомянутом нормативном правовом акте речь идет о «правах и законных интересах граждан», т. е. происходит расширение объектов охраны прокурором.

Особенность правового урегулирования правового положения прокурора в целом, а также его участия в гражданском процессе советского Таджикистана, в частности, заключалась в том, что, несмотря на упразднение Прокуратуры Верховного суда Союза ССР и союзных республик [21], в нормативных правовых актах, регулирующих вопросы судостройства в Таджикской ССР, предусматривались нормы, регулирующие устройство и деятельность прокуратуры Таджикской ССР. В период существования Прокуратуры Верховного суда СССР и Таджикской ССР такое урегулирование было оправданно, а впоследствии труднообъяснимо.

Так, 15 августа 1935 года Президиум ЦИК Таджикской ССР ввел в действие «Положение о судостройстве в Таджикской ССР» [22], которое наряду с другими вопросами также регулировало общественные отношения с участием прокурора в гражданском процессе Таджикской ССР. В этом положении были детализированы предписания Положения «О прокуратуре Союза ССР» 1933 года.

В ст. 17 «Положения о судостройстве в Таджикской ССР» 1935 года указывалось, что в целях охраны прав и законных интересов трудящихся и государства прокурор должен участвовать в гражданском процессе и вести наблюдение за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями при отправлении правосудия по гражданским делам.

Восьмой Чрезвычайный съезд Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года принял Конституцию СССР [23], в которой специальная глава – глава 9 посвящалась суду и прокуратуре. А 1 марта 1937 года Чрезвычайный IV съезд

Советов Таджикской ССР принял Конституцию Таджикской ССР [24], в которой глава 8 регулировала правовой статус суда и прокуратуры.

Президиум Верховного Совета СССР 24 мая 1955 года принял новое «Положение о прокурорском надзоре в СССР» [28]. В соответствии с п. 4 ст. 3 указанного положения одним из направлений прокурорского надзора признавался «надзор за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений судебных органов» [28]. «Генеральный Прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры были обязаны осуществлять надзор за законностью приговоров, решений, определений и постановлений, вынесенных судебными органами» (ст. 22 Положения о прокурорском надзоре в СССР от 24 мая 1955 года) [28].

В последние годы существования СССР некоторые авторы предлагали своеобразные подходы решения вопросов, связанных с прокурорским надзором, в том числе с участием прокурора в гражданском процессе. Так, И.А. Агабабовян писала, что в обстановке ожесточающейся «войны законов» между Союзом ССР и республиками при отсутствии Союзного договора, «параде суверенитетов» республик и других национально-территориальных образований наиболее реальным представляется принцип наделения прокуратуры Союза ССР функцией надзора не за исполнением республиканских законов на местах, а функцией надзора за исполнением на местах союзного законодательства [227, с. 56]. Также отмечалось, что «придание участию прокурора в гражданском процессе задач по надзору за законностью осуществления процессуальных функций всеми субъектами процессуальных отношений, в том числе и судом, ничего не прибавляет к сущности прокурорского надзора, но зато ущемляет атрибуты самостоятельности судебной власти и подчинения ее только закону. Функция надзора за соблюдением законности (и со стороны субъекта, дело которого рассматривал и разрешал суд, и со стороны самого суда) может быть реализована в полном объеме посредством опротестования прокурором вынесенного судебного постановления» [243, с. 60]. Вместе с тем прогнозировалось дальнейшее сужение рамок прокурорского надзора [243, с. 59].

В исследуемый период истории таджикского права 11 февраля 1957 г. Верховным Советом СССР был принят Закон «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуального кодексов» (в дальнейшем – Закон СССР от 11 февраля 1957) [29]. Данным законом было произведено перераспределение полномочий СССР и союзных республик в области законодательной деятельности. Так, в ст. 1 Закона СССР от 11 февраля 1957 года было предусмотрено: «Отнести к ведению союзных республик законодательство об устройстве судов союзных республик и судопроизводстве, а также принятие гражданских и уголовных кодексов, сохранив в ведении Союза ССР установление основ законодательства о судостроительстве и судопроизводстве, основ гражданского и уголовного законодательства» [29]. Кроме этого, указанным законом были внесены соответствующие изменения и в п. х ст. 14 Конституции СССР 1936 года.

В отечественной юридической историографии данному закону дается следующая оценка. Так, по мнению О.У. Усмонова, «это было дальнейшее расширение прав союзных республик, открывшее новые возможности для более последовательного осуществления принципа демократического централизма, еще более четкого учета национальных особенностей каждой республики» [283, с. 37]. Далее цитируемый автор констатировал, что с момента принятия Закона СССР от 11 февраля 1957 года начинается четвёртый этап развития советского гражданского законодательства Таджикской ССР, как его составная часть [283, с. 37-38]. По словам Н.Ф. Тохирова, «принятие упомянутого закона фактически означало новый этап в законодательной деятельности *общесоюзных и республиканских органов*» [185, с. 187] (имелись в виду общесоюзные и республиканские органы СССР. Курсив мой – Ф.Н.).

На основании вышеизложенных суждений авторов и изучения некоторых других источников [244, с. 163] мы приходим к следующему выводу. Принятие Закона СССР от 11 февраля 1957 года, который восстановил полномочия союзных республик на подготовку и принятие кодифицированных нормативных правовых

актов, ознаменовало начало существенного этапа в развитии гражданского процессуального законодательства, в том числе института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР, так как с данного момента велась целенаправленная работа по подготовке проекта ГПК Таджикской ССР, принимаются Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик и ряд других Законов СССР, которые существенно повлияли на развитие указанного гражданского процессуального института.

По мнению А.Р. Нематова, это было вторым этапом кодификационной деятельности в СССР, в том числе в Таджикской ССР. Упомянутый автор следующим образом оценивает этот этап: «Второй этап советской кодификации, проходивший в Таджикистане в 50-60-е годы XX в., характеризуется совершенствованием того, что уже было сделано в правовой сфере» [315, с. 12]. По заключению данного автора, «в СССР дважды: в 20-30-е и 50-60-е годы прошлого века была предпринята обширная отраслевая кодификация советского законодательства» [315, с. 12].

С точки зрения А.М. Диноршоева, «...в 50-60-е года обновилось отраслевое законодательство. Были разработаны и приняты новые кодексы: уголовный, гражданский, соответствующие процессуальные и т. д. Это позволило усовершенствовать нормы, обеспечивающие право на неприкосновенность личности, стал возникать институт обжалования действий должностных лиц (*т.е. формироваться административная юстиция – Ф.Н.*), вопросы наследования имущества и др.» [244, с. 163].

Важным этапом в исследуемом периоде развития отечественного права было принятие 8 декабря 1961 года и введение в действие с 1 мая 1962 года Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик [31].

С позиции Д.Р. Джалилова: «Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» устанавливают лишь принципиальные и общие положения гражданского процессуального законодательства...» [242, с. 67]. Позицию указанного автора подтверждает Р.С. Мулукаев, который пишет: «Основы устанавливали единые для всего Союза ССР *принципиальные общие*

положения (курсив мой – Ф.Н.) гражданского процессуального законодательства» [100, с. 268]. А по мнению И.А. Агабабовян: «В ГПК Таджикской ССР были развиты и конкретизированы вопросы, отнесенные Основами к компетенции союзных республик, имелись также нормы и положения, не предусмотренные Основами» [228, с. 63].

Следует отметить, что Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик устранили ряд пробелов института лиц, участвующих в деле, содержащихся в ГПК Узбекской ССР 1927 года, действовавшего в Таджикской ССР. Так в указанном кодексе не был определен точный состав, а также не были конкретизированы права и обязанности данных лиц, что способствовало затруднениям в судебной практике и теории при определении круга лиц, участвующих в деле, их конкретных прав и обязанностей.

Что касается Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, то данным нормативным правовым актом впервые был определен точный состав лиц, участвующих в деле, конкретизированы права и обязанности отдельных лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе советского Таджикистана.

В Основах гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик было установлено, что в состав лиц, участвующих в деле, входят: стороны – истец и ответчик (ст. 24); третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет, и третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования на предмет спора (ст. 27); лица, участвующие в делах, возникающих из административно-правовых отношений (ст. 24); лица, участвующие в делах особого производства (ст. 24); представители (ст. 28); прокурор, имеющий право на предъявление иска или вступления в уже начатое в суде дело (ст. 29); органы государственного управления, профсоюзы, государственные учреждения, предприятия, колхозы и иные кооперативные и общественные организации или отдельные граждане, имеющие право в предусмотренных законом случаях на предъявление иска в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц (ст. 30); органы государственного управления, которые могут быть привлечены в

предусмотренных законом случаях судом к участию в процессе или могущие вступить в процесс по своей инициативе для дачи заключения по делу, в целях осуществления возложенных на них обязанностей и для защиты прав граждан и интересов государства (ст. 30) [31].

Вопреки мнению некоторых авторов [131, с. 36], в Основах гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик говорилось не конкретно о представителях сторон и третьих лиц, а о возможности ведения гражданами и юридическими лицами своего дела в суде посредством представителей. Указанная формулировка закона давала основание для распространения института представительства не только на исковое производство, но и на другие виды гражданского судопроизводства, а также на отдельные категории лиц, защищающих в гражданском процессе права и интересы других лиц.

Вместе с тем были расширены субъективные гражданские процессуальные права и обязанности каждого из лиц, участвующих в деле. Однако отдельной нормы, посвященной общим правам и обязанностям лиц, участвующих в деле, в Основах гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик не предусматривалось.

Обобщая все основы законодательства СССР и союзных республик, принятого в 50-60-е годы XX века вне зависимости от их отраслевой принадлежности, А.Р. Нематов приходит к выводу о том, что «основы законодательства СССР и союзных республик стали важным фактором принятия отраслевых кодексов в Таджикской ССР» [315, с. 12].

Развивая указанное положение применительно к Основам гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик и их роли в разработке и принятии ГПК Таджикской ССР 1963 года, от себя хотим добавить, что они предопределили структуру, модифицированный понятийный аппарат и содержание основных и существенных положений института лиц, участвующих в деле, в ГПК Таджикской ССР 1963 года.

Исследуя соотношение общесоюзного и республиканского законодательства на примере соотношения Основ законодательства о

судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 28 декабря 1958 года и Закона о судоустройстве Таджикской ССР от 5 января 1961 года, И.Р. Шодиён констатирует, что оно проявляется в различных формах, в том числе в «установлении новых положений, открывающих широкий простор для правотворчества и законодательной инициативы суверенных союзных республик...» [221, с. 78].

Н.Ф. Тохиров, также изучая все Основы законодательства, принятые в тот период, включая Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, приходит к заключению, что «...после принятия Основ в области различных отраслей права в Таджикской ССР были разработаны и приняты Гражданский, Гражданско-процессуальный ... кодексы и другие законоположения, в основу которых были положены принципы органического единства в развитии *союзной и республиканской* государственности (имелись в виду СССР и союзные республики, входящие в него. Курсив мой. – Ф.Н.)» [331, с. 16]. Далее указанный автор сделал вывод о том, что «в результате вся кодификационная самостоятельность органов власти Таджикской ССР сводилась к тому, что принятые ею кодексы и другие правовые акты строго отвечали содержанию общесоюзных актов» [331, с. 16].

Мы не можем согласиться с такими категорическими выводами автора относительно Основ гражданского судопроизводства СССР и союзных республик и их соотношения с ГПК Таджикской ССР 1963 года. Дело в том, что изучение и сравнительно-правовой анализ Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик и ГПК Таджикской ССР 1963 года показывает, что положения первого, в том числе института лиц, участвующих в деле, были усовершенствованы, дополнены, уточнены и детализированы в последнем.

Справедливости ради следует отметить, что в ст. 3 Закона СССР «Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» было предусмотрено: «Поручить Верховным Советам союзных республик привести законодательство союзных республик в соответствие с Основами гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик»

[32]. Однако даже элементарное количественное сопоставление показывает, что Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик состояли из шести разделов, объединяющих всего 64 статьи, а ГПК Таджикской ССР 1963 года состоял из семи разделов, подразделяющихся на 45 глав и 458 статей.

Отсюда мы солидарны с несколько иным подходом к данному вопросу, высказанным в юридической литературе А.Р. Нематовым, который основывается на проведенном им сравнительном анализе содержания Основ законодательства СССР и союзных республик и отраслевых кодексов Таджикской ССР. Так, указанный автор пишет: «Анализ содержания Основ законодательства СССР и союзных республик и отраслевых кодексов Таджикской ССР показывает, что кодификация законодательства в союзных республиках проходила в соответствии с особенностями и спецификой существующих в союзных республиках общественных отношений» [315, с. 12].

В 1962 году был опубликован коллективный труд «Некоторые вопросы кодификации гражданского процессуального законодательства союзных республик», подготовленный таджикскими учеными под руководством доктора юридических наук, профессора А.Ф. Клейнмана, заведующего кафедрой гражданского процесса Московского государственного университета имени М. Ломоносова, видного ученого в области науки гражданского процессуального права, автора известных широкому кругу представителей юридического сообщества научных статей, монографических трудов и востребованных в среде студентов и преподавателей учебников по гражданскому процессуальному праву. Данный труд полностью был посвящен разработке проекта нового ГПК Таджикской ССР, опубликованного в 1958 году для широкого обсуждения.

Так, А.Ф. Клейнман в своей работе, посвященной Основам гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик и задачам кодификации гражданского процессуального законодательства Таджикской ССР [256, с. 3-21], вошедшей в вышеуказанный коллективный труд, выдвинул и научно обосновал ряд значимых предложений и рекомендаций, направленных на

совершенствование проекта Гражданского процессуального кодекса Таджикской ССР, непосредственно и опосредованно касающихся института лиц, участвующих в деле.

Указанные предложения и рекомендации охватывали следующие вопросы: о необходимости переработки главы, регулирующей доказательства и доказывание в гражданском процессе «в соответствии с новым определением доказательства по гражданскому делу» [256, с. 8], установленным в Основах гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик; о «конкретизации норм о процессуальных правах и обязанностях представителей общественных организаций и коллективов трудящихся, не являющихся стороной в гражданском процессе» [256, с. 10]; о более подробном урегулировании производства в суде первой инстанции; о более четком разграничении институтов прекращения дела и оставления иска без рассмотрения; о необходимости разработки норм, предусматривающих все элементы содержания решения, а также порядка его постановления, дополнения, истолкования, предоставления отсрочки и рассрочки исполнения решения; о регламентации таких элементов обжалования и опротестования в порядке производства в суде кассационной инстанции, как содержание кассационной жалобы (протеста) лиц, участвующих в деле, включая прокурора, срок на подачу кассационной жалобы (протеста), порядок исправления недостатков кассационной жалобы (протеста) и т. п.; о подробной регламентации прав сторон и других лиц, участвующих в деле, в стадии пересмотра дел в порядке надзора и самого порядка пересмотра судебных актов в рамках производства в суде надзорной инстанции; о доработке норм, регулирующих производство по принудительному исполнению судебных актов и актов других субъектов [256, с. 10-21].

Большинство вышеуказанных предложений и рекомендаций А.Ф. Клеймана были учтены в новом ГПК Таджикской ССР, т. е. в ГПК Таджикской ССР 1963 года, что способствовало существенному развитию гражданского процессуального права Таджикской ССР, в том числе института лиц, участвующих в деле.

Е.М. Яковлева также сделала ряд научно обоснованных предложений и рекомендаций, касающихся норм института лиц, участвующих в деле, в ходе подготовки проекта Гражданского процессуального кодекса Таджикской ССР [293, с. 22-31].

Предложения и рекомендации данного автора заключались в следующем: о включении специальных норм о гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности граждан и социалистических организаций, являющихся сторонами и третьими лицами по делу, а также других участников гражданского процесса, не являющихся сторонами и третьими лицами; о включении статьи, «предусматривающей возможность в любой стадии процесса заменить истца и ответчика другим лицом вследствие перехода к последнему прав или обязанностей этой стороны в результате общего или частного правопреемства» [293, с. 25-26]; об обязательном соучастии с констатацией включения в кодекс только статьи «устанавливающей, что если иск вытекает из права общей долевой и совместной собственности либо соавторства или из долевого или солидарного обязательства, процессуальное соучастие соответственно на стороне истца или ответчика является обязательным» [293, с. 26]; о четком и исчерпывающем указании всех оснований судебного представительства; о закреплении отдельной статьи о третьих лицах без самостоятельных исковых требований сформулированной «таким образом, чтобы связь их вступления или привлечения к участию в деле с возможным регрессным иском не оставляла сомнений» [293, с. 27]; об исключениях из общего правила по распределению бремени доказывания и ограничениях в представлении в суд средств доказывания в случаях, предусмотренных законом; о закреплении в проекте кодекса «кроме общей нормы, определяющей подведомственность судебным органам, перечня споров, подведомственных суду только после соблюдения установленного внесудебного порядка их разрешения» [293, с. 30], о сосредоточении в проекте кодекса «положений об освобождении от уплаты пошлины, об особенностях обращения ко взысканию задолженности по отдельным видам платежей» [293, с. 31], предусмотренных «в ряде актов материального права» [293, с. 31].

Некоторые вышеизложенные предложения и рекомендации Е.М. Яковлевой (например, о процессуальном правопреемстве, об ограничениях в представлении в суд средств доказывания в случаях, предусмотренных законом, и т. п.) были использованы в новом ГПК Таджикской ССР и являются её неоспоримым вкладом в совершенствование как гражданского процессуального права Таджикской ССР, так и института лиц, участвующих в деле.

Следует особо отметить роль Д.Р. Джалилова в разработке проекта ГПК Таджикской ССР. Характерной особенностью сформулированных Д.Р. Джалиловым научно аргументированных предложений и рекомендаций к проекту ГПК Таджикской ССР было то, что они преимущественно охватывали нормы института лиц, участвующих в деле, и в большинстве случаев содержали авторские редакции указанных норм [242, с. 32-76].

Так, Д.Р. Джалилов, выявляя недостатки ст. 47 проекта ГПК Таджикской ССР, посвященной сторонам в гражданском процессе, предлагал изложить её следующим образом: «Стороной в гражданском процессе – истцом и ответчиком является каждый гражданин, а также юридическое лицо, заинтересованные в исходе дела и участвующие в нем для защиты своих прав и законных интересов» [242, с. 49]. Далее упомянутый автор отмечал, что в ст. 47 проекта ГПК Таджикской ССР «нет необходимости указывать на то, что «стороной является правоспособное лицо», а также давать определение понятия процессуальной правоспособности, так как оно органически входит в определение стороны» [242, с. 49]. Предложение Д.Р. Джалилова относительно изменения редакции ст. 47 проекта ГПК Таджикской ССР частично было учтено законодателем. Впоследствии идея об отражении в законе определения понятия сторон гражданского дела была воплощена в ГПК РТ 2007 года (ст. 40), но в редакции, отличающейся от формулировки Д.Р. Джалилова.

Некоторые предложения Д.Р. Джалилова были учтены позже в ходе подготовки проекта ГПК РТ.

Анализируя ст. 65 проекта ГПК Таджикской ССР, Д.Р. Джалилов справедливо отмечал, что «перечень прав, указанных в ней, которыми не

обладают третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, не является исчерпывающим» [242, с. 33]. По мнению указанного автора, «третьим лицам данного вида также не принадлежит право на предъявление встречного иска» [242, с. 33]. Данная позиция Д.Р. Джалилова нашла исчерпывающее законодательное воплощение в действующем гражданском процессуальном законе.

Так, ч. 4 ст. 45 ГПК РТ 2007 года по сравнению со ст. 65 проекта ГПК Таджикской ССР и ч. 1 ст. 105 ГПК Таджикской ССР 1963 года дополнена следующими правами, которыми не обладают третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования на предмет спора: на предъявление встречного иска и требования принудительного исполнения судебного акта.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что таджикские ученые Е.М. Яковлева и Д.Р. Джалилов под руководством д. ю. н., профессора А.Ф. Клеймана внесли существенный вклад в совершенствовании института лиц, участвующих в деле, в ходе подготовки проекта ГПК Таджикской ССР. Некоторые научные изыскания указанных авторов не потеряли своей актуальности и в настоящее время, так как данный институт в ГПК РТ 2007 года сохранил определенные преемственные связи с аналогичным институтом ГПК Таджикской ССР 1963 года.

Существенным этапом развития института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР является принятие ГПК Таджикской ССР 1963 года. В этой части диссертации мы остановимся на общих положениях института лиц, участвующих в деле, по ГПК Таджикской ССР 1963 года. Более подробно нормы данного института по ГПК Таджикской ССР 1963 года будут рассмотрены в главе 2 настоящей работы путем сравнительного анализа с нормами института лиц, участвующих в деле, по ГПК РТ 2007 года.

В ст. 96 ГПК Таджикской ССР 1963 года состав лиц, участвующих в деле, был конкретизирован и уточнен. Таким образом, на основании упомянутой нормы лицами, участвующими в деле признавались: стороны, третьи лица,

представители сторон и третьих лиц, прокурор, органы государственного управления, профсоюзы, государственные предприятия, учреждения, организации, колхозы и другие кооперативные организации, их объединения и отдельные граждане, защищающие права и законные интересы других лиц, органы государственного управления, дающие заключение по делу, а также заявители и заинтересованные граждане, органы государства, общественные организации по делам, возникающим из административно-правовых отношений и делам особого производства.

По словам И.А. Агабобаян, «ГПК Таджикской ССР впервые сформулировал в ст. 96 положение, в соответствии с которым представители сторон и третьих лиц являются субъектами гражданского процессуального права, и отнес их к лицам, участвующим в деле» [228, с. 64]. Однако, как мы отметили выше, о возможности граждан и юридических лиц вести свои дела в суде через представителей и отнесения последних к лицам, участвующим в деле, говорилось еще в ст. 28 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 1961 года.

Впервые в ГПК Таджикской ССР 1963 года, в отличие от ГПК 1927 года и Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, в рамках отдельной статьи были предусмотрены общие для всех лиц, участвующих в деле, субъективные процессуальные права и обязанности.

В ГПК Таджикской ССР 1963 года были расширены субъективные процессуальные права и обязанности сторон, детализировано и конкретизировано их регулирование. Общие субъективные процессуальные права и обязанности сторон были предусмотрены в ст. 97 ГПК Таджикской ССР 1963 года. Этими правами стороны могли пользоваться наряду с другими лицами, участвующими в деле. Обязанности, предусмотренные ст. 97 ГПК Таджикской ССР 1963 года, также выполнялись сторонами наряду с другими лицами, участвующими в деле. Вместе с тем ГПК Таджикской ССР 1963 года предусматривал специальные субъективные процессуальные права сторон, которые по сравнению с ГПК Узбекской ССР 1927 года были расширены и усовершенствованы. Формулировка

этих специальных субъективных процессуальных прав сторон с некоторыми редакционными корректировками была использована и в ГПК РТ 2007 года.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 101 ГПК Таджикской ССР 1963 года истец был вправе в течение всего времени рассмотрения дела изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований или отказаться от иска. Ответчик был вправе признать иск. Стороны имели право требовать принудительного исполнения судебного решения, а также могли окончить дело мировым соглашением во всякой стадии процесса. В данном случае речь шла о распорядительных правах сторон, т. е. о правах сторон, которые были связаны с распоряжением иском. Но такие распорядительные действия сторон, как отказ от иска, признание иска и заключение мирового соглашения могли быть осуществлены сторонами только под контролем суда (ч. 3 ст. 101 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Следует отметить, что ГПК РСФСР 1923 года и ГПК Узбекской ССР 1927 года, которые действовали в Таджикской АССР и Таджикской ССР до принятия ГПК Таджикской ССР 1963 года и предусматривали судебный контроль только над отказом истца от иска. На наш взгляд, расширение в ГПК Таджикской ССР 1963 года судебного контроля над распорядительными правами сторон означало сужение действия принципа диспозитивности.

Отсюда нельзя не согласиться с М.Ш. Шамилёвым, который, оценивая социалистическое гражданское судопроизводство в целом, в качестве одного из основных его принципов выделял принцип «избыточной активности судей и в связи с этим оттеснение на задний план права сторон на распоряжение» [335, с. 19].

Вместе с тем указанный автор делает заключение по поводу других характерных черт социалистического гражданского судопроизводства, часть которого, на наш взгляд, является спорным. Так, по мнению М.Ш. Шамилёва: «Основными принципами социалистического гражданского судопроизводства являлись: создание единого процесса в первой инстанции; всеобщее распространение института народных заседателей; активное участие прокурора в

правовых спорах; оттеснение на задний план деятельности адвоката; избыточная активность судей и в связи с этим оттеснение на задний план права сторон на распоряжение; использование социалистического «принципа разбирательства» в интересах выяснения объективной истины; создание одноступенчатой системы апелляции с исключением пересмотра формы обжалования во второй инстанции; введение юридического института протеста на предмет законности» [335, с. 19]. С нашей точки зрения, большинство из указанных принципов социалистического гражданского судопроизводства было характерно первым годам существования советской власти, впоследствии они были изменены. А что касается апелляционной формы проверки судебных актов вышестоящими судами, то она вовсе не предусматривалась.

И.А. Агабабовян, исследуя развитие гражданского процессуального права Таджикистана в период с 1963 по 1985 годы, приходит к следующему заключению: «Подведя черту под кратким исследованием истории кодификации гражданского процессуального права в Таджикистане, следует отметить, что работа над развитием законодательства и практики его применения постоянно совершенствовалась, отвечая потребностям каждого этапа развития в нашей стране» [228, с. 69]. Данное заключение применимо и к гражданско-процессуальному институту лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР как на вышеуказанном этапе, так и во всем периоде её существования.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы об особенностях развития института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР:

- данный период можно разделить на следующие четыре подэтапа: 1) 1929-1936 годы. С момента образования Таджикской ССР до принятия Конституции СССР 1936 года. Характерной чертой указанного этапа являлась то, что кроме внесения изменений и дополнений в ГПК Узбекской ССР 1927 года, действующего на территории Таджикской ССР, касающихся института лиц, участвующих в деле, велась работа по подготовке проекта ГПК Таджикской ССР;

2) 1936-1957 годы. С момента принятия Конституции СССР 1936 года до момента принятия Закона СССР от 1957 года. Институт лиц, участвующих в деле, развивался на основании внесения изменений и дополнений в ГПК Узбекской ССР 1927 года, действующий на территории Таджикской ССР, так как на основании Конституции СССР 1936 года союзные республики лишились полномочия на подготовку кодифицированных нормативных правовых актов. Вместе с тем институт лиц, участвующих в деле, развивался путем принятия различных нормативных правовых актов СССР, а также Таджикской ССР, которые дополняли нормы ГПК Узбекской ССР 1927 года; 3) 1957-1963 годы. С момента принятия Закона СССР 1957 года, который восстановил полномочия союзных республик на подготовку и принятие кодифицированных нормативных правовых актов, до момента принятия ГПК Таджикской ССР 1963 года. Ведется работа по подготовке проекта ГПК Таджикской ССР, принимаются Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик и ряд других законов СССР, которые существенно повлияли на развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР; 3) 1963-1991 годы. С момента принятия и вступления в законную силу ГПК Таджикской ССР 1963 года. Институт лиц, участвующих в деле, развивается на основании внесения изменений и дополнений в указанный кодекс, а также принятия законов СССР и других законов Таджикской ССР, дополняющих его;

- одна из особенностей исследуемого периода заключалась в частичной (непрерывной) кодификации гражданского процессуального законодательства, в том числе гражданского процессуального института лиц, участвующих в деле. Кодификация в указанном аспекте являлась важнейшим инструментом совершенствования, а в целом и развития гражданского процессуального права, в том числе института лиц, участвующих в деле;

- принятие Закона СССР от 11 февраля 1957 года, который восстановил полномочия союзных республик на подготовку и принятие кодифицированных нормативных правовых актов, ознаменовало начало существенного этапа в

развитии гражданского процессуального законодательства, в том числе института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской ССР;

- Основы гражданского судопроизводства ССР и союзных республик предопределили структуру, модифицированный понятийный аппарат и содержание основных и существенных положений института лиц, участвующих в деле, в ГПК Таджикской ССР 1963 года;

- кодификационный опыт подготовки проекта ГПК Таджикской ССР, оказавший значительное влияние на развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе указанного исторического периода, заключался в следующем: а) опубликование текста проекта ГПК Таджикской ССР для широкого обсуждения; б) подготовка и опубликование научно обоснованных предложений о внесении изменений и дополнений в проект ГПК Таджикской ССР ведущими учеными СССР и Таджикской ССР; в) тщательная доработка проекта ГПК Таджикской ССР с учетом предложений, сделанных по итогам его всенародного обсуждения;

- в этот исторический период, в ходе кодификационной работы по внесению изменений и дополнений в ГПК 1927 года, подготовки проекта ГПК СССР, подготовки и принятия Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, проекта ГПК Таджикской ССР и их широкого обсуждения были заложены предпосылки принципиально нового института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикистана.

- отечественные ученые Е.М. Яковлева и Д.Р. Джалилов, работавшие под руководством д. ю. н., профессора А.Ф. Клеймана, внесли существенный вклад в совершенствование института лиц, участвующих в деле, в ходе подготовки проекта ГПК Таджикской ССР. Их отдельные научные изыскания не потеряли своей актуальности и в настоящее время, так как данный институт в ГПК РТ 2007 года сохранил определенные преемственные связи с аналогичным институтом ГПК Таджикской ССР 1963 года;

- расширение судебного контроля над распорядительными правами сторон в ГПК Таджикской ССР 1963 года по сравнению ГПК Узбекской ССР 1927 года означало сужение действия принципа диспозитивности в гражданском процессе того периода.

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ, В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

2.1. Общая характеристика лиц, участвующих в гражданском деле: гражданская процессуальная правоспособность, дееспособность, права и обязанности

2.1.1. Развитие гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности лиц, участвующих в деле

Теоретической и методологической основой гражданской процессуальной правоспособности лиц, участвующих в деле, являются положения общей теории государства и права о правоспособности.

Так, ещё в советской юридической литературе отмечалось: «чтобы быть субъектом права, надо обладать, прежде всего, правоспособностью, которая представляет собой признаваемую государством способность быть участником правового отношения, т. е. способность иметь права и обязанности, например, иметь право собственности на дом, право наследования и проч.» [122, с.459]. В.И. Леушин считал, что «правоспособность – это предусмотренная нормами права способность, возможность иметь субъективные права и юридические обязанности» [123, с. 356]. Схожее определение понятия правоспособности автор дает и в современной юридической литературе [124, с. 355].

В настоящее время в теории гражданского процессуального права традиционным является взгляд на гражданскую процессуальную правоспособность как на самостоятельное понятие, входящее в понятийный аппарат науки гражданского процессуального права, и производное от гражданской правоспособности [150, с. 70-76].

Это обосновывается тем, что объектом судебной деятельности являются не только споры о праве гражданским (в узком смысле этого слова), но и споры, возникающие из трудовых, семейных, экологических, жилищных, земельных, а также публично-правовых отношений. Поскольку судам подведомственны как дела по спорам, возникающим из гражданских трудовых, семейных и других

частноправовых отношений (абзац первый ч. 1 ст. 24 ГПК РТ 2007 года), так и дела, возникающие из публично-правовых отношений (абзац третий ч. 1 ст. 24 ГПК РТ 2007 года), то во всех случаях рассмотрения судом дел, не вытекающих из гражданских материальных правоотношений (в узком смысле этого слова), процессуальная правоспособность лиц, участвующих в деле, не может определяться и быть производной от гражданской правоспособности.

Более того, гражданская процессуальная правоспособность для граждан возникает с момента рождения. А правоспособность в трудовом праве – с 15 лет (как исключение, в 14 лет) (ч. ч. 2 и 3 ст. 21 Трудового кодекса Республики Таджикистан (в дальнейшем – ТК РТ, новый ТК РТ) [46]. Следовательно, при отождествлении гражданской правоспособности с гражданской процессуальной правоспособностью (в широком смысле этого слова) придется признать возникновение гражданской процессуальной правоспособности не с момента рождения, а с момента достижения лицом определенного возраста.

Далее остановимся на доктринальном и законодательном определениях понятия гражданской процессуальной правоспособности. Авторы, исследовавшие проблему гражданской процессуальной правоспособности в период действия ГПК РТ 1963 года и ГПК РСФСР 1964 года, давали совпадающие по содержанию определения понятия гражданской процессуальной правоспособности.

Несколько определений понятия гражданской процессуальной правоспособности, которые будут приведены ниже, свидетельствуют о том, что гражданская процессуальная правоспособность ещё тогда признавалась не только качеством, присущим лицам, участвующим в деле, но свойством всех субъектов гражданского процесса.

Так, по мнению М.С. Шакарян, «гражданская процессуальная правоспособность – это абстрактная возможность быть участником гражданского процесса, возможность иметь процессуальные права и обязанности, признаваемая в равной мере за всеми гражданами, юридическими лицами и иными организациями» [214, с. 89].

«Под гражданской процессуальной правоспособностью, – как считал В.Н. Щеглов, – принято понимать способность иметь гражданские процессуальные права и обязанности» [219, с. 25-26].

Очень близкое по содержанию определение гражданской процессуальной правоспособности давал П.Ф. Елисейкин. Автор считал, что «гражданская процессуальная правоспособность есть способность лица (гражданина, организации) иметь гражданские процессуальные права и обязанности» [89, с. 30].

Как видно из текста приведенных определений, гражданская процессуальная правоспособность определяется путем употребления термина «способность». В связи с этим следует отметить, что впервые в отношении гражданской правоспособности Н.Г. Юркевич высказался о неточности определения данного понятия через термин «способность». По мнению автора, применение слова «способность», а не «возможность» создаёт впечатление о врожденности правоспособности [338, с. 4]. Сторонницей распространения этой позиции в область гражданского процессуального права являлась М.С. Шакарян [214, с. 66]. Автор обосновывала свою точку зрения тем, что «правоспособность – не врожденное качество, а общественно юридическое свойство» [214, с. 66].

Не вступая в дискуссию с вышеназванными авторами по поводу значения слова «способность», надо отметить, что если быть последовательным, то заменяя слово «способность» в понятии гражданской процессуальной правоспособности на слово «возможность», необходимо соответственно заменить сам исторически сложившийся в юридической литературе и законодательстве термин «гражданская процессуальная правоспособность» (и вообще правоспособность в теории права) на «гражданскую процессуальную правовозможность». В чем, на наш взгляд, нет никакой необходимости.

Ранее было отмечено, что гражданская процессуальная правоспособность является качеством любого субъекта гражданского процесса, в том числе лиц, участвующих в деле.

В ГПК Таджикской ССР 1963 года предусматривалось легальное определение понятия гражданской процессуальной правоспособности. Так,

согласно ст. 98 ГПК Таджикской ССР 1963 года «способность иметь гражданские процессуальные права и обязанности (гражданская процессуальная правоспособность) признавалось в равной мере за всеми гражданами, а также за государственными предприятиями, учреждениями, организациями, колхозами, иными кооперативными организациями, объединениями, другими общественными организациями, пользующимися правами юридического лица» [33].

На несовершенство текста вышеприведенной нормы неоднократно указывалось в юридической литературе [214, с. 68; 146, с. 91-92]. Следует отметить, что данные авторы критиковали аналогичную норму ГПК РСФСР.

Так, по справедливому замечанию В.Н. Щеглова, в ст. 31 ГПК РСФСР (ст. 98 ГПК Таджикской ССР 1963 года была идентичной ст. 31 ГПК РСФСР) определена гражданская процессуальная правоспособность только граждан и юридических лиц, могущих участвовать в гражданском деле в качестве истцов, ответчиков, третьих лиц и правопреемников [219, с. 25-26]. Что же касается других лиц, участвующих в деле (прокурор, организации, не обладающие статусом юридического лица и судебных представителей), то в ст. 98 ГПК Таджикской ССР 1963 года о них ничего не говорилось. Более того, и в юридической литературе одни авторы распространяли гражданскую процессуальную правоспособность только на стороны [102, с. 34], другие – на стороны и третьих лиц [279, с. 93], третьи – на всех субъектов гражданского процесса [223, с. 82].

Легальное определение понятия гражданской процессуальной правоспособности получило развитие в связи с принятием ГПК РТ 2007 года. Так, согласно ст. 38 ГПК РТ 2007 года «гражданская процессуальная правоспособность и процессуальные обязанности стороны (гражданская процессуальная правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами и юридическими лицами, обладающими согласно законодательству Республики Таджикистан правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов» [43]. Схожее определение гражданской процессуальной

правоспособности предусмотрено и в новом ГПК РФ (ст. 36) [47]. Критикуя данную норму, Г.Л. Осокина указывает, что «такая формулировка носит чересчур абстрактный и юридически неточный характер. Потому что наличие у гражданина или организации способности быть участником судебного процесса, субъектом гражданского процессуального отношения связывается с абстрактной категорией права на судебную защиту» [149, с. 73]. Соответственно, только стороны и третьи лица могут предполагаться носителями права на судебную защиту [149, с. 74].

Отсюда можно сделать вывод о том, что и новый гражданский процессуальный закон РТ, а также некоторых стран СНГ (например, ст. 36 ГПК РФ, ст. 38 ГПК Кыргызской Республики) [47; 52] приравнивает понятие гражданской процессуальной правоспособности фактически к способности быть стороной и третьим лицом. Поскольку не только стороны и третьи лица, но и все остальные субъекты гражданского процесса обладают потенциальной способностью иметь гражданские процессуальные права и нести гражданские процессуальные обязанности, то мы разделяем точку зрения третьей группы авторов о том, что гражданскую процессуальную правоспособность следует считать свойством всех субъектов гражданского процесса, и прежде всего – всех лиц, участвующих в деле, включая прокурора, органы государственной власти, органы местного самоуправления, юридических лиц и отдельных граждан, защищающих в гражданском процессе права и законные интересы, и т. д.). В связи с этим предлагаем внести соответствующие изменения в текст ст. 38 действующего ГПК РТ, чтобы редакция данной статьи учитывала всех субъектов гражданского процесса (лиц, участвующих в деле) и изложить ее следующим образом: «Гражданская процессуальная правоспособность есть способность лица иметь гражданские процессуальные права и обязанности». В связи с тем, что гражданская процессуальная правоспособность есть свойство всех субъектов гражданского процесса, необходимо также решить вопрос о том, чтобы вывести данную статью из главы «Лица, участвующие в деле» раздела I ГПК РТ 2007 года и поместить ее в главе «Основные положения» данного раздела.

Такая формулировка ст. 38 ГПК РТ 2007 года будет охватывать также иностранных граждан и лиц без гражданства. Ведь и упомянутые субъекты могут быть носителями гражданских процессуальных прав и обязанностей, поскольку имеют право обращаться в суды РТ (ч. 1 ст. 387 нового ГПК РТ). Однако использование в действующей редакции ст. 38 ГПК РТ 2007 года, являющейся нормой общей части ГПК, слова «граждан» может быть истолковано таким образом, что гражданская процессуальная правоспособность к иностранцам и лицам без гражданства не применяется.

Теперь рассмотрим гражданскую процессуальную правоспособность каждого из лиц, участвующих в деле, в отдельности.

Так, П.Ф. Елесеikin констатировал, что «гражданская процессуальная правоспособность физических и юридических лиц, выступающих в качестве сторон, третьих лиц, представляет собой возможность обращения в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права, или интереса, возможность участия в судебном рассмотрении гражданского дела и выступления в качестве носителя всех предусмотренных действующим законодательством соответствующих гражданских процессуальных прав и обязанностей» [89, с. 30].

В данном определении, на наш взгляд, были допущены следующие недостатки. Во-первых, термин обращение неприменим к ответчику и третьим лицам, не предъявляющим самостоятельные требования на предмет спора, так как они не являются инициаторами возникновения возбуждения гражданского дела в суде. Во-вторых, термин рассмотрение, о котором говорится в вышеуказанном определении, является элементом стадии судебного разбирательства гражданского дела по существу и не охватывает другие стадии гражданского процесса. Хотя стороны и третьи лица потенциально могут быть субъектами всех стадий гражданского процесса.

В связи с этим предлагаем следующее определение понятия гражданской процессуальной правоспособности сторон и третьих лиц. Под гражданской процессуальной правоспособностью сторон и третьих лиц подразумевается предусмотренная законом способность данных лиц иметь субъективные

гражданские процессуальные права и нести субъективные гражданские обязанности сторон и третьих лиц, возможность осуществлять соответствующие функции (функцию иска, защиты против иска, содействия в осуществлении функции иска или защиты против иска), обуславливаемые целями, для достижения которых стороны и третьи лица участвуют в гражданском процессе.

В период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года (ГПК РСФСР 1964 года), в науке гражданского процессуального права некоторые положения этого закона, связанные с гражданской процессуальной правоспособностью сторон и третьих лиц, были спорными. Спорные моменты не были устранены и после принятия ГПК РТ 2007 года (ГПК РФ 2002 года).

Например, вопрос о возможности занятия процессуального положения истца организацией, не являющейся юридическим лицом. М.С. Шакарян считала сомнительным право судьи отказывать в принятии искового заявления, если оно предъявлено организацией, которая не является юридическим лицом. При обосновании своей точки зрения автор исходила из смысла п. 1 ст. 129 ГПК РСФСР 1964 года (п. 1 ст. 138 ГПК Таджикской ССР 1963 года), в соответствии с которым в качестве основания для отказа в принятии искового заявления не предусматривалось отсутствие гражданской процессуальной правоспособности. Кроме того, по мнению упомянутого автора, установление возможности быть обладателем гражданских прав и обязанностей, т. е. гражданской правоспособности, связано с решением вопросов, относящихся к материальному праву. А вопросы, связанные с материальным правом, рассматриваются и разрешаются в процессе судебного разбирательства гражданского дела [214, с. 79-80]. Е.Г. Пушкарь обращал внимание на то, что с такого рода рассуждениями М.С. Шакарян допускает отождествление понятий гражданской правоспособности и гражданской процессуальной правоспособности [154, с. 38]. Критикуя ее позицию по данному вопросу, он считал, что, принимая исковое заявление, судья решает только вопрос о гражданской процессуальной правоспособности.

Думается, что эта точка зрения Е.Г. Пушкаря была обоснованной, так как только для сторон и третьих лиц, которые являются предполагаемыми субъектами спорного материального правоотношения, имеет значение связь гражданской процессуальной правоспособности со статусом юридического лица.

Рассматривая вопрос о правомочии судьи отказывать в принятии искового заявления организации, не являющейся юридическим лицом либо при предъявлении иска к такой организации, М.С. Шакарян отмечала, что «процессуальный закон не решает вопроса о том, как должен поступить судья, если истец или ответчик не правоспособен» [214, с. 81]. Далее указанный автор констатировала, что решение вопроса о наличии у организации статуса юридического лица «не сводится к тому, быть или не быть стороне в процессе, потому что является решением материально-правового вопроса» [214, с. 79-80].

С нашей точки зрения, для проверки наличия или отсутствия у организации статуса юридического лица нет необходимости в принятии искового заявления и назначении дела к судебному разбирательству, как предлагала М.С. Шакарян [214, с. 81]. Эти действия не способствуют достижению целевых установок гражданского судопроизводства и противоречат принципу процессуальной экономии.

Во избежание процессуального расточительства и ведения беспредметного судопроизводства, на наш взгляд, организация, которая предъявляет иск, должна представить доказательств обладания ею (организацией) статуса юридического лица.

На основании вышеизложенного предлагаем уточнить редакцию ст. 134 нового ГПК РТ, дополнив её следующим положением: «К исковому заявлению, поданному юридическим лицом, должен быть приложен документ, подтверждающий обладание им статуса юридического лица».

В случае подачи искового заявления организацией в защиту своего права (интереса) без соблюдения вышеупомянутого требования судья в соответствии с ч. 1 ст. 139 нового ГПК РТ должен оставить данное исковое заявление без движения вынесением соответствующего судебного определения.

Гражданскую процессуальную правоспособность прокурора, на наш взгляд, можно определить, как предусмотренную законом способность прокурора иметь гражданские процессуальные права и обязанности, связанные с осуществлением им функции надзора в гражданском процессе и иска (заявления) в защиту прав и законных интересов других лиц.

Гражданская процессуальная правоспособность органов государственной власти, органов местного самоуправления, граждан и юридических лиц управления, которые защищают в гражданском процессе чужое право (интерес), на наш взгляд, можно определить, как способность данных лиц иметь гражданские процессуальные права и обязанности, связанные с защитой прав и интересов других лиц в случаях, предусмотренных законом.

Вышеуказанное несовершенство ст. 98 ГПК Таджикской ССР 1963 года (ст. 31 ГПК РСФСР 1964 года) способствовало тому, что в юридической литературе некоторыми авторами основанием участия органов государственного управления (органов государственной власти и органов местного самоуправления по терминологии нового ГПК РТ) считалась не гражданская процессуальная правоспособность, а компетенция [214, с. 86; 105, с. 51].

Так, М.С. Шакарян полагала, что «основанием участия в гражданском деле органов государственного управления, вступающих в процессе для защиты чужого права (интереса) является компетенция» [214, с. 86]. По мнению упомянутого автора, «понятие процессуальной правоспособности к органам государственного управления неприемлемо» [214, с. 86].

На наш взгляд, прав был В.В. Ярков, который считал, что компетенция органов государственного управления является условием наделения, их гражданской процессуальной правоспособностью [294, с. 12; 80, с. 68].

Вступая в процесс для защиты чужого права (интереса), органы государственного управления, другие лица и организации становятся участниками гражданских процессуальных правоотношений. Соответственно в рамках гражданского процесса реализуется не компетенция, а гражданская процессуальная правоспособность вышеупомянутых субъектов. Это связано с

тем, что речь идет о возможности (способности) быть участником не любого, а лишь процессуального отношения, то есть носителем процессуальных прав и обязанностей [149, с. 99]. Но, как известно, гражданские процессуальные отношения – это властеотношения, в которых носителем властных полномочий является только суд [149, с. 99]. В связи с этим другие участники процесса (в данном случае – органы государственного управления, органы государственной власти по терминологии нового ГПК РТ), не имеют властных полномочий, а, следовательно, их процессуальная правоспособность не может быть обозначена через понятие компетенция. Для характеристики юридических возможностей органов государственного управления, организаций и лиц, защищающих в процессе «чужое» право (интерес), применимо понятие гражданской процессуальной правоспособности [149, с. 101].

Исследуя гражданскую процессуальную правоспособность судебных представителей в период действия ГПК РСФСР 1964 года (ГПК Таджикской ССР 1963 года), П.Ф. Елесейкин считал, что гражданская процессуальная правоспособность представителей сторон и третьих лиц есть признанная законом возможность граждан и отдельных организацией вести в суде чужие гражданские дела [89, с. 31]. При этом упомянутый автор ссылаясь на ст. 43 ГПК РСФСР 1964 года, которая по содержанию идентична со ст. 108 ГПК Таджикской ССР 1963 года. Определение П.Ф. Елесейкина не потеряло своего значения и в настоящее время, так как ГПК РТ 2007 года (ст. 50) и новый ГПК РФ (ст. 48) почти полностью воспроизводят содержание ст. 108 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ст. 43 ГПК РСФСР 1964 года.

В данном определении, на наш взгляд, были допущены следующие недостатки. Во-первых, в ч. 2 ст. 43 ГПК РСФСР 1964 года (ч. 2. ст. 108 ГПК Таджикской ССР 1963 года) речь шла о ведении юридическими лицами не чужих, а своих дел через посредство другого субъекта, т. е. представителя. Во-вторых, в ст. 43 ГПК РСФСР 1964 года (ст. 108 ГПК Таджикской ССР 1963 года) говорилось не о представителях, а о гражданах и юридических лицах, которые могут вести свои дела в суде посредством другого субъекта – представителя. В-

третьих, в качестве представителя могли выступить только граждане, а не организации (юридические лица), что вытекало из содержания ст. ст. 44, 47 ГПК РСФСР 1964 года (ст. ст. 112, 115 ГПК Таджикской ССР 1963 года).

С учетом вышеприведенной критики попытаемся дать определение гражданской процессуальной правоспособности представителей. Таким образом, гражданская процессуальная правоспособность представителей есть предусмотренная законом способность представителей иметь гражданские процессуальные права и нести гражданские процессуальные обязанности, связанные с ведением дела в суде от имени и в интересах представляемого. К данному выводу можно прийти на основании анализа ст. ст. 108, 112, 115 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ст. ст. 50, 51, 53 ГПК РТ 2007 года.

Следует отметить, что в отношении осуществления представительства в суде закон допускал и допускает ограничения гражданской процессуальной правоспособности определенного круга лиц. Так, в соответствии со ст. 115 ГПК Таджикской ССР 1963 года «представителями в суде не могли быть лица, не достигшие совершеннолетия; лица, над которыми установлены опека, попечительство; адвокаты, принявшие поручения об оказании юридической помощи с нарушением правил, установленных законодательством Республики Таджикистан об адвокатуре; лица, исключенные из коллегии адвокатов в случае, предусмотренном п. 7 ч. 1 ст. 112 ГПК Таджикской ССР 1963 года; лица, ограниченные судом в дееспособности» [33].

Как по ГПК Таджикской ССР 1963 года (ч. 2 ст. 115), так и по новому ГПК РТ (ст. 53) судьи, следователи и прокуроры также не могут быть представителями в суде, кроме случаев, когда они действуют в качестве законных представителей или в качестве уполномоченных соответствующего суда или прокуратуры.

Далее более подробно рассмотрим вопрос, связанный с возможностью ограничения гражданской процессуальной правоспособности сторон и третьих лиц. Прежде всего, необходимо отметить, что гражданскому процессуальному законодательству неизвестны случаи ограничения гражданской процессуальной правоспособности. Хотя в материальных отраслях законодатель предусматривает

возможность ограничения соответствующей отраслевой материальной правоспособности (например, в результате объявления гражданина умершим гражданская правоспособность прекращается (ч. 4 ст. 46 Гражданского кодекса Республики Таджикистан [54] (в дальнейшем – ГК РТ, новый ГК РТ)), а в случаях признания гражданина безвестно отсутствующим гражданская правоспособность частично ограничивается (ст. 44 нового ГК РТ). Кроме того, гражданин в судебном порядке может быть лишен лишь определенных элементов гражданской правоспособности, т. е. родительских прав, права занимать определенные должности в связи с совершением преступления.

Однако во всех вышеупомянутых случаях за гражданином сохраняется гражданская процессуальная правоспособность. Логика законодателя здесь понятна. Известно, что лишение родительских прав выступает в качестве санкции за правонарушение в области семейного права. Но после устранения обстоятельств, с которыми закон связывает возможность судебного лишения родительских прав, за гражданином сохраняется возможность их восстановления. В противном случае гражданин, лишенный родительских прав, не смог бы их восстановить, а лицо, объявленное умершим, которое в действительности оказалось живым, было бы не вправе обратиться в суд для восстановления своего статуса. Именно этим объясняется отсутствие в законе возможности ограничения гражданской процессуальной правоспособности.

Иногда в правовой литературе в качестве примера ограничения гражданской процессуальной правоспособности указывалось на недопустимость предъявления гражданином иска в защиту субъективных прав, которых гражданин был лишен вступившим в законную силу судебным приговором (например, по мнению некоторых авторов, недопустимо возбуждение спора о неправильном увольнении с работы при условии, что ранее суд запретил данному лицу занимать подобные должности) [109, с. 58].

Обращая внимание на приведенный случай, А.Н. Кожухарь писал, что данный пример следует связывать не с ограничением гражданской процессуальной правоспособности, а с законной силой приговора суда. Далее

цитируемый автор констатировал, что если во исполнение приговора суда о запрещении занимать определенную должность и было произведено увольнение, которое оспаривается работником, то здесь может последовать лишь отказ в принятии искового заявления. Более того, в связи с тем, что приговор по уголовному делу должен оспариваться в рамках уголовного судопроизводства, то принятие судом вышеназванного искового заявления означало бы оспаривание приговора по уголовному делу в порядке гражданского судопроизводства [104, с. 66].

Думается, что мнение А.Н. Кожухаря не соответствовало ни ГПК Таджикской ССР 1963 года, ни ГПК Молдавской ССР 1964 года. Дело в том, что вышеприведенное мнение А.Н. Кожухарь высказал в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года и ГПК Молдавской ССР 1964 года. Более того, указанное мнение не соответствует и новому ГПК РТ. Так, ст. 136 ГПК Таджикской ССР 1963 года, посвященная основаниям отказа в принятии искового заявления, не предусматривала такого основания, как наличие приговора по уголовному делу, вступившего в законную силу. Такого основания отказа в принятии искового заявления нет и в ст. 137 нового ГПК РТ. Отсюда в случаях предъявления искового заявления об оспаривании увольнения, произведенного во исполнение приговора суда о запрещении занимать определенную должность, судья должен принять его. Далее, судья исходя из обязательности вступившего в законную силу приговора по уголовному делу для суда, рассматривающего гражданское дело (ст. 37 ГПК Таджикской ССР 1963 года, ч. 3 ст. 64 ГПК РТ 2007 года), должен рассмотреть и разрешить данное исковое заявление по существу. А вариант решения вопроса, который был предложен А.Н. Кожухарем, может способствовать прямому ущемлению права граждан на судебную защиту. На основании изложенного вышеуказанные случаи, связанные с оспариванием приговора суда по уголовным делам, никак нельзя рассматривать как лишение или ограничение гражданской процессуальной правоспособности. Это объясняется тем, что каждое заинтересованное лицо вправе обращаться в суд за

защитой нарушенного права и законного интереса (ч. 1 ст. 4 ГПК Таджикской ССР 1963 года, ст. 4 нового ГПК РТ).

Передача спора по взаимному соглашению сторон на разрешение третейского суда рассматривается некоторыми авторами как ограничение гражданской процессуальной правоспособности сторон [104, с. 66]. Гражданское процессуальное законодательство закрепляет недействительность отказа от права на обращение за судебной защитой. Граждане и организации не могут ограничить свою гражданскую процессуальную правоспособность, потому что указанная способность предусматривается законом и соответственно обеспечивается юридической силой закона. В связи с этим передача определенной категории дел по соглашению сторон спора на разрешение третейского суда, на наш взгляд, является не ограничением гражданской процессуальной правоспособности, а проявлением принципа диспозитивности в гражданском судопроизводстве. Равноправные перед законом и судом лица, распоряжаясь своими материальными правами, также свободны в распоряжении процессуальными средствами их защиты. Передача дела по соглашению сторон спора на рассмотрение третейского суда является распоряжением процессуальными средствами защиты материального права.

Также в юридической литературе указывалось на связь гражданской процессуальной правоспособности с компетенцией суда [75, с. 27]. Для того, чтобы гражданское дело появилось в производстве суда, кроме гражданской процессуальной правоспособности необходима компетенция суда, т. е. нахождение спора о праве под юрисдикцией данного органа [75, с. 28]. Таким образом, возможность участия лица в гражданском судопроизводстве ставится в зависимость от подведомственности гражданских дел суду.

С точки зрения Р.Ш. Сотиволдиева, «для того чтобы физическое лицо могло быть субъектом правоотношения, оно должно обладать правоспособностью и дееспособностью» [170, с. 268]. По мнению В.С. Нерсесянца: «Дееспособность – это реальная способность (возможность) субъекта права своими активными правомерными действиями реализовать в соответствующих правоотношениях

свою правоспособность, приобретать и осуществлять свои субъективные права, создавать для себя и исполнять свои субъективные юридические обязанности» [144, с. 511]. Что касается гражданского процесса, то для того чтобы быть субъектом гражданского процесса, недостаточно обладать возможностью иметь гражданские процессуальные права и обязанности (гражданская процессуальная правоспособность). Надо ещё иметь возможность своими действиями приобрести гражданские процессуальные права и исполнять гражданские процессуальные обязанности (гражданская процессуальная дееспособность).

Прежде всего, следует отметить, что организации приобретают как гражданскую процессуальную правоспособность, так и гражданскую процессуальную дееспособность одновременно, т. е. с момента приобретения ими статуса юридического лица. Указанное положение обуславливает отсутствие различий между гражданской процессуальной правоспособностью и гражданской процессуальной дееспособностью организаций. В связи с этим гражданская процессуальная дееспособность организаций нами специально не освещается.

Способность иметь и способность осуществлять права и обязанности не совпадают по времени возникновения лишь у таких лиц, участвующих в деле, как граждане – физические лица. Это объясняется тем, что самостоятельное осуществление прав и обязанностей своими действиями зависит от уровня психического развития, способности изъявлять волю, понимать значение своих действий и их последствий, а также возраста гражданина. Отсюда момент осуществления прав и обязанностей своими действиями (гражданская процессуальная дееспособность), как правило, связывается с достижением совершеннолетия. Поэтому в этой части работы остановимся именно на исследовании гражданской процессуальной дееспособности граждан, могущих выступить в качестве лиц, участвующих в деле для защиты своих прав и интересов.

Вначале рассмотрим определение понятия гражданской процессуальной дееспособности. Одни авторы считают, что «гражданская процессуальная дееспособность является способностью осуществлять в суде гражданские

процессуальные права» [76, с. 54]. Другие констатируют, что «гражданская процессуальная дееспособность есть предоставленная законом субъекту гражданского процессуального правоотношения способность личными действиями в пределах закона осуществить гражданские процессуальные права и исполнять возложенные на него процессуальные обязанности» [71, с. 55]. Третьи приходят к заключению, что «гражданская процессуальная дееспособность – это способность лично осуществлять свои права в суде и поручать ведение дела представителю» [77, с. 88].

Во всех вышеупомянутых определениях понятия гражданской процессуальной дееспособности допущены недостатки. Дело в том, что в соответствии с правовыми реалиями понятие гражданской процессуальной дееспособности объединяет следующие три существенных элемента: во-первых, предусмотренную законом способность лица своими личными действиями осуществлять гражданские процессуальные права; во-вторых, предусмотренную законом способность лица своими личными действиями осуществлять гражданские процессуальные обязанности; в-третьих, предусмотренную законом способность лица поручать ведение дела в суде представителю. Объединяя данные элементы, можно дать следующее определение понятия гражданской процессуальной дееспособности. Гражданская процессуальная дееспособность – это предусмотренная законом способность лица своими личными действиями осуществлять гражданские процессуальные права и обязанности, а также поручать ведение дела в суде представителю. Следовательно, гражданская процессуальная дееспособность лиц, участвующих в деле для защиты своих прав и интересов – это предусмотренная законом способность данных лиц своими личными действиями осуществлять гражданские процессуальные права и обязанности, а также поручать ведение дела в суде представителю.

Необходимо отметить, что ГПК Таджикской ССР 1963 года учитывал только два элемента понятия гражданской процессуальной дееспособности. Так, в ст. 99 ГПК Таджикской ССР 1963 года говорилось, что «способность осуществлять свои права в суде и поручать ведение дела представителю

(гражданская процессуальная дееспособность) принадлежит гражданам, достигшим совершеннолетия, и юридическим лицам» [33]. Что касается положения нового ГПК РТ, определяющего гражданскую процессуальную дееспособность (ст. 39), то оно более совершенно, так как учитывает все три существенных элемента понятия гражданской процессуальной дееспособности.

Анализ гражданского процессуального закона (ГПК Таджикской ССР 1963 года и ГПК РТ 2007 года) показывает, что в зависимости от условий возникновения и объема содержания можно выделить гражданскую процессуальную дееспособность четырех категорий граждан, могущих выступить в качестве сторон и третьих лиц.

Первая категория. Граждане, достигшие совершеннолетия, т. е. восемнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 99 ГПК Таджикской ССР 1963 года, ч. 1 ст. 39 нового ГПК РТ), а также несовершеннолетний с момента вступления в брак или признания его полностью дееспособным (эмансипированным (ч. 2 ст. 39 нового ГПК РТ)). Положение ч. 2 ст. 39 ГПК РТ о способности несовершеннолетнего лично осуществлять гражданские процессуальные права и выполнять гражданские процессуальные обязанности обусловлено содержанием ч. 2 ст. 22 и ч. 1 ст. 28 нового ГК РТ, т. е. расширение дееспособности в материальном праве способствовало расширению гражданской процессуальной дееспособности. Данные лица имеют полную гражданскую процессуальную дееспособность, т. е. обладают всеми тремя элементами гражданской процессуальной дееспособности. Однако ч. 2 ст. 39 нового ГПК РТ исходит из наличия у несовершеннолетнего, вступившего в брак или признанного полностью дееспособным (эмансипированным), только двух элементов гражданской процессуальной дееспособности, что принципиально неверно. В связи с этим предлагаем ч. 2 ст. 39 нового ГПК РТ после слова «обязанности» дополнить словами «а также поручать ведение дела представителю» и далее по тексту.

Вместе с тем, в судебной практике не во всех случаях соблюдаются требования ч. 2 ст. 39 ГПК РТ. Так, в гражданском деле по исковому заявлению Р.Б.О. к ответчикам Я.М.К. и Я.Н.К. о признании членом семьи собственника и

вселении в жилую площадь совершеннолетние дети истца могли самостоятельно подать в суд исковые заявления, что не было учтено судом [368].

Вторая категория. Несовершеннолетние граждане в возрасте от 15 до 18 лет (ч. 3 ст. 99 ГПК Таджикской ССР 1963 года) и несовершеннолетние граждане от 14 до 18 лет (ч. 4 ст. 39 нового ГПК РТ), которые имели и имеют полную гражданскую процессуальную дееспособность по отдельным категориям гражданских дел. Сначала рассмотрим формулировку ч. 3 ст. 99 ГПК Таджикской ССР 1963 года. В ней говорилось, что «по делам, возникающим из трудовых и колхозных правоотношений и из сделок, связанных с распоряжением полученным заработком, граждане, не достигшие совершеннолетия, имеют право лично защищать в суде свои права и охраняемые законом интересы» [33]. Между тем данная норма не учитывала некоторые положения норм материальных отраслей права. Так, ст. 446 Гражданского кодекса Таджикской ССР 1963 года предусматривала, что «несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет несут ответственность за причиненный ими вред». Вплоть до принятия ГПК РТ 2007 года, в вышеупомянутую норму, т. е. в ч. 3 ст. 39 ГПК Таджикской ССР 1963 года, не были внесены изменения и дополнения, учитывающие также положения ст. 12 Кодекса Таджикской ССР об административных правонарушениях 1985 года, гласившей, что к «административной ответственности привлекается физическое лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения шестнадцати лет» [35], ст. 27 Гражданского кодекса РТ 1999 года, предусматривающая гражданскую дееспособность несовершеннолетних, достигших четырнадцатилетнего возраста, ч. 3 ст. 21 Трудового кодекса РТ 1997 года в соответствии с которой в исключительных случаях учащиеся, достигшие 14 лет, могут заключить трудовые договоры (контракты).

Во всех вышеназванных случаях несовершеннолетний гражданин, являясь участником материального правоотношения, личными действиями может реализовать субъективные материальные права и обязанности. Следовательно, он должен обладать способностью своими действиями осуществлять защиту своего

нарушенного или оспоренного субъективного права. Поэтому новый ГПК РТ, учитывая модификацию норм материального права, регулирующих вопросы материальной дееспособности, установил следующее предписание: «в случаях, предусмотренных законом, по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, публичных и иных правоотношений, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет лично защищают в суде свои права, свободы и охраняемые законом интересы. В этих случаях законные представители могут быть привлечены для участия в деле по усмотрению суда» (ч. 4 ст. 39 нового ГПК РТ) [43].

Третья категория. Несовершеннолетние граждане в возрасте от 15 до 18 лет (ч. 3 ст. 99 ГПК Таджикской ССР 1963 года) и несовершеннолетние граждане от 14 до 18 лет (ч. 3 ст. 39 нового ГПК РТ). Их права, свободы и законные интересы в суде защищают законные представители. Суд обязан привлекать для участия в таких делах самих несовершеннолетних граждан. ГК Таджикской ССР 1963 года (ст. 13) и ГПК Таджикской ССР 1963 (ч. 3 ст. 99) приравнивали к указанным несовершеннолетним граждан, признанных судом ограничено дееспособными. Однако новый ГПК РТ не учитывает предписание, изложенное в ч. 1 ст. 31 нового ГК РТ, которое определяет правовой статус граждан, ограниченных в дееспособности. В связи с этим предлагаем ч. 3 ст. 39 нового ГПК РТ после слова «лет» дополнить словами «а также граждан, ограниченных в дееспособности» и далее по тексту.

Таким образом, лица, указанные в ч. 3 ст. 39 нового ГПК РТ, могут лично совершать ряд процессуальных действий (например, представлять доказательства, давать объяснения, заявлять ходатайства), но без согласия законных представителей не могут совершать процессуальные действия распорядительного характера (например, отказаться от иска, признать иск, заключить мировое соглашение) и подать частную, кассационную или надзорную жалобы. Следовательно, можно сделать вывод, что несовершеннолетние граждане от 14 до 18 лет и граждане, ограниченные в дееспособности, в случаях, указанных ч. 3 ст.

39 нового ГПК РТ, имеют усеченную гражданскую процессуальную дееспособность.

Предъявление искового заявления недееспособным лицом, как нарушение условия права на предъявление иска, было основанием к отказу в принятии искового заявления (п. 8 ч. 2 ст. 136 ГПК Таджикской ССР 1963 года), а в соответствии с абзацем вторым ч. 1 ст. 138 ГПК РТ является основанием возвращения искового заявления. Если этот факт обнаруживается после возбуждения гражданского дела, т. е. принятия судом искового заявления, то он, как по ГПК Таджикской ССР 1963 года (п. 2 ст. 231), так и по новому ГПК РТ (абзац 1 ст. 227 ГПК РТ) является основанием оставления искового заявления без рассмотрения. В целях обеспечения своевременной защиты прав и законных интересов недееспособных, на наш взгляд, при обнаружении судом поданного ими искового заявления, после возбуждения гражданского дела должно применяться правило, предусмотренное ч. 3 ст. 228 нового ГПК РТ. В связи с этим предлагаем следующую редакцию ч. 3 ст. 228 нового ГПК РТ: «3. Суд по ходатайству истца или ответчика вправе отменить свое определение об оставлении заявления без рассмотрения по основаниям, указанным в абзацах первом и пятом статьи 227 настоящего Кодекса, если истец или ответчик представят суду доказательства, подтверждающие уважительность причин неявки в судебное заседание и невозможности сообщения о них, либо недееспособное лицо в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет представить в суд письменное согласие своего законного представителя о его вступлении в дело».

Четвертая категория. Несовершеннолетние граждане в возрасте до 14 лет, а также граждане, признанные недееспособными (ч. 2 ст. 99 ГПК Таджикской ССР 1963 года). В соответствии со ст. 29 нового ГК РТ несовершеннолетние в возрасте до 14 лет имеют определенный законом объем дееспособности. Что касается ч. 5 ст. 39 нового ГПК РТ, то в ней не указывается вышеупомянутый возраст этих несовершеннолетних.

В соответствии с ч. 5 ст. 39 нового ГПК РТ права, свободы и охраняемые законом интересы несовершеннолетних, а также граждан, признанных

недееспособными, защищают в процессе их законные представители. Из данного правила есть исключения: дело в том, что в некоторых случаях, предусмотренных законом суд обязан привлечь несовершеннолетнего, достигшего возраста 10 лет, для участия в деле. Так, согласно ст. 278 нового ГПК РТ суд рассматривает заявление об усыновлении с участием ребенка, достигшего возраста от 10 до 14 лет. В соответствии с ч. 4 ст. 72 СК РТ восстановление в родительских правах в отношении ребенка, достигшего десятилетнего возраста, возможно только с учетом его мнения. Получается, что вопреки мнению некоторых авторов, считающих несовершеннолетних, не достигших возраста 14 лет, полностью недееспособными в гражданском процессе [75, с. 60; 80, с. 71], последние лично могут совершать ряд процессуальных действий, т. е. имеют локальную гражданскую процессуальную дееспособность.

Таким образом, нормы ГПК Таджикской ССР 1963 года, определяющие гражданскую процессуальную дееспособность субъектов гражданского процесса, в том числе и лиц, участвующих в деле для защиты своих прав и интересов, вплоть до момента принятия ГПК РТ 2007 года не учитывали ряд существенных изменений, внесенных в новые ГК РТ, СК РТ, ТК РТ и КоАП РТ, касающихся материальной дееспособности.

Анализ ст. 39 нового ГПК РТ показывает, что в основном она воспроизводит содержание ст. 99 ГПК Таджикской ССР 1963 года. Вместе с тем развитие норм материального права, регулирующих вопросы материально-правовой дееспособности, обусловили развитие норм, регулирующих гражданскую процессуальную дееспособность.

2.1.2. Развитие процессуальных прав и обязанностей лиц, участвующих в деле

Лица, участвующие в деле, по ГПК Таджикской ССР 1963 года пользовались широкими субъективными гражданскими процессуальными правами и выполняли ряд субъективных гражданских процессуальных обязанностей. Комплексное изучение и научная разработка проблемы субъективных процессуальных прав и обязанностей лиц, участвующих в деле,

фактически есть исследование проблем всего правосудия по гражданским делам. Наглядным подтверждением данного тезиса может служить такой пример.

Так, для того, чтобы провести полный и всесторонний анализ субъективных прав лиц, участвующих в деле, на распоряжение иском (например, права на отказ от иска, права на изменение предмета или основания иска, права на увеличение или уменьшение исковых требований), необходимо подвергнуть тщательному изучению такие кардинальные направления теории гражданского процессуального права, как проблема иска и права на иск. Выяснение разных аспектов субъективного процессуального права на представление доказательств и участие в деятельности по доказыванию (вопрос о том, является ли представление доказательств субъективным правом или обязанностью, остается в правовой науке спорным) [188, с. 44] невозможно без учета вопросов, связанных с доказательствами и доказыванием в гражданском процессе.

Из-за объемности проблемы субъективных гражданских процессуальных прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, в рамках данного диссертационного исследования они будут рассмотрены в общем аспекте.

Прежде всего, следует заметить, что широкие субъективные гражданские процессуальные права и ряд субъективных гражданских процессуальных обязанностей лиц, участвующих в деле, были закреплены в ст. 97 ГПК Таджикской ССР 1963 года [33].

Наряду с этим, в соответствии с ч. 2 ст. 97 ГПК Таджикской ССР 1963 года, «лица, участвующие в деле, были обязаны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами» [33]. В свое время, указывая на аналогичную статью Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, перечисляющую «весь комплекс прав лиц, участвующих в деле» [211, с. 44], Н.А. Чечина обращала внимание на отсутствие в ней санкций, которые предусматривали бы невыгодные последствия для лиц, участвующих в деле, недобросовестно пользующихся своими процессуальными правами [211, с. 44]. Далее, вышеуказанный автор считала, что, не предусмотрев специальную санкцию за невыполнение обязанностей, законодатель тем самым заменил ее

морально-этическими требованиями. Это, по мнению Н.А. Чечиной, является свидетельством нового направления по постепенной замене правовых норм нормами морали.

Не вступая с упомянутым автором в полемику по поводу того, что с момента официального закрепления законодательным органом любая нравственная норма приобретает качества правовой нормы, хотим сослаться на другое мнение, высказанное в юридической литературе относительно правовых санкций. Так, О.Э. Лейст указывал, что «...во всех отраслях права имеются нормы, в которых отсутствует санкция. В связи с этим правовая санкция, не являясь обязательным атрибутом каждой нормы, может быть общей для совокупности норм» [120, с. 21-22]. А санкцию лицам, участвующим в деле, за нарушение обязанности добросовестно пользоваться принадлежащими им субъективными процессуальными правами предусматривала ст. 75 ГПК Таджикской ССР 1963 года.

Перечень субъективных гражданских процессуальных прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, закрепленный в ст. 97 ГПК Таджикской ССР 1963 года, носил далеко не исчерпывающий характер. В последующих статьях ГПК Таджикской ССР 1963 года, регулирующих гражданское судопроизводство в разных его стадиях и видах, субъективные гражданские процессуальные права и обязанности лиц, участвующих в деле, конкретизировались и дополнялись.

Для обеспечения надлежащего осуществления субъективных гражданских процессуальных прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, огромная роль отводилась суду. Согласно ч. 2 ст. 15 ГПК Таджикской ССР 1963 года «суд должен был разъяснять лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждать о последствиях совершения или не совершения процессуальных действий и оказывать им содействие в осуществлении их прав» [33].

Указанное положение было не только обязанностью суда, но и его (суда) потребностью, обусловливаемой функцией правосудия. Поскольку без активного участия лиц, участвующих в деле, в собирании и представлении доказательственного материала, да и в целом в гражданском процессе, реализация

функции правосудия было проблематичной, то суд не только был обязан, но и был заинтересован в том, чтобы лица, участвующие в деле, были всесторонне осведомлены о своих правах и обязанностях. Неосведомленность лиц, участвующих в деле, о параметрах своего правового статуса не должна была стать для них преградой на пути эффективного использования субъективных гражданских процессуальных прав и выполнения обязанностей. В связи этим немаловажное значение приобретало тщательное и четкое разъяснение лицам, участвующим в деле, их субъективных гражданских процессуальных прав и обязанностей. Субъективные гражданские процессуальные права и обязанности лиц, участвующих в деле, разъяснялись судом в ходе подготовки дела к судебному разбирательству (ч. ст. 148 ГПК Таджикской ССР 1963 года) и дополнительно вначале рассмотрения гражданского дела по существу и непосредственно в судебном заседании (ст. 162 ГПК Таджикской ССР 1963 года).

В определении о подготовке гражданского дела к судебному разбирательству судья предусматривал в качестве самостоятельного и обязательного процессуального действия разъяснение лицам, участвующим в деле, их субъективных гражданских процессуальных прав и обязанностей. Изучение пятидесяти гражданских дел, рассмотренных Октябрьским районным судом (ныне район Исмоили Сомони) г. Душанбе в первом полугодии 1996 года показал, что судьи нередко формально относились к вышеупомянутой обязанности. Определения о подготовке дела к судебному разбирательству являлись схожими по содержанию. Далее, в материалах гражданского дела не было сведений о надлежащем извещении лиц, участвующих в деле, и их явке в суд для участия в стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Отсюда разъяснение им прав и обязанностей представлялось сомнительным [363]. Схожие недостатки допускаются в судебной практике и в ходе реализации соответствующих норм действующего ГПК РТ [368].

В связи с этим автор настоящей работы в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года предлагал внести в ст. 235 указанного закона следующие изменения. Суд, разъясняя лицам, участвующим в деле, их права и обязанности,

берет об этом расписку. Если данное процессуальное действие было совершено судом вначале судебного заседания, лица, участвующие в деле, должны расписываться в протоколе судебного заседания, соответственно свидетельствуя о разъяснении им прав и обязанностей [285, с. 34-42]. Данное предложение не потеряло своей актуальности и в настоящее время, т. е. и после принятия нового ГПК РТ.

Далее рассмотрим основные субъективные гражданские процессуальные права лиц, участвующих в деле. Их содержание предопределено принципами диспозитивности, состязательности и равноправия сторон:

1) право на обращение в суд за защитой субъективных прав и законных интересов (ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Данным правом располагали как лица, защищающие в процессе свои права и интересы, так и лица, защищающие в гражданском процессе права и интересы других лиц. Субъективное гражданское процессуальное право лиц, участвующих в деле, на обращение в суд за защитой нарушенных и оспоренных прав и законных интересов [257, с. 141-152] предусмотрено и в новом ГПК РТ (ст. 5 ГПК 2007 года). Однако данное право конкретизировано и усовершенствовано, т. е. приобрело элементы новизны. Так, по ГПК РТ 2007 года прокурор может обратиться в суд за защитой субъективных прав и законных интересов только в случаях, предусмотренных законом (ч. 1 ст. 47);

2) право на выдвижение требований и их обоснование (ст. 133 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ст. 134 ГПК РТ 2007 года). Суть данного субъективного гражданского процессуального права лиц, участвующих в деле, заключалась и заключается в том, что они определяли и определяют объем своих требований и фактов, из которых эти требования вытекают. Однако в судебной практике есть случаи вынесения судебного решения не по всем требованиям, указанным лицом, участвующем в деле [367, с. 60-61; 368, с. 47-48];

3) право на участие в судебном разбирательстве (ст. 97 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Частично и процессуальные права, связанные с выдвижением требований, а также их обоснованием, правомочия по доказыванию фактов были

связаны с участием в судебном разбирательстве. Право на выступление в суде лично или через своих представителей (ст. 108 ГПК Таджикской ССР 1963 года) также примыкало к этой группе. Анализ ГПК РТ 2007 года показывает, что урегулирование права лиц, участвующих в деле, на участие в судебном разбирательстве, в нем в основном сохранило преемственность с урегулированием данного права в ГПК Таджикской ССР 1963 года. Вместе с тем право лиц, участвующих в деле, на участие в судебном разбирательстве получило дальнейшее развитие. Так, по новому ГПК РТ лица, участвующие в деле, могут принимать участие в предварительном судебном заседании (ст. 155 ГПК РТ 2007 года), а также их участие в судебном заседании суда надзорной инстанции не зависит от судебного усмотрения (ст. 375 ГПК РТ 2007 года);

4) право и обжалование и опротестование судебных актов – решений, определений и постановлений (ст.ст.97, 303, 337 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Упомянутое субъективное право признается дополнительной гарантией конституционного права на судебную защиту, укрепления принципа законности в гражданском процессе и устранения судебных ошибок [367, с. 58-70]. Оно в ГПК РТ 2007 года расширено, конкретизировано, дополнено и усовершенствовано. Так, впервые в новом ГПК РТ предусмотрено право лиц, участвующих в деле, на подачу надзорной жалобы непосредственно в суд надзорной инстанции (ч. 1 ст. 365 ГПК РТ 2007 года). Однако в настоящее время можно сделать вывод о том, что новый ГПК РТ предусматривает гиперсубъективное право лиц, участвующих в деле, на подачу надзорной жалобы или протеста в суд надзорной инстанции. Дело в том, что указанный закон закрепляет возможность трехкратного обжалования или оспаривания лицами, участвующими в деле, судебного акта в суд надзорной инстанции, что может привести к затягиванию процесса и не соответствует принципам определенности в правоотношениях и стабильности судебных актов;

5) права, связанные с принудительным исполнением судебного акта (ст. ст. 360-388 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Права лиц, участвующих в деле, на участие в производстве по исполнению решений, обжалованию действий

судебного исполнителя имели и имеют важное значение для достижения задач гражданского судопроизводства, так как от эффективного исполнения судебного акта зависело и зависит реальное восстановление нарушенного или оспоренного субъективного права. В связи с этим анализ нового ГПК РТ и Закона Республики Таджикистан «Об исполнительном производстве» [53] показывает, что нормы, определяющие права лиц, участвующих в деле, связанные с исполнением судебного акта, получили дальнейшее развитие. Расширен перечень исполнительных документов (ст. 10 Закона РТ «Об исполнительном производстве»), конкретизированы требования к их содержанию (ст. 11 Закона РТ «Об исполнительном производстве»), дополнены меры принудительного исполнения (ст. 44 Закона РТ «Об исполнительном производстве»), подробно урегулирован порядок осуществления указанных мер и участия в них лиц, участвующих в деле. Вместе с тем, изучение судебной практики показывает, что судьи не во всех случаях соблюдают требования закона в указанном аспекте [368].

Наряду с субъективными гражданскими процессуальными правами лица, участвующие в деле, выполняли и выполняют ряд субъективных гражданских процессуальных обязанностей:

1) обязанность добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им субъективными гражданскими процессуальными правами (ч. 2 ст. 97 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Данная обязанность без каких-либо изменений воспроизведена в новом ГПК РТ (абзац шестой ч. 1 ст. 37 ГПК РТ 2007 года). Её надлежащее выполнение лицами, участвующими в деле, способствовало и способствует своевременному и правильному отправлению правосудия по гражданским делам, предотвращению случаев заявления необоснованного иска или спора против иска;

2) обязанность по соблюдению порядка в зале судебного заседания (ч. 3 ст. 155 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ч. 5 ст. 161 ГПК РТ 2007 года);

3) обязанность по извещению суда о причинах неявки и представления доказательств уважительности этих причин (ч. 1 ст. 170 ГПК РТ 2007 года). Упомянутая обязанность впервые предусмотрена в новом ГПК РТ 2007 года.

Надлежащее выполнение данной обязанности будет способствовать созданию более оптимальных условий для отправления правосудия по гражданским делам;

4) обязанность по доказыванию обстоятельств гражданского дела (ст. 33 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Обязанность лиц, участвующих в деле, по доказыванию обстоятельств гражданского дела предусмотрено и в новом ГПК РТ (ч. 1 ст. 58 ГПК РТ 2007 года). Вместе с тем обязанность суда собирать доказательства по своей инициативе исключена из него, что соответствует принципу состязательности гражданского процесса. Это объясняется тем, что суд не может заниматься деятельностью, которая выходит за рамки осуществления правосудия по гражданским делам. Собирая доказательства вместо лиц, участвующих в деле, суд не сможет сохранить свое беспристрастие.

Таким образом, развитие правового положения лиц, участвующих в деле, по ГПК Таджикской ССР 1963 года и ГПК РТ 2007 года выражается в расширении, конкретизации и совершенствовании субъективных гражданских процессуальных прав и обязанностей, а также в усилении гарантий их реализации, что в целом способствовало развитию гражданско-процессуального института лиц, участвующих в деле, в Таджикистане.

2.2. Лица, участвующие в гражданском деле с целью защиты своего права и законного интереса

2.2.1. Стороны в гражданском процессе

Среди лиц, участвующих в деле, особое место занимают стороны. В перечне лиц, участвующих в деле, предусмотренном ст. 96 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ст. 36 ГПК РТ 2007 года они упомянуты первыми. Другие нормы гражданского процессуального закона также широко использовали и используют данное понятие (например, ст. ст. 16, 18, 30, 33, 36, 42, 100, 101 и т. д. ГПК Таджикской ССР 1963 года и ст. ст. 25, 34, 36, 38, 40 и т.д. ГПК РТ 2007 года).

ГПК Таджикской ССР 1963 года не содержал определения понятия сторон. Данная ситуация могла отрицательно сказаться на правоприменительной деятельности при определении правового положения заинтересованных лиц, могущих занять в гражданском процессе правовое положение сторон.

В связи с отсутствием легального определения понятия сторон специалистами в области юридической науки делались попытки выделения признаков и формулирования данного понятия в гражданском процессе. Новый ГПК РТ, учитывая достижения юридической науки, предусматривает определение понятия сторон (ст. 40 ГПК РТ), что является одним из показателей его развития.

Среди признаков сторон наиболее часто обращали и обращают внимание на следующее: стороны – это предполагаемые или действительные субъекты спорного материального правоотношения [131, с. 126; 77, с. 116; 115, с. 132].

Этот признак сторон был подвергнут резкой критике А.Ф. Козловым. Так, упомянутый автор писал, что «никаких данных о связи сторон с материальными правоотношениями действующее процессуальное законодательство не содержит» [259, с. 35].

Справедливости ради отметим, что именно на основании предыдущего и действующего гражданского процессуального законодательства можно сделать вывод о связи сторон с материальными правоотношениями. Так, в п. 1 ч. 1 ст. 16 ГПК Таджикской ССР 1963 года было сказано, что судам подведомственны дела, возникающие из гражданских, семейных, трудовых и т. п. правоотношений, если хотя бы одной из сторон в споре является гражданин. Идентичное положение предусмотрено абзацем первым ч. 1 ст. 24 ГПК РТ 2007 года. Схожее предписание предусмотрено в абзаце первом ч. 1 ст. 22 ГПК РФ. Таким образом, суды рассматривают споры, возникающие из материальных правоотношений, а предполагаемые или действительные субъекты данных спорных материальных правоотношений в гражданском процессе занимают положение сторон. Кроме этого при применении института процессуального правопреемства именно в увязке с субъектами спорного или установленного судебным решением правоотношения производилась и производится замена правопреемника на правопреемника (ч.1 ст.107 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ч.1 ст. 46 ГПК РТ 2007 года).

Правосудие по гражданским делам направлено на защиту нарушенных или оспоренных субъективных прав или законных интересов. Поскольку правосудие

по гражданским делам направлено на рассмотрение и разрешение споров, возникающих из материальных правоотношений, то понятие сторон в гражданском процессе тесно взаимосвязано с понятием сторон материального правоотношения. Однако тесная связь данных понятий, вопреки мнению некоторых ученых, ни в коем случае не является признанием их тождественности. Например, с точки зрения С.В. Никитина, сторонами в гражданском процессе являются субъекты спорного материального правоотношения [111, с. 100].

В связи с такого рода отождествлением понятий сторон в гражданском процессе и материальном правоотношении С.В. Курылев отмечал, что «понятие сторон в гражданском процессе в одном случае шире понятия сторон в гражданском правоотношении, а в другом уже» [118, с. 10]. В первом случае в качестве сторон в гражданском процессе признаются стороны, которые лишь предполагаются субъектами материального правоотношения. Однако данное предположение может быть подтверждено или опровергнуто только в результате судебного рассмотрения дела. Во втором же случае речь идет о сторонах таких гражданских правоотношений, споры из которых не подведомственны судам [118, с. 10].

Действительно, стороны в гражданском процессе имеют тесную связь со сторонами в материальном правоотношении. Лицо, считающее свое право нарушенным или оспоренным, при наличии предусмотренных законом обстоятельств, вправе обратиться в суд за защитой нарушенного или оспоренного субъективного права. Отсюда предполагаемое материальное правоотношение до поры и до времени является неопределенным, спорным. Дело в том, что в момент принятия искового заявления судья исходит из предположения о принадлежности спорного субъективного права истцу и спорной субъективной обязанности ответчику. Данный вывод судьи основывается на сведениях, изложенных в исковом заявлении (ст. 133 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ст.134 ГПК РТ 2007 года). Кроме этого, в момент принятия искового заявления суд проверяет только предпосылки и условия права на предъявление иска (ст. ст. 136-137 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ст. ст. 137-139 ГПК РТ 2007 года). Впоследствии,

после исследования доказательств и установления юридических фактов основания иска и возражения против иска в судебном заседании, суд может сделать вывод о том, что стороны являются действительными субъектами спорного материального правоотношения, т. е. суд устраняет предположение о принадлежности спорного субъективного права истцу и спорной обязанности ответчику, что отражается в судебном решении. Упомянутые моменты учтены в рассматриваемом признаке сторон. Итак, стороны – это предполагаемые или действительные субъекты спорного материального правоотношения.

Последующие три признака сторон в гражданском процессе были выделены Г.Л. Осокиной, и они будут служить основанием для дальнейшего анализа. Так, по мнению указанного автора, вторым признаком сторон признается наличие у них «противоположного юридического интереса» [149, с. 166].

Согласно ст. 4 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ст. 4 ГПК РТ 2007 года всякое заинтересованное лицо вправе, в порядке, установленном законом, обратиться в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права, или охраняемого законом интереса.

В указанных статьях не говорилось и не говорится о противоположной стороне – ответчике. Однако в данном случае ответчик предполагается и является также субъектом, заинтересованным в исходе дела.

Как нами было отмечено, суд призван в целях защиты прав и законных интересов субъектов спорного материального правоотношения рассмотреть и разрешить спор о праве. Общеизвестно, что любой спор, тем более спор между равноправными субъектами гражданского (в широком смысле) правоотношения, предполагает существование субъектов сторон, спорящих между собой. Стороны гражданского дела имеют противоположный юридический интерес, разногласия по правовым вопросам, на которых зиждется их активное участие в состязательном гражданском судопроизводстве. Каждая из сторон спора стремится своими объяснениями, доводами, представленными доказательствами обосновать свои требования или возражения против требований другой стороны. Однако не все ученые разделяют мнение о том, что между сторонами процесса

наличествует противоположный юридический интерес. Так, М.С. Шакарян пишет: «Наряду с тем, что судам приходится рассматривать дела, в которых стороны спорят, во многих случаях спор прекращается ввиду отказа истца от иска, либо в связи с заключением мирового соглашения, наконец, немало таких случаев, когда ответчик признает иск. Едва ли во всех этих случаях можно говорить о противоположности интересов истца и ответчика и рассматривать ее как обязательное условие существования процесса по каждому конкретному делу» [214, с. 122].

Стороны – это те участники гражданского дела, которые юридически заинтересованы в его исходе [71, с. 8]. Именно создание для заинтересованной стороны выгодного процессуального результата судебным решением, по мнению М.А. Гурвича, необходимо признать в качестве юридического интереса [85, с. 77]. С этим сопряжен вывод автора о том, что «при отсутствии юридического интереса в процессе последний недопустим» [85, с. 78]. Ведь каждая сторона гражданского дела, имея самостоятельный юридический интерес стремится к вынесению судом решения определенного, благоприятного для нее (стороны) содержания. А случаи, указанные вышеназванным автором в обоснование своих суждений (отказ от иска, заключение мирового соглашения, признание иска), скорее являются отражением объективных процессов, характерных для гражданского судопроизводства. Краеугольным камнем построенного на началах равноправия, диспозитивности, состязательности гражданского процесса является распоряжение управомоченным лицом своими материальными правами и судебной формой их защиты. Реализация распорядительных правомочий сторон происходит в форме отказа истцом от иска, признания иска ответчиком, заключения между ними мирового соглашения и т. д.

В связи с изложенным нужно отметить, что правовая действительность такова, что иногда суду приходится рассматривать бесспорные дела, у сторон которых отсутствуют противоположенные интересы.

Так, согласно ст. 23 СК РТ (ст. 23 СК РФ) если у супругов имеются несовершеннолетние дети, то независимо от их взаимного согласия на

расторжение брака данное дело рассматривается в суде. Таким образом, получается, что между супругами нет спора о расторжении брака, но, несмотря на данное обстоятельство, это дело рассматривается в судебном порядке. Однако указанное предписание не соответствовало ст. 16 ГПК Таджикской ССР 1963 года, в которой четко было сформулировано, что суды рассматривают споры, возникающие из семейных правоотношений. Положение не изменилось и после принятия нового ГПК РТ. Отсюда вышеуказанное дело необходимо передать на рассмотрение ЗАГС, если есть взаимное согласие супругов на расторжение брака. А все остальные спорные вопросы: о несовершеннолетних детях, взыскании алиментов и т. п. должны быть решены в суде исходя из принципа диспозитивности, т. е. после подачи соответствующего иска.

По справедливому замечанию Г.Л. Осокиной: «Третий признак сторон характеризовался и характеризуется тем, что стороны как обладатели спорных прав и обязанностей, носители противоположного юридического интереса всегда участвуют в деле от собственного имени» [149, с. 166].

М.С. Шакарян подвергла критике данное положение. По мнению данного автора, стороны не могут быть определены как лица, от имени которых ведется процесс. Ибо процесс – это деятельность суда, осуществляемая от имени государства, а не от имени сторон, соответственно решение суда выносится именем государства [214, с. 132]. Следует отметить, что участие в деле от собственного имени свидетельствует об отличии сторон от судебных представителей, которые ведут дело не от своего имени. Данное обстоятельство ни коим образом не является оспариванием того, что судебная деятельность является разновидностью государственной деятельности, а судебное решение выносится от имени государства.

Четвертый признак сторон заключался и заключается в том, что «только на них распространяются материально-правовые последствия судебного решения по делу. Только стороны могут быть обязаны или управомочены судебным решением не совершение конкретных действий по передаче и соответственно

получению материальных благ, а также иных действий материально-правового характера» [149, с. 167].

Пятый признак сторон характеризовался и характеризуется тем, что на стороны распространяется законная сила судебного решения. Указанный признак сторон имеет важное практическое значение. В соответствии с ч. 3 ст. 214 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ч. 2 ст. 213 ГПК РТ 2007 года после вступления решения в законную силу стороны и другие лица, участвующие в деле, а также их правопреемники не могут вновь заявлять в суде те же иски, требования, на том же основании, а также оспаривать в другом процессе установленные судом факты и правоотношения.

Итак, на основании вышеизложенных признаков сторон можно дать следующее определение понятия сторон в гражданском процессе. Стороны в гражданском процессе – это предполагаемые или действительные субъекты спорного материального правоотношения, обладающие противоположным юридическим интересом в исходе дела, выступающие в суде от своего имени для защиты своих прав и законных интересов, на которых распространяется материальная сила судебного решения.

Согласно ст. 100 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ст. 40 ГПК РТ 2007 года сторонами в гражданском процессе могли и могут быть истец и ответчик. Следует отметить, что предыдущее и действующее гражданское процессуальное законодательство не содержало и не содержит определения понятий «истец» и «ответчик». В связи с отсутствием легального определения понятий истца и ответчика в юридической литературе делались и делаются попытки дать доктринальное определение названных понятий. Сначала рассмотрим наиболее распространенные определения понятия истца в юридической литературе с точки зрения их соответствия требованиям единства и универсальности и отражения правовой действительности. Так, по мнению А.А. Мельникова: «Сторона спорного материального правоотношения, считающая, что ее право или охраняемый законом интерес нарушены или оспорены и обращающаяся в суд за

их защитой, в гражданском процессе будет истцом» [131, с. 83]. Почти идентичное определение понятия истца дает С.В. Никитин [111, с. 100].

Несколько иное определение понятия истца предлагает Д. Б. Абушенко, по мнению которого, истец – лицо, обращающееся за защитой своего материального права, а также лицо, материальные права которого защищаются по суду в других случаях, предусмотренных законом [112, с. 86].

Нетрудно заметить, что в изложенных определениях понятия истца обращается внимание на следующих два признака. Во-первых, истец – это предполагаемый или действительный субъект спорного материального правоотношения и, во-вторых, лицо, которое обращается за защитой своего нарушенного или оспоренного субъективного права или охраняемого законом интереса.

По мнению Д.М. Чечота, «лицо, которое возбуждает процесс и обращается к суду с просьбой о защите своего права или юридического интереса, называется истцом» [76, с. 65]. На наш взгляд, в данном определении допущена неточность. Действительно, истец «ищет» защиты в суде, так как считает, что его право кем-либо нарушено или оспаривается. Однако в силу гражданского процессуального закона он не вправе своими односторонними процессуальными действиями возбудить процесс по конкретному делу (ст.136 ГПК Таджикской ССР 1963 года, ст.136 ГПК РТ 2007 года).

Таким образом, во всех вышеприведенных определениях не учитывается возможность участия в гражданском процессе истца, подавшего иск в защиту прав и интересов других лиц.

Своеобразно определяет понятия истца М.А. Вукот. Она считает, что «истец – это тот, кто обращается в суд за защитой своего права или охраняемого законом интереса, либо тот, в чьих интересах предъявлен иск прокурором, государственным органом, органом местного самоуправления, организацией, должностным лицом, гражданином, если последнему законом предоставлено полномочие на защиту от своего имени прав и законных интересов других лиц»

[71, с. 16]. Более лаконично эта же мысль была высказана Д.Б. Абушенко [112, с. 86] и Н.М. Коршуновым [115, с. 132].

В последнем определении понятия истца делается акцент только на один признак истца, т. е. истец – лицо, обращающееся в суд за защитой своего права или интереса, либо лицо, в интересах которого обратились в суд другие лица.

Подытоживая анализ изложенных определений понятия истца, можно сделать следующий вывод: во всех вышеприведенных определениях понятия истца проводится ключевая мысль о том, что истец – это лицо, обратившееся в суд за защитой своего права или интереса. Что касается такого признака истца, как его связь с материальным правоотношением, на который указывают авторы, то он закономерно вытекает из определения понятия сторон в материальном смысле.

Основываясь на критике, высказанной Г.Л. Осокиной относительно определения иска «как обращения заинтересованного лица к юрисдикционному органу за защитой» [151, с. 465-466], следует отметить, что вышеуказанное определение истца распространяется на его участие только в стадии возбуждения гражданского дела. Однако нет необходимости в доказывании того, что истец является субъектом не только стадии возбуждения гражданского дела, но и всех остальных стадий гражданского судопроизводства. Вместе с тем определение истца как субъекта, обращающегося в суд за защитой, совпадает с определением его как субъекта, совершающего юридический факт, т. е. лица, совершающего процессуальное действие, заключающееся в предъявлении иска.

Истец вправе не только обратиться в суд с исковым заявлением, но и поддержать и распоряжаться иском, а также совершать иные процессуальные действия, на совершение которых имеет соответствующие субъективные процессуальные права (ст. ст. 97, 101 и т. д. ГПК Таджикской ССР 1963 года, ст. ст. 37, 43 ГПК РТ 2007 года). Именно по вышеизложенным соображениям считаем неудачным определение понятия истца, которое было закреплено в ст. 34 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Таджикистан [37] (ст. 34 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации 1995 года [38]), а

в настоящее время предусмотрено ст. 43 Экономического процессуального кодекса Республики Таджикистан [44] (ст. 44 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [42]). Согласно упомянутым нормам истцом являются организации и граждане, предъявившие иск в своих интересах, или в интересах которых предъявлен иск, т. е. получается, что истец – это лицо, которое совершило юридический факт, заключающийся в предъявлении иска. Аналогичное определение дается в ч. 1 ст. 34 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения [49].

Кроме этого, следует иметь в виду, что истец, как сторона, является элементом иска [145, с. 97; 147, с. 37-40]. Поэтому, на наш взгляд, определение понятия истца должно основываться на определении понятия иска. «Иск, как институт гражданского процессуального права, представляет собой требование заинтересованного лица, вытекающее из спорного материального правоотношения, о защите своего или чужого права, или законного интереса, подлежащее рассмотрению и разрешению в установленном законом порядке», что убедительно доказано Г.Л. Осокиной [145, с. 97; 147, с. 37-40]. Основываясь на данном определении понятия иска, можно дать следующее определение понятия истца. Итак, истец – это лицо, требование которого о защите своего или чужого права и охраняемого законом интереса рассматривает и разрешает суд.

Именно такое определение понятия истца в гражданском процессе отвечает требованию единства и универсальности и отражает правовую действительность, так как учитывает две категории истцов, которые защищают в суде свои или чужие права и законные интересы.

Из вышеизложенного определения понятия истца в гражданском процессе можно выделить определение двух категорий истцов: 1) истец в материальном смысле – это лицо, требование которого о защите своего права или охраняемого законом интереса рассматривает и разрешает суд; 2) истец в процессуальном смысле – это лицо, требование которого о защите чужого права или интереса рассматривает и разрешает суд.

Другая сторона гражданского дела именуется ответчиком. Предыдущее и действующее гражданское процессуальное законодательство также не содержит (не содержало) легального определения понятия ответчика. Что касается теории гражданского процессуального права, то наиболее часто ответчик определялся и определяется как «лицо, которое по заявлению истца является нарушителем его прав и интересов либо неосновательно оспаривает его права, и которое вследствие этого привлекается к ответу по иску и против которого поэтому возбуждается дело» [76, с. 65; 77, с. 117].

В данном определении делается акцент на мнение истца, указывающего на предполагаемого обязательно участника спорного материального правоотношения. Действительно, истец должен указать в исковом заявлении на ответчика, что вытекало (вытекает) из требований ст. 133 ГПК Таджикской ССР 1963 года (ст. 134 ГПК РТ 2007 года), которая предусматривала (предусматривает) обязанность истца указать в исковом заявлении наименование ответчика, его место жительства, а в случаях, когда ответчиком является юридическое лицо, то его место нахождения. Если истец не может указать на конкретного нарушителя своего права, то он не может обратиться в суд, а суд в свою очередь не может возбудить гражданское дело. Таким образом, с учетом вышеизложенного можно дать следующее лаконичное определение понятия ответчика. Ответчик в гражданском процессе – это лицо, привлекаемое судом в гражданский процесс для ответа по требованию, заявленному истцом на основании мнения последнего.

В связи с изложенным, на наш взгляд, не соответствуют закону разъяснения Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан о том, что лицо, требование которого о защите своего права или интереса должно быть рассмотрено в суде, признается ответчиком, а лицо, которое должно быть привлечено к ответу по требованию истца, признается истцом. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 10 ноября 2004 года «О применении судами Республики Таджикистан законодательства, регулирующего заключение, изменение и прекращение трудового договора» предусмотрено, что «независимо

от того, кем возбуждено в суде дело, по заявлению работника или работодателя, несогласных с решением комиссии по трудовым спорам либо постановлением профсоюзного комитета, суд разрешает этот трудовой спор в порядке искового производства, в котором истцом является работник, а ответчиком – предприятие, учреждение, организация, оспаривающие его требование» [361, с. 23-27]. Защита нарушенного или оспоренного субъективного права осуществляется разными юрисдикционными органами, действия которых облакаются в конкретные процессуальные формы. В этой ситуации соприкосновение неоднородных процессуальных форм, т. е. процессуальной деятельности по разрешению споров о праве, неизбежно (например, согласительные комиссии по индивидуальным трудовым спорам (ч. 1 ст. 199, ст. 202 ТК РТ) и суд (ч. 1 ст. 199 ТК РТ, ст. 4 ГПК РТ) призваны рассматривать споры, возникающие из трудовых правоотношений и защищать нарушенные или оспариваемые субъективные трудовые права). Соприкосновение обособленных видов процесса не означает того, что процесс в суде – это продолжение процесса в согласительной комиссии по индивидуальным трудовым спорам. Поэтому, исходя из принципа равноправия субъектов перед законом и судом, получившего закрепление в ст. 17 Конституции РТ, любое лицо, в частности «организация как субъект спорного материального правоотношения вправе требовать защиты своих субъективных прав и законных интересов» [145, с. 50]. Соответственно, указанное лицо, обратившись в суд за защитой своего нарушенного или оспоренного субъективного права, займет процессуальное положение истца, а положение ответчика стороны займет то лицо, которое предположительно нарушает или оспаривает субъективное право или охраняемый законом интерес. Данные общепризнанные положения даже при рассмотрении трудового дела комиссией по индивидуальным трудовым спорам, с решением которой предприятие, учреждение или организация не согласны, не могут быть подвергнуты сомнению, так как они на все субъекты гражданского процессуального права распространяются одинаково.

Согласно ч. 1 ст. 100 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ст. 38 ГПК РТ 2007 года истцом или ответчиком в гражданском процессе могут быть организации,

пользующиеся правами юридического лица. Действительно, как правило, в гражданском процессе сторонами могут быть организации, пользующиеся правами юридического лица. Более того, возможность быть истцом и ответчиком в суде, согласно закону, признается признаком, характеризующим юридических лиц (ст. 48 ГК РТ).

Однако по действующему законодательству в качестве ответчиков в гражданское дело могут быть привлечены организации, не являющиеся юридическими лицами (абзац первый ч. 4 ст. 21 ТК РТ, ч. 3 ст. 56 ГК РТ).

В связи с этим необходимо дополнить ст. 40 ГПК РТ частью четвертой следующего содержания: «4. В случаях, предусмотренных законом, стороной может быть организация, не являющаяся юридическим лицом».

Замена ненадлежащей стороны. В определении понятия сторон в материально-правовом смысле нами отмечалось, что они являются предполагаемыми или действительными субъектами спорного материального правоотношения. Отсюда в гражданском процессе можно столкнуться с такой ситуацией, когда иск предъявлен не тем лицом, которому принадлежит право требования, или не к тому лицу, которое должно отвечать по иску, т. е. ненадлежащим истцом или к ненадлежащему ответчику. В связи с этим возникает необходимость в делении сторон в материально-правовом смысле на надлежащие и ненадлежащие стороны.

Поэтому при обнаружении в гражданском процессе ненадлежащей стороны возникала и возникает необходимость в ее замене. Как правильно отмечалось в юридической литературе, целями быстрого и правильного разрешения гражданско-правовых споров, обеспечения законности и обоснованности решений служит институт замены ненадлежащей стороны стороной надлежащей, являющийся истинно демократическим [236, с. 73]. По ГПК Таджикской ССР 1963 года была возможна замена, как ненадлежащего истца, так и ненадлежащего ответчика (ст.103).

Вначале рассмотрим порядок замены ненадлежащего истца по ГПК Таджикской ССР 1963 года. При применении судом норм, предусмотренных в ч. 1

и 2 ст. 103 ГПК 1963 года были возможны четыре правовых ситуации, связанные с заменой ненадлежащего истца.

В соответствии со ст. 103 ГПК Таджикской ССР 1963 года, условием замены ненадлежащего истца надлежащим являлось согласие как ненадлежащего, так и надлежащего истцов.

Необходимость получения согласия ненадлежащего истца на его замену объяснялся тем, что ненадлежащий истец имеет право на судебную защиту, т. е. на судебное решение, содержащее ответ на его требование о защите субъективного права. А всякое право, как дозволение, всегда есть мера возможного поведения. Отсюда управомоченному лицу дозволяется выбор вариантов поведения, т. е. право выбора им действий, соответствующих его субъективным правам. Распоряжение правом выбора вариантов дозволенного поведения в гражданском процессе – не что иное, как проявление принципа диспозитивности. Таким образом, принцип диспозитивности означает, прежде всего, возможность распоряжения субъективным материальным правом и судебной формой его защиты [90, с. 87-88; 152, с. 11-17].

При решении вопроса о замене ненадлежащего истца под сомнение ставился его право на судебную защиту, т. е. право требования, на которое суд должен был ответить независимо от юридических фактов, свидетельствующих об отсутствии у ненадлежащего истца субъективного материального права. Поэтому суд должен был получить согласие ненадлежащего истца на его замену надлежащим истцом. В связи с этим соответствовало принципу диспозитивности предписание, предусмотренное ч. 1 ст. 103 ГПК Таджикской ССР 1963 года, в котором прямо говорилось, что суд может произвести замену ненадлежащего истца только с его согласия.

Как было указано выше, другим условием замены ненадлежащего истца надлежащим, являлось согласие ненадлежащего истца на вступление в процесс. В силу ст. 2 ГПК Таджикской ССР 1963 года для реализации задач гражданского судопроизводства, т. е. правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданского дела, укрепления законности, предупреждения

правонарушений, суд должен был извещать заинтересованных в исходе дела лиц, в данном случае надлежащего истца, о деле, находящемся у него в производстве (п. 1 ч. 2 ст. 148 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Надлежащий истец, извещенный о деле, как всякий истец, также мог реализовать свое право на судебную защиту, исходя из принципа диспозитивности.

В связи с изложенным следует отметить, что могла возникнуть ситуация, когда по материалам дела можно было сделать вывод о принадлежности спорного субъективного права или охраняемого законом интереса надлежащему истцу, который является недееспособным гражданином. Недееспособный по состоянию здоровья или по возрасту, гражданин не может лично обращаться в суд за защитой права, а также поручать ведение своего дела другому лицу. Его интересы в суде защищает законный представитель. Из содержания ч. 2 ст. 103 ГПК Таджикской ССР 1963 года следовало, что адресатом извещения о вступлении в дело в качестве третьего лица, предъявляющего самостоятельные требования на предмет спора, являлся истец в материально-правовом смысле.

Итак, условиями замены ненадлежащего истца надлежащим истцом было согласие как ненадлежащего, так и надлежащего истцов. При отсутствии одного из этих условий могли возникнуть следующие правовые ситуации:

1) ненадлежащий истец согласен на выбытие из процесса и надлежащий истец согласен на вступление в процесс. Суд производил замену ненадлежащего истца надлежащим истцом. Выносил ли суд в этом случае судебное определение о замене надлежащего истца надлежащим? В законе об этом прямо не говорилось. В юридической науке на данный вопрос давали утвердительный ответ [219, с. 75].

Кроме того, в данном случае возникал вопрос: после вынесения судебного определения о замене ненадлежащего истца надлежащим сохранялось ли за ненадлежащим истцом право на вторичное обращение в суд, о том же предмете и по тем же основаниям к ответчику? Ведь ответчик также имеет право на судебную защиту и ему может быть не безразлична судьба иска ненадлежащего истца против него. Более того, ответчик мог быть заинтересован в получении судебного решения об отказе в удовлетворении иска именно ненадлежащего

истца. Однако мнение ответчика по поводу замены ненадлежащего истца надлежащим не спрашивалось (ст. 103 Таджикской ССР 1963 года). Вместе с тем, согласно закону, только в связи с вынесением определения о прекращении производства по делу истец (ненадлежащий или надлежащий) терял право на вторичное обращение в суд по спору между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям (ст. 220 ГПК Таджикской ССР 1963 года). А определение суда о замене ненадлежащего ответчика надлежащим не прекращало производство по делу, о чём прямо было сказано в ч. 1 ст. 103 ГПК Таджикской ССР 1963 года;

2) ненадлежащий истец не согласен на замену, а надлежащий истец не согласен на вступление в дело. Суд, рассмотрев дело с ненадлежащим истцом, судебным решением отказывал в удовлетворении иска;

3) ненадлежащий истец не согласен на выбытие из процесса, а надлежащий истец согласен на вступление в процесс. В этом случае согласно ч. 3 ст. 103 ГПК Таджикской ССР 1963 года надлежащий истец выступал в процесс в качестве третьего лица, предъявляющего самостоятельное требование на предмет спора;

4) ненадлежащий истец согласен на выбытие из процесса, а надлежащий истец не согласен на вступление в процесс. Данный случай, по мнению некоторых специалистов, приравнивался к отказу от иска. Так, В.Н. Щеглов считал, что «при согласии предъявившего иск лица на замену и вместе с тем при несогласии ненадлежащего истца на вступление в дело замена не происходит: в процессе не остается истца и дело подлежит прекращению производством. Согласие истца на выбытие из процесса приравнивается к отказу истца от иска, который может быть принят судом» [219, с. 76].

Однако, по нашему мнению, в ст. 103 ГПК Таджикской ССР 1963 года конкретно не говорилось о приравнивании согласия ненадлежащего истца на выбытие из процесса с отказом данного лица от иска и прекращением производства по делу в связи с этим.

Заканчивая рассмотрение вопроса о замене ненадлежащего истца, следует отметить, что в новом ГПК РТ этот институт не предусматривается. Между

прочим, этого института нет и в новом ГПК РФ. В оценке данной позиции законодателя РФ мнения специалистов разошлись. Одни авторы считают, что такая позиция законодателя РФ правильна, так как существование института замены ненадлежащей стороны в ГПК РСФСР 1964 противоречило принципу диспозитивности [113, с. 44]. Другие наоборот считают, что институт замены ненадлежащего истца, существовавший в ГПК РСФСР 1964 года, соответствовал принципу диспозитивности, и убедительно доказывают сомнительность его исключения из нового ГПК РФ [78, с. 83; 149, 177-178].

Мы солидарны с мнением М.С. Шакарян и Г.Л. Осокиной. На наш взгляд, институт замены ненадлежащего истца вполне соответствует принципу диспозитивности, так как применяется исключительно с согласия ненадлежащего истца и гармонизирует с активностью суда в гражданском процессе, о чем мы говорили ранее. Более того, этот институт способствует правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела, т. е. защите нарушенного или оспариваемого субъективного права и охраняемого законом интереса. Поэтому его реанимация будет способствовать достижению целевых установок гражданского процесса.

Следует также отметить, что в новых ГПК некоторых стран СНГ институт замены ненадлежащего истца сохранен (например, в Гражданском процессуальном кодексе Азербайджанской Республики (ст. 54) и Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (ст. 63)) [48; 50].

Согласно ст. 103 ГПК Таджикской ССР 1963 года в случае предъявления иска не к тому лицу, которое должно отвечать по иску, т. е. к ненадлежащему ответчику, также была возможна замена последнего. Такой порядок сохранился и в новом ГПК РТ (ст. 42), что является показателем преемственности в гражданском процессуальном законе. Условием замены ненадлежащего ответчика являлось и является согласие истца (ч.1 ст. 103 ГПК Таджикской ССР 1963 года, ч. 1 ст. 42 ГПК РТ 2007 года).

В соответствии с ч. 1 ст. 103 ГПК Таджикской ССР 1963 года, при согласии истца на замену ненадлежащего ответчика суд производил такую замену. Если

истец не давал своего согласия на замену ненадлежащего ответчика, то суд был вправе по своей инициативе привлечь ненадлежащего ответчика в качестве второго ответчика.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в гражданском процессе должны гармонизироваться принципы диспозитивности и активности суда. Из этого следует, что суд должен совершить процессуальные действия по просьбе заинтересованной стороны (принцип диспозитивности) или с его согласием, если инициатива в совершении процессуального действия исходит от суда (принцип активности суда). Отсюда замена ненадлежащего ответчика должна производиться по ходатайству или с согласия истца. Это объясняется тем, что истец в исковом заявлении должен указать на ответчика (ст. 133 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ст. 134 ГПК РТ 2007 года). Впоследствии по материалам дела может быть исключено предположение о принадлежности спорной обязанности ответчику, указанному истцом, т. е. обнаруживается его нелегитимность. При возникновении такой ситуации судья разъясняет истцу, что он допустил ошибку в определении ответчика и спрашивает его согласия на замену ненадлежащего ответчика. Однако истец – дееспособное лицо, понимающее смысл своих действий и их правовые последствия, может не согласиться на замену ненадлежащего ответчика. Он намерен продолжить спор о праве именно с ним, т. е. с ненадлежащим ответчиком. Как должен поступить суд в данном случае? На наш взгляд, логичным будет рассмотрение судом иска к ненадлежащему ответчику и его разрешение путем вынесения судебного решения об отказе в удовлетворении данного иска. Это решение будет подтверждением вывода суда о том, что иск предъявлен к ненадлежащему ответчику. Отсюда необходимо было внести соответствующие изменения в гражданский процессуальный закон, что и было сделано принятием нового ГПК РТ. Так, в ч. 2 ст. 42 ГПК РТ сказано, что «если истец не согласен на замену ненадлежащего ответчика другим лицом, суд рассматривает дело по предъявленному иску» [43].

Между тем в связи с заменой ненадлежащей стороны в гражданском процессе возникал и возникает вопрос о моменте допуска такой замены. При

буквальном толковании ч. 1 ст. 103 ГПК Таджикской ССР 1963 года можно было сделать вывод о том, что замена ненадлежащей стороны допускалась во время разбирательства дела по существу. А это означало, что замена ненадлежащей стороны возможна в судебном заседании, в котором осуществляется разбирательство гражданского дела (ч. 1 ст. 151 ГПК Таджикской ССР 1963 года).

Другим вопросом, связанным с заменой ненадлежащей стороны, являлся и является следующий: какие правовые последствия замена ненадлежащей стороны могли или могут оказать влияние на дальнейший ход судопроизводства по данному делу? Из текста ч. 4 ст. 103 ГПК Таджикской ССР 1963 года следовало, что после замены ненадлежащей стороны или привлечения второго ответчика рассмотрение дела начинается сначала.

Рассмотрение дела, о котором говорилось в ч. 4 ст. 103 ГПК Таджикской ССР 1963 года, было элементом судебного разбирательства, которое, прежде всего, заключалось в исследовании материалов дела, позиций сторон, действительных обстоятельств дела и предъявленных доказательств [71, с. 273]. Таким образом, исходя из буквального толкования ч. 4 ст. 103 ГПК Таджикской ССР 1963 года после замены ненадлежащей стороны процесс возобновлялся со стадии судебного разбирательства гражданского дела. Хотя специалисты, комментировавшие в свое время ч. 4 ст. 36 ГПК РСФСР 1964 года, содержащую аналогичное предписание, считали, что после замены ненадлежащей стороны судья должен подготовить дело к судебному разбирательству и рассматривать его по первой инстанции [110, с. 117].

Однако надлежащая сторона заменяет ненадлежащую сторону, которая не является предполагаемым или действительным субъектом спорного материального правоотношения. По мнению М.С. Шакарян, «действия, совершенные в процессе ненадлежащей стороной, независимо от того, выбыла она из процесса или нет, не имеют значения для надлежащей стороны, и никаких прав и обязанностей для нее не порождают» [110, с. 117]. В связи с этим после вступления в дело надлежащей стороны также необходимо было произвести все подготовительные действия, указанные в ч. 2 ст. 148 ГПК Таджикской ССР 1963

года. Иное решение вопроса, т. е. возобновление процесса со стадии судебного разбирательства (ч. 4 ст. 103 ГПК Таджикской ССР 1963 года) неминуемо могло привести к отложению разбирательства дела, и тем самым – к затягиванию процесса, что не способствовало своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела.

В связи с изложенным следует отметить, что и надлежащий истец, вступивший в качестве третьего лица, предъявляющего самостоятельные требования на предмет спора, мог потребовать истребования письменных и вещественных доказательств, вызова дополнительного свидетеля и т. п., что также могло привести к отложению разбирательства гражданского дела. Ведь и для него не имели правового значения действия, совершенные ненадлежащим истцом в процессе до его вступления.

Отсюда необходимо было в ч. 4 ст. 103 ГПК Таджикской ССР 1963 года указать, что после замены ненадлежащей стороны и вступления в процесс надлежащего истца в качестве третьего лица с самостоятельными требованиями к предмету иска, подготовка дела к судебному разбирательству начинается сначала.

Вышеупомянутые обстоятельства частично были учтены в новом гражданском процессуальном законе. Для убедительности приведем соответствующее предписание нового ГПК РТ. Так, второе предложение ч. 1 ст. 42 нового ГПК РТ гласит: «После замены ненадлежащего ответчика, подготовка и рассмотрение дела производится с самого начала, если об этом ходатайствует надлежащий ответчик» [43]. Анализ этого предписания показывает, что последовательного прогрессивного развития норм, регулирующих порядок замены ненадлежащего ответчика, не произошло, так как законодателем возможность возобновления подготовки и рассмотрения дела после замены ненадлежащего ответчика ставится в зависимость от усмотрения надлежащего ответчика. В таком законодательном решении не учитывается то, что после замены ненадлежащего ответчика возникает новое гражданское процессуальное правоотношение [78, с. 83] и процессуальные действия, совершенные до момента замены, не имеют юридического значения для субъектов гражданского процесса,

т. е. превращаются в «юридический нуль». Более того, актуальной для возникшего нового гражданского процессуального отношения (нового гражданского процесса) остаётся необходимость раскрытия сторонами доказательств, обмена ими состязательными бумагами, надлежащего совершения лицами, участвующими в деле, других процессуальных действий, предусмотренных ст. ст. 150-153 ГПК РТ 2007 года, а также проведения предварительного судебного заседания при наличии предусмотренных законом обстоятельств (ст. 155 ГПК РТ 2007 года). Следовательно, обусловленность возобновления подготовки и рассмотрения дела после замены ненадлежащего ответчика от усмотрения надлежащего ответчика, будет препятствовать осуществлению вышеупомянутой деятельности. Такая ситуация неминуемо приведет к отложению разбирательства дела и будет способствовать затягиванию процесса, что не отвечает задачам гражданского судопроизводства (ст. 3 нового ГПК РТ). Кроме того, выявление мнения только надлежащего ответчика о необходимости производства, подготовки и рассмотрения дела с самого начала, которое должно быть осуществлено судом после замены ненадлежащего ответчика (ч. 1 ст. 42 ГПК РТ 2007 года), противоречит принципам состязательности и равноправия сторон. Это объясняется тем, что вопрос о возобновлении процесса решается без заслушивания и учета мнения истца, а также других лиц, участвующих в деле. В связи с изложенным, предлагаем из второго предложения ч. 1 ст. 42 ГПК РТ исключить слова: «если об этом ходатайствует надлежащий ответчик».

Кроме этого, вызывает вопросы другое предписание нового ГПК РТ. Так, в ч. 1 ст. 42 ГПК РТ 2007 года сказано, что замена ненадлежащего ответчика возможна, «если при этом не изменяется подсудность данного дела», чего не было в ГПК Таджикской ССР 1963 года. Как быть, если по буквальному смыслу закона замена ненадлежащего ответчика невозможна, так как это может привести к изменению подсудности данного гражданского дела? Оставить заявление без рассмотрения, или прекратить производства по гражданскому делу? На эти вопросы новый ГПК РТ не дает конкретных ответов.

На наш взгляд, последняя новелла нового гражданского процессуального закона неудачна и является регрессом в урегулировании порядка замены ненадлежащей стороны, так как приводит к невозможности использования положительных сторон данного института. В связи с этим предлагаем из ч. 1 ст. 42 нового ГПК РТ исключить слова «если при этом не изменяется подсудность данного дела».

Подытоживая рассмотрение института замены ненадлежащей стороны, следует отметить, что с принятием нового ГПК РТ в урегулировании порядка замены ненадлежащей стороны по сравнению с ГПК Таджикской ССР 1963 года произошел регресс. Во-первых, из закона необоснованно исключена возможность замены ненадлежащего истца; во-вторых, замена ненадлежащего ответчика возможна только в случае, когда при замене не изменяется подсудность данного дела суду, в производстве которого оно находится; в-третьих, возможность возобновления подготовки и рассмотрения дела после замены ненадлежащего ответчика ставится в зависимость от усмотрения надлежащего ответчика.

Соучастие в гражданском процессе. С проблемой правового статуса сторон тесно связана проблема участия в гражданском процессе соистцов и соответчиков.

При соучастии несколько истцов предъявляет иск к одному (активное соучастие) или нескольким ответчиком (смешанное соучастие), а также истец может предъявлять иск к нескольким ответчиком (пассивное соучастие). Однако ни соистцы и ни соответчики не теряют квалифицирующих признаков сторон. Поскольку соистцы являются истцами, а соответчики – ответчиками, то все процессуальные права и обязанности, признаки сторон (защита своего права и интереса, материально-правовая и процессуально-правовая заинтересованность, несение судебных расходов и т.п.) на них распространяются. Следовательно, правовое положение соистцов и соответчиков также регламентируется, прежде всего, нормами, регулирующими правовое положение сторон. Так, нормы гражданского процессуального законодательства, посвященные процессуальным

правам и обязанностям лиц, участвующих в деле (ст. 97 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ст. 37 ГПК РТ 2007 года), распространяются и на соучастников.

В то же время институт соучастие в гражданском процессе имеет свою специфику. Легальное использование таких терминов, как «соистцы», «соответчики», «соучастники» и посвящение им отдельных статей говорит о том, что это обособленный институт гражданского процессуального права. Следует заметить, что, несмотря на теоретическую и практическую значимость института соучастия, этому институту как в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года, так и в настоящее время посвящено небольшое количество работ.

Надо отметить, что, исследуя вопросы участия в гражданском деле соистцов и соответчиков, авторы объединяли их под единым термином «процессуальное соучастие» [131, с. 138-149]. Однако гражданское процессуальное законодательство регулирует именно гражданские процессуальные отношения и в рамках гражданского судопроизводства может быть только процессуальное соучастие и ничто иное. Следовательно, специальная оговорка «процессуальное» может дезориентировать практических работников, в том плане, что допускает возможность иного соучастия в гражданском деле. Здесь можно прибегнуть в качестве аналогии с термином «процессуальные истцы», который широко употребляется в теории гражданского процессуального права. Однако термин «процессуальные истцы», хотя и не имеет легального определения, необходим для разграничения двух категорий лиц, предъявляющих иски в защиту субъективного права и интереса: как истцов в материально-правовом смысле, т. е. предположительных субъектов спорного материального правоотношения, так и истцов в процессуальном смысле, т. е. лиц, предъявляющих от своего имени иск в защиту чужого права и интереса.

Законодательство также не содержит легального определения понятий «процессуальное соучастие», «процессуальные соистцы» и «процессуальные соответчики». Но, если использование термина «процессуальные истцы» можно оправдать тем, что он необходим для разграничения двух субъектов гражданского процессуального права, близких по признакам, но разных по существу, то в

случае процессуального соучастия нет аналогичной необходимости в разграничении процессуальных соучастников от каких-либо других субъектов гражданского процесса.

Если использовать оговорку «процессуальный» только для размежевания соучастников в гражданском процессе от соучастия в материальном правоотношении, то для разграничения форм участия прокурора, органов государственной власти в гражданском процессе от их участия в материальных правоотношениях (например, орган государственной власти принимает участие в административных правоотношениях), также необходимо использовать оговорку, т. е. «процессуальный прокурор», «процессуальный орган государственной власти», с чем, естественно, трудно согласиться.

В связи с вышеизложенным предлагаем отказаться от термина «процессуальное соучастие» как в теории гражданского процессуального права, так и в судопроизводстве, заменив его другим, а именно термином «соучастие в гражданском процессе».

В правоведении было и остаётся дискуссионным определение понятия соучастия в гражданском процессе. Многими авторами критиковалась позиция С.Н. Абрамова [55, с. 58] и К.С. Юдельсона [222, с. 69], которые определяли соучастие в гражданском процессе путём применения критерия множественности на истцовой или ответной стороне. В частности, А.А. Мельников, критикуя критерий вышеуказанных авторов, считал, что применение критерия множественности на истцовой или ответной стороне не даёт возможности разграничить соучастников от третьих лиц. По мнению А.А. Мельникова, множественность лиц на истцовой или ответной стороне бывает и в случаях участия третьих лиц на истцовой стороне [131, с. 138]. Однако если привести полностью фразу К.С. Юдельсона, высказанную о процессуальном соучастии, часть которой в качестве определения понятия соучастия в гражданском процессе послужила объектом критики, то становится очевидным иной ход мыслей автора, критикуемого А.А. Мельниковым и некоторыми другими учёными. Так, К.С. Юдельсон писал: «Процессуальное соучастие (множественность лиц на истцовой

и ответной стороне) не меняет структуры сторон в гражданском процессе, в котором имеются только две стороны, соответствующие структуре обязательства» [222, с. 69]. Таким образом, цитируемый автор, говоря о «множественности лиц на истцовой или ответной стороне», имел в виду истца и ответчика. Подтверждением сказанного является дальнейший ход мыслей К.С. Юдельсона. На страницах 68-70 учебника «Советский гражданский процесс», исследуя отличия третьего лица на стороне ответчика от соответчика, он обращал внимание на характерные признаки упомянутых субъектов в целях предупреждения ошибок при их разграничении. Далее автор отмечал: «Если вступающее в процесс лицо по характеру обязательства может оказаться непосредственно отвечающим перед истцом, то это лицо является соответчиком» [222, с. 70]. Таким образом, на основании вышеизложенного можно прийти к однозначному выводу о том, что во всех случаях использования оборота «множественности лиц на истцовой или ответной стороне» имеются в виду именно истцы и ответчики.

Несмотря на то, что в последующем все авторы, предлагавшие свои определения понятия соучастия в гражданском процессе, не смогли отказаться от критерия «множественности лиц на истцовой или ответной стороне», определение К.С. Юдельсона имело существенные недостатки, так как оно основывалось на внешних признаках – количестве истцов и ответчиков [222, с. 70], а потому не раскрывало специальные особенности института соучастия.

Т.Е. Абова, ссылаясь на отсутствие легального определения процессуального соучастия, считала, что для выяснения его сущности огромное значение имеет ст. 202 ГПК РСФСР (ст. 208 ГПК Таджикской ССР 1963 года). В соответствии с данной нормой суд, при вынесении решения в пользу нескольких истцов, должен был указать, в какой доле оно относится к каждому из них, или, что право взыскания является солидарным [119, с. 250]. При вынесении решения против нескольких ответчиков суд должен был указать, в какой доле каждый из ответчиков должен выполнить решение, или, что их ответственность является солидарной.

Из предписания, предусмотренного вышеупомянутой статьей, Т.Е. Абова делала вывод о том, что при процессуальном соучастии право требования одного истца может существовать наряду с правом требования другого. А обязанность нести ответственность по иску одного ответчика не исключает таковую в отношении другого [119, с. 250]. Отсюда в гражданском деле при допущении судом соучастия на той или иной стороне возбуждаются и рассматриваются несколько самостоятельных исков.

Далее вышеназванный автор констатировала, что невозможно предъявить совместно иск, если одно требование исключает другое. При несовместимости требований одного истца с требованием другого нельзя вынести решение в пользу нескольких истцов [119, с. 252]. Однако Т.Е. Абова не объясняла, когда одно требование может исключать другое, а когда нет.

Следовательно, по мнению Т.Е. Абовой, «квалифицирующим институт соучастия признаком является возможность сосуществования материально-правовых требований (обязанностей) нескольких истцов (ответчиков)» [119, с. 253].

Определение, данное Т.Е. Абовой, было поддержано М.С. Шакарян и развито ею [289, с. 43]. Однако противники точки зрения Т.Е. Абовой указывали на то, что у соответчиков тоже могут быть взаимоисключающие интересы. В качестве аргументов приводились примеры из практики.

Действительно, на основании вышеизложенного соответчики в традиционном понимании этого термина – это лица, материально-правовые требования истца к которым сосуществуют. А первоначальной ответчик и второй ответчик имеют взаимоисключающие интересы. Но и в первом, и во втором случае участие всех этих субъектов в гражданском деле есть не что иное, как форма соучастия в гражданском процессе.

А.А. Мельников, исследуя соучастие в гражданском процессе, полагал, что основу этого института нужно искать в субъектном составе материального правоотношения. Именно спорное материальное правоотношение, являющееся объектом судебной деятельности, и предопределяет характер соучастия в

гражданском процессе [131, с. 103]. Однозначно, что без материального права процессуальное право теряет свое прикладное значение. С другой стороны, при отсутствии организационных форм реализации материального права, одной из которых является гражданский процесс, нормы материального права могут остаться нереализованными. Институт соучастия в гражданском процессе – это один из «островков» где происходит тесное соприкосновение гражданского (в широком смысле слова) права и гражданского процессуального права. Отсюда при допущении судом соучастия и применении норм ГПК, предусматривающих правила, регулирующие данный институт, необходимо, прежде всего, исходить из модели материального правоотношения, о которой можно сделать вывод на основании изучения гипотезы нормы материального права. Если нормы материального права содержат в себе запрограммированную модель сложного (единого) многосубъектного материального правоотношения, то при возникновении вопросов о допущении соучастия в гражданском деле суд (судья) его должен решать положительно.

В связи с этим А.А. Мельников поддерживал одно из определений понятия соучастия в гражданском деле, в котором его автор – Д.М. Чечот, делал упор именно на связь данного института с материальным правоотношением [212, с. 38]. Но А.А. Мельниковым справедливо были замечены недостатки в определении понятия соучастия, данного Д.М. Чечотом.

Для сохранения последовательности в изложении материала сначала приведем точку зрения Д.М. Чечота. Данный автор писал: «Процессуальное соучастие – это участие в одном деле на стороне истца или ответчика нескольких лиц, имеющих спор с противоположной стороной» [212, с. 39].

Критикуя вышеприведенное определение, А.А. Мельников обращал внимание на то, что соучастники не всегда и не в первую очередь должны находиться в самостоятельных спорных материально-правовых отношениях с другой стороной. Кроме того, данный признак характеризует только одну разновидность соучастия в гражданском процессе, т. е. факультативное соучастие [131, с. 140].

Между тем следует заметить, что в определении цитируемого автора, кроме акцента на наличие спора с противоположной стороной и множественности лиц, отсутствуют всякие указания на однородность дел, общность права требования.

В итоге на основании критического анализа определений понятия соучастия в гражданском процессе, данных различными авторами, А.А. Мельников предлагает свое определение соучастия: «Процессуальное соучастие – это участие в одном деле нескольких истцов или нескольких ответчиков, состоящих друг с другом в одном многосубъектном спорном материальном правоотношении или в самостоятельных материальных правоотношениях» [131, с. 140].

Далее А.А. Мельников констатировал, что такое определение соучастия в гражданском процессе отражает сущность данного института и охватывает все его разновидности [131, с. 142].

Следует отметить, что и это определение не было лишено недостатков, на что обращалось внимание в юридической литературе. А.А. Мельников считал наличие единого сложного многосубъектного материального правоотношения исчерпывающим признаком обязательного соучастия [131, с. 143]. Однако критики позиции А.А. Мельникова указывали на случаи обязательного соучастия, в котором отсутствует между соучастниками единое многосубъектное материальное правоотношение [289, с. 108].

Более того, на основании определения соучастия, предложенного А.А. Мельниковым, допуская соучастие, можно объединить всякие исковые требования, существующие в производстве суда, так как во всяком деле истец и ответчик находятся в самостоятельных материальных правоотношениях. Также в этом определении не учтены другие существенные признаки соучастия в гражданском процессе (однородность дел, в которых участвуют одни и те же стороны, несколько дел по искам одного истца к различным ответчикам, различных истцов к одному тому же ответчику, если такое объединение приведет к более быстрому и правильному рассмотрению споров). Таким образом, на наш

взгляд, для определения понятия соучастия в гражданском процессе указания только на множественность лиц и на многосубъектность материального правоотношения между сторонами недостаточно.

Представляется, что на основании изложенного анализа мнений авторов (Т.Е. Абовой, А.А. Мельникова, Д.М. Чечота, М.С. Шакарян) можно дать следующее определение понятия соучастия в гражданском процессе. Таким образом, соучастие в гражданском процессе – это множественность лиц на стороне истца или ответчика либо обеих сторон, защищающих свои взаимно сосуществующие субъективные права и законные интересы.

Кроме деления на активное, пассивное и смешанное, соучастие в гражданском процессе классифицируется на необходимое (обязательное) и возможное (факультативное). Необходимое соучастие есть обязательное участие в деле всех субъектов многосубъектного спорного материального правоотношения. Это связано с тем, что в основе необходимого соучастия лежит сложное многосубъектное спорное материальное правоотношение. Раздельное рассмотрение исковых требований одного лица к нескольким ответчикам и нескольких истцов к одному ответчику, вытекающие из многосубъектного спорного правоотношения невозможно и является основанием к отмене судебного решения. Например, в зависимости от характера спорного материального правоотношения, являющегося предметом судебной деятельности, иск о выделе доли или разделе общей собственности нельзя рассматривать без участия всех собственников. Факультативное соучастие – это такое соучастие в гражданском процессе, когда в силу природы спорного материального правоотношения, требование одного истца к нескольким ответчикам, или нескольких истцов к одному или нескольким ответчикам, возможно рассмотреть и раздельно.

Процессуальное правопреемство. В связи с правопреемством в материальном правоотношении, ГПК Таджикской ССР 1963 года предусматривал возможность правопреемства и в гражданском процессе (ст. 107). Новый ГПК РТ также предусматривает данную возможность (ст. 46). Нормы, регулирующие порядок процессуального правопреемства, составляют самостоятельный правовой

институт процессуального правопреемства. Поскольку на правопродшественника и правопреемника полностью распространяются все нормы, регулирующие правовое положение сторон и третьих лиц, то данный институт выражает лишь особенности, связанные с объективными факторами, т. е. правопреемством в гражданском правоотношении.

В соответствии с ч. 1 ст. 107 ГПК Таджикской ССР 1963 года: «В случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением правоотношении (смерть гражданина, прекращение юридического лица, уступка требования, перевод долга) суд допускает замену этой стороны ее правопреемником. Правопреемство возможно в любой стадии процесса» [33]. Несколько модифицированное предписание предусмотрено ч. 1 ст. 46 ГПК РТ 2007 года. В отличие от ГПК Таджикской ССР 1963 года в новом ГПК РТ указывается, что «о замене или об отказе в замене этой стороны правопреемником, суд выносит определение, на которое лица, участвовавшие в деле, могут подать частную жалобу или протест» (ч. ч. 1, 3 ст. 46) [43]. В остальном урегулирование института процессуального правопреемства, предусмотренное ГПК РТ 2007 года, сохранило преемственность по отношению к ГПК Таджикской ССР 1963 года.

Действительно, в спорном (установленном) материальном правоотношении, которое независимо от того, что оно является предметом судебного разбирательства, может произойти естественная (объективная) замена лица (физического или юридического) (например, смерть гражданина). Следовательно, необходимо решить судьбу гражданского дела, находящегося в производстве суда. В связи с этим возникает необходимость в проведении замены лица (физического или юридического) в гражданском процессе. Следует отметить, что процессуальное правопреемство в корне отличается от замены ненадлежащей стороны, которая была ранее объектом нашего исследования. Различие этих двух институтов гражданского процесса носит принципиальный характер. Так, «если при замене ненадлежащей стороны устраняется ошибка, заблуждение, в результате которого в процессе оказалось не то лицо, которое должно было

предъявить иск или отвечать по иску, при процессуальном правопреемстве правопреемник является надлежащей стороной или третьим лицом» [219, с. 86].

Как было указано выше, правопреемство в гражданском праве (правопреемство в материальном правоотношении) и правопреемство в гражданском процессе являются взаимосвязанными. Отсюда производится деление правопреемства на виды, как в гражданском праве, так и в гражданском процессе. Так, в ч. 1 ст. 107 ГПК Таджикской ССР 1963 года (ч. 1 ст. 46 ГПК РТ 2007 года) перечислены виды гражданского правопреемства. Следовательно, правопреемство в гражданском праве может быть общим (универсальным) и частным (сингулярным). При общем (универсальном) правопреемстве к правопреемнику переходят все права и обязанности (например, предусмотренная ч. 1 ст. 107 ГПК Таджикской ССР 1963 года (ч. 1 ст. 46 ГПК РТ 2007 года) форма правопреемства в гражданском праве, связанная со смертью гражданина). В случае частного (сингулярного) правопреемства к правопреемнику переходят не все права и обязанности, а по справедливому замечанию некоторых авторов, только право на спорную вещь [219, с. 86]. Например, в случаях уступки требования, перевода долга.

Что касается процессуального правопреемства, то оно не знает деления на общее и частное. Поскольку в силу ч. 2 ст. 107 ГПК 1963 года (ч. 1 ст. 46 ГПК РТ 2007 года) «для правопреемника все действия, совершенные в процессе до его вступления, обязательны в той же мере, в которой они были обязательны для лица, которого правопреемник заменил» [43], то ему (правопреемнику) переходят все гражданские процессуальные права и обязанности правопреемника. Отсюда процессуальное правопреемство может быть только общим.

При применении норм, регулирующих процессуальное правопреемство, огромное значение приобретает роль суда в связи с действием принципов диспозитивности и активности суда. Так, ГПК Таджикской ССР 1963 года (п. 1 ст. 223, п. 8 ст. 228) предусматривал несколько вариантов определений, в зависимости от обстоятельств дела, постановляемых судом в ходе применения

института процессуального правопреемства. Если спорное правоотношение допускало правопреемство, то суд был обязан приостановить производство по делу (п. 1 ст. 223 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Если спорное правоотношение не допускало правопреемства, тогда суд был обязан прекратить производство по делу (п. 8. ст. 228 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Как в первом, так и во втором случаях выносился мотивированное судебное определение. Аналогичные правовые нормы предусмотрены в ГПК РТ 2007 года (абзац первый ч. 1 ст. 220 и абзац шестой ст. 225).

В случаях отказа истца (правопреемника) от вступления в процесс производство по делу в соответствии с п. 4 ст. 228 ГПК Таджикской ССР 1963 года прекращалось. Данное предписание также без изменений воспринято новым ГПК РТ (абзац третий ст. 225).

Общеизвестно, что производство по гражданскому делу приостанавливается в связи с возникновением юридических фактов, которых невозможно предвидеть и устранить в момент возбуждения или в ходе подготовки гражданского дела к судебному разбирательству [114, с. 298]. А отложению рассматриваемого гражданского дела способствуют юридические факты, которые возможно выявить и предотвратить при подготовке гражданского дела к судебному заседанию [78, с. 260]. В связи с тем, что уступка требования или перевод долга относятся к юридическим фактам, которые в момент возбуждения или в ходе подготовки гражданского дела предвидеть и устранить невозможно, предлагаем распространить процедуру приостановления производства по делу и к сингулярному правопреемству. Следовательно, абзац первый ч. 1 ст. 220 ГПК РТ 2007 года после слова «деле» необходимо дополнить словами «а также в случаях уступки требования, перевода долга и других случаях перемены лиц в обязательствах в спорном правоотношении». Это тем более необходимо, так как в ч. 1 ст. 112 ГПК РТ 2007 года прямо сказано, что течение процессуальных сроков приостанавливается с приостановлением производства по делу. Отсюда, отложение гражданского дела в случаях сингулярного правопреемства (когда течение срока рассмотрения гражданского дела не прерывается) ставит субъектов

сингулярного и общего процессуального правопреемства в неодинаковое положение.

Процессуальное правопреемство на стороне ответчика имеет свою особенность. Лицо, являющееся правопреемником ответчика, извещается судом о времени и месте судебного разбирательства дела. Для привлечения правопреемника – ответчика его согласие не требуется. Процесс продолжается в обычном порядке.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, институт процессуального правопреемства достаточно подробно изучался в юридической литературе. По поводу данного института нет принципиальных различий в позициях авторов. Представляется, что отсутствие принципиальных различий в позициях ученых свидетельствует о достаточной разработанности проблемы процессуального правопреемства.

Во-вторых, процессуальное правопреемство принципиально отличается от замены ненадлежащей стороны. Если при замене ненадлежащей стороны устраняется ошибка в определении субъектного состава спорного материального правоотношения, то в процессуальном правопреемстве как правопреемник, так и правопреемник являются надлежащими сторонами (третьими лицами).

В-третьих, при процессуальном правопреемстве в отличие от института замены ненадлежащей стороны происходит не замена стороны, а замена лица (физического или юридического), соответственно стороны остаются. В связи с этим предлагаем внести изменения в текст ч. 1 ст. 46 ГПК РФ, т. е. вместо слов «допускает замену этой стороны» необходимо записать: «допускает замену этого лица».

В-четвертых, процессуальное правопреемство в отличие от правопреемства в гражданском праве не знает деления на общее (универсальное) и частное (сингулярное). Поскольку правопреемнику переходят все процессуальные права и обязанности правопреемника, следовательно, оно может быть только общим. В связи с этим абзац первый ч. 1 ст. 220 ГПК РФ после слова «деле» необходимо дополнить словами «а также в случаях уступки требования, перевода

долга и других случаях перемены лиц в обязательствах в спорном правоотношении».

2.2.2. Третьи лица в гражданском процессе

Разбирательство гражданского дела в суде, в котором, как правило, участвуют истцовая и ответная стороны, может затронуть интересы других лиц. В силу закона, в целях достижения задач гражданского судопроизводства, реализации принципа судебной истины, обеспечения надлежащей гарантии прав и интересов граждан и организаций суд (судья) должен привлекать (оказывать содействие вступлению) в дело всех заинтересованных лиц. При защите лицом своего нарушенного или оспоренного субъективного права (охраняемого законом интереса) путем вступления в «чужой» процесс, в котором уже есть спорящие между собой истцовая и ответная стороны, мы сталкиваемся с новыми, специфическими субъектами гражданского процесса, т. е. третьими лицами.

Третьи лица признавались лицами, участвующими в деле, по ГПК Таджикской ССР 1963 года (например, ст. 96 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Новый ГПК РТ также включает третьих лиц в состав лиц, участвующих в деле (например, ст. 36 ГПК РТ 2007 года). Это объясняется тем, что третьи лица имеют все характерные черты данной правовой категории субъектов гражданского процессуального права.

Проблема правового положения третьих лиц в гражданском процессе получила и продолжает получать подробное исследование в юридической литературе [94, с. 83; 87, с. 20-34; 333, с. 136; 216; 332; 311; 322; 263; с. 69-72; 272, с. 102-103]. Однако из-за недостаточной урегулированности института третьих лиц в гражданском процессуальном законодательстве, некоторые аспекты участия третьих лиц в гражданском процессе были и остаются дискуссионными и в правоведении.

В самом начале акцентируем внимание на том, что в зависимости от характера заинтересованности третьих лиц в исходе дела в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года их делили на два вида: третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора (ст. 104 ГПК Таджикской ССР

1963 года), и третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования на предмет спора (ст. 105 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Такое деление сохранилось и после принятия нового ГПК РТ (ст. ст. 44, 45 ГПК РТ 2007 года). Двум видам третьих лиц в гражданском процессе присущи общие признаки. В качестве общих черт третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, и третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, необходимо указать, во-первых, на их участие в начавшемся, т. е. в чужом для них процессе; во-вторых, на наличие в чужом процессе у третьих лиц обоих видов юридического интереса в исходе дела.

Теперь рассмотрим каждый вид третьих лиц в отдельности с целью выявления отличительных черт, позволяющих разграничить третьи лица на два их вида. Третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора (ст. 104 ГПК Таджикской ССР 1963 года, ст. 44 ГПК РТ 2007 года). Третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, как видно из названия данного субъекта, предъявляют самостоятельные притязания на предмет спора, оспаривая тем самым принадлежность спорного права первоначальному истцу. Поскольку третьи лица данной категории, вступая в чужой процесс, намерены защитить свое нарушенное или оспоренное субъективное право, то они должны обладать всеми процессуальными возможностями субъекта, «ищущего» защиту субъективного права в суде, т. е. истца. Отсюда была логична норма, закрепленная в ГПК Таджикской ССР 1963 года, которая гласила, что «третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, пользуются всеми правами и несут все обязанности истца» (п. 1 ст. 104 ГПК Таджикской ССР 1963 года) [33]. Данное предписание без каких-либо изменений воспринято и новым ГПК РТ (ч. 3 ст. 44).

Изучение проблемы правового положения сторон в гражданском процессе, а также анализ процессуального положения субъекта, очень близкого по своему статусу к сторонам, т. е. третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, показывает, что лицо, «ищущее» в суде защиту своего права или охраняемого законом интереса, может осуществить функцию иска

посредством разных процессуальных форм. Речь идет о том, что материально заинтересованное лицо может защитить свое право в суде, занимая процессуальное положение истца, соистца, третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора. Поэтому важно, как для теории, так и для правоприменительной деятельности, четкое отграничение третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, от сторон и соистцов.

Прежде всего, остановимся на отличии третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, от первоначального истца, поскольку принадлежность спорного права последнему оспаривается третьим лицом (отличие третьего лица данного вида от ответчика очевидно, поэтому мы этот вопрос не затрагиваем).

Следует заметить, что первоначальный истец добивался и добивается возбуждения гражданского процесса обычным способом (ст. ст. 4, 136 ГПК Таджикской ССР 1963 года, ст. ст. 4, 136 ГПК РТ 2007 года). А третье лицо с самостоятельными исковыми требованиями вступало и вступает в чужой процесс, добиваясь одновременного рассмотрения его (третьего лица) самостоятельного притязания наряду с первоначальным требованием. В упомянутом случае притязания третьего лица и первоначального истца исключают друг друга. Однако предмет данных притязаний в одних случаях может совпадать, а в других нет.

Относительно оснований первоначального иска и иска третьего лица необходимо констатировать, что вопреки мнению некоторых специалистов, считающих возможным их совпадение [94, с. 32-3], в действительности всё происходит иначе. Поскольку всегда факты активной и пассивной легитимации первоначального иска и иска третьего лица друг с другом не совпадают, тем самым, даже в случаях совпадения фактов повода к иску этих двух требований, их полная тождественность отсутствует. Кроме того, иск первоначального истца направлен против первоначального ответчика. А третье лицо, заявляющее самостоятельные требования на предмет спора, может предъявить иск как против обеих сторон, так и против первоначального истца.

Ярко выражено отличие третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, от соистцов. Первоначальный иск и иск третьего лица исключают друг друга. А права и интересы соистцов взаимно сосуществуют [119, с. 250; 80, с. 89]. Поэтому в случаях обнаружения в ходе рассмотрения гражданского дела сосуществования первоначального иска и иска третьего лица, налицо неправильное определение судом субъектного состава спорного материального правоотношения, которое выражается в том, что соистец ошибочно занимает процессуальное положение третьего лица, заявляющего самостоятельные требования. Следует заметить, что реализации принципа законности не способствует судебная практика, в соответствии с которой при взаимном сосуществовании иска первоначального истца и позже вступившего в дело соистца, за вторым ошибочно признаются качества третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора [94, с. 35]. Ведь соистец совместно с другими истцами предъявляет иск к ответчику (ответчикам), но никогда при этом его иск не направлен против других соистцов. Третье лицо аналогично, как в вышеприведенном случае, одновременно может заявить иск как к обеим сторонам первоначального иска, так и к истцу по первоначальному иску.

Ранее нами было упомянуто, что третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, пользуются всеми правами и несут все обязанности истца (ч. 1 ст. 104 ГПК Таджикской ССР 1963 года, ч. 3 ст. 44 ГПК РТ 2007 года). Вместе с тем его вступление в дело должно носить характерные особенности, поскольку третье лицо данного вида вторгается в чужой процесс. Однако в ГПК Таджикской ССР 1963 года не предусматривался порядок вступления в дело третьего лица, заявляющего самостоятельные требования. Нет этого порядка и в новом ГПК РТ. В ст. 104 ГПК Таджикской ССР 1963 года говорилось, что третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, могут вступить в дело до постановления судом решения. Но каким образом, при помощи каких процессуальных средств, производится вступление в дело третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, закон ответов не предусматривал.

На основании вышеизложенного, редакция статьи ГПК РСФСР 1923 года, регулирующая порядок вступления третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, на наш взгляд, представляется более предпочтительной. В связи с этим, как ранее нами отмечалось, в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года автор настоящей работы считал важным внести соответствующие изменения в ст. 104 ГПК Таджикской ССР 1963 года и предлагал изложить её в иной редакции [286, с. 80]. Данное законодательное предложение не потеряло свою актуальность и в настоящее время. Поэтому предлагаем его использовать в новом ГПК РТ с отдельными уточнениями, которые будут приведены в конце этой части настоящей работы.

При предъявлении иска третьим лицом не проверялось и не проверяется его подведомственность суду. Это объясняется тем, что Законом РТ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан» от 15. 05. 1997 [39] года в ст. 19 ГПК Таджикской ССР 1963 года были внесены соответствующие изменения. Отсюда при объединении нескольких связанных между собой требований, из которых одни подведомственны общим судам, а другие экономическому суду, все требования подлежали рассмотрению в общем суде. Схожее предписание с отдельными дополнениями предусмотрено и в ГПК РТ 2007 года (ч. 4 ст. 24). Действительно, при предъявлении иска третьим лицом для участия в чужом процессе судом объединяются два самостоятельных требования. И независимо от подведомственности иска третьего лица экономическому суду, он рассматривается вместе с первоначальным иском. При предъявлении самостоятельного требования на предмет спора также не требовалось соблюдение внесудебного порядка разрешения дела (п. 2 ч. 2 ст. 136 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Аналогичное положение изложено в абзаце первом ч. 1 ст. 138 нового ГПК РТ.

В период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года возникал также следующий вопрос: есть ли необходимость в проверке судом соблюдения правил подсудности при предъявлении иска третьим лицом? Этот вопрос требует своего разрешения и в настоящее время.

В теории гражданского процессуального права признавалась и признается возможность предъявления иска третьим лицом к обеим сторонам первоначального иска [222, с.73-74; 79, с. 103]. Отсюда при предъявлении иска против обеих сторон общие правила подсудности будут соблюдены в любом случае. Что касается предъявления иска третьим лицом только против истца по первоначальному иску, то соблюдение общих правил подсудности проблематично. Более того, обязательное соблюдение правил подсудности при предъявлении иска третьим лицом делало и может сделать невозможной реализацию данной формы участия заинтересованного лица (третьего лица) в чужом процессе путем подачи самостоятельного иска. Поэтому предлагаем дополнить гражданский процессуальный закон предписанием о том, что иск третьего лица, независимо от места жительства или нахождения первоначального истца, предъявляется по месту рассмотрения первоначального иска. На наш взгляд, это можно сделать путем внесения следующего дополнения в ч. 2 ст. 33 ГПК РТ 2007 года. После слова «иск» следует записать: «а также иск третьего лица» и далее по тексту.

К исковому заявлению третьего лица предъявлялись все требования, предусмотренные ст. 133 ГПК Таджикской ССР 1963 года, а также требование об уплате государственной пошлины. Кроме того, третье лицо, заявляющее самостоятельные требования на предмет спора, согласно ст. 134 ГПК Таджикской ССР 1963 года, было обязано представить в суд исковое заявление с копиями по числу ответчиков. Следует заметить, что ст. 134 ГПК Таджикской ССР 1963 года также предусматривала правило, согласно которому судья мог, в зависимости от сложности и характера дела, обязать истца представить копии документов, приложенных к исковому заявлению. Представляется, что при объединении двух самостоятельных исковых требований: первоначального иска и требования третьего лица, оспаривающего принадлежность спорного права первоначальному истцу, процесс в любом случае осложнялся. Более того, фактически два самостоятельных иска суд должен был рассмотреть и разрешить в течение времени (процессуального срока), установленного для рассмотрения и

разрешения только первоначального иска. Несмотря на то, что за иском третьего лица признавались все свойства иска, предъявляемого в общем порядке, специального этапа подготовки дела по иску третьего лица закон не предусматривал. Таким образом, получалось, что иск третьего лица переходил в стадию судебного разбирательства, минуя столь важную и необходимую для достижения целевых установок гражданского судопроизводства ступень, т. е. этап подготовки дела к судебному разбирательству. Законодатель, не запрещая проведение подготовительных процессуальных действий, также по иску третьего лица каких-либо дополнительных процессуальных сроков для их совершения не устанавливал. А это в свою очередь обуславливало дополнительные сложности в разбирательстве дела с участием третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора.

Формулировка ст. 134 ГПК Таджикской ССР 1963 года давала простор судебному усмотрению. Ведь по смыслу ст. 134 ГПК Таджикской ССР 1963 года судья был не обязан, а мог, в зависимости от сложности и характера дела, обязать истца представить копии документов, приложенных к исковому заявлению. Поскольку сложность дела с участием третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, не вызывала сомнений, то, на наш взгляд, суд был обязан, а не мог, требовать от третьего лица представления копий документов, приложенных к исковому заявлению, по числу ответчиков. Тем самым создавалась бы существенная почва для устранения процессуальной волокиты и надлежащего осуществления ответчиками (ответчиком) функции защиты против иска. На основании вышеизложенного, в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года автор настоящей работы, с учетом ранее сделанных замечаний, предлагал следующую редакцию ст. 104 ГПК Таджикской ССР 1963 года: «Исковое заявление и документы, приложенные к нему, представляются в суд с копиями по числу ответчиков» и далее по тексту [286, с. 80]. Данное законодательное предложение не утратило своей актуальности и в настоящее время.

Другим важным вопросом, возникающим при допуске в процесс третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года являлся вопрос об основаниях, при наличии которых суд был обязан принять исковое заявление третьего лица для совместного рассмотрения с первоначальным иском. Этот вопрос остается значимым и в данное время.

Нормы ГПК Таджикской ССР 1963 года, регулирующие участие третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, в гражданском процессе, не давали прямого ответа на этот вопрос. Что касается действующего ГПК РТ, то и в нем нет прямого ответа на упомянутый вопрос. Отсюда в юридической литературе высказывались разные точки зрения относительно оснований допущения в процесс третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора. Так, К.С. Юдельсон писал, что «при допущении третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, суд руководствуется не только степенью обоснованности требований третьего лица, но и целесообразностью их совместного рассмотрения с первоначальным иском» [222, с. 74].

Прежде всего, относительно проверки степени обоснованности иска третьего лица следует отметить, что проверка обоснованности самостоятельного требования третьего лица в момент принятия судом искового заявления по ГПК Таджикской ССР 1963 года (ч. 2 ст. 136) была невозможна. Такая возможность не предусмотрена и в действующем гражданском процессуальном законодательстве (ч. 1 ст. 137 ГПК РТ 2007 года). Ведь третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, пользовались и пользуются правами, и несут обязанности истца (ч. 1 ст. 104 ГПК Таджикской ССР 1963 года, ч. 3 ст. 44 ГПК РТ 2007 года). Отсюда проверка обоснованности иска третьего лица ничем не должна отличаться от проверки обоснованности первоначального иска. Если под обоснованностью требования понимать наличие в действительности фактов основания иска, то ч. 2 ст. 136 ГПК Таджикской ССР 1963 года не упоминала об их проверке. Такого упоминания нет и в новом ГПК РТ (ч. 3 ст. 44 ГПК РТ 2007

года). Лишь после принятия искового заявления третьего лица и вынесения соответствующего мотивированного определения судом, в ходе разбирательства дела по существу, степень обоснованности самостоятельного заявления требования третьего лица может стать объектом исследования и оценки в суде. Поэтому, если суд в момент допущения в чужой процесс третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, будет руководствоваться «степенью обоснованности требований третьего лица», то это приведет к нарушению принципа законности гражданского судопроизводства и ущемлению права граждан и организаций на судебную защиту. Исходя из вышеизложенного, критику точки зрения К.С. Юдельсона в юридической литературе считаем справедливой [212, с. 98].

Кроме учета степени обоснованности при принятии иска третьего лица, по мнению К.С. Юдельсона, суд должен исходить из целесообразности их совместного рассмотрения с первоначальным иском [222, с. 74]. Этот аспект позиции К.С. Юдельсона также был подвергнут критике в юридической литературе. В частности, Д.М. Чечот отмечал, что понятие целесообразности – это крайне расплывчатое понятие, оно должно иметь какие-то рамки и допускаться в каких-то пределах [212, с. 98]. А.А. Мельников, в целом соглашаясь с Д.М. Чечотом, констатировал, что «понятие целесообразности весьма относительно и не регламентирует с необходимой точностью права третьего лица на вступление в уже рассматриваемое судом дело» [131, с. 158].

Кроме этого, К.С. Юдельсон, говоря об основаниях принятия иска третьего лица, исходил из целесообразности соединения исков. В частности, К.С. Юдельсон писал: «Соединение исков (первоначального иска и иска третьего лица) преследует цель создания известного удобства для судебных органов и участников спорных правоотношений» [222, с. 74-75]. Значит, и вопрос о допущении в процесс третьих лиц с самостоятельными требованиями на предмет спора должен решаться судом с точки зрения целесообразности совместного рассмотрения исковых требований. Суд исходит исключительно из процессуальной целесообразности, учитывая возможные последствия допущения

такого соединения дел, т. е. упростит ли оно разрешение возникших споров или усложнит, как это будет влиять на повышение качества решения, объективности вывода [222, с. 74-75].

Если под целесообразностью допущения в чужой процесс третьего лица, заявляющего самостоятельные требования, понимать целесообразность соединения исков (первоначального иска и иска третьего лица), то был закономерен вопрос о применении ч. 4 ст. 135 ГПК Таджикской ССР 1963 года. В настоящее время возникает вопрос: можно ли применить ч. 4 ст. 154 ГПК РТ 2007 года в вышеупомянутом случае? Представляется, что для применения ч. 4 ст. 135 ГПК Таджикской ССР 1963 года не было оснований, потому что она регулировала случаи возможного, а не обязательного объединения исков. По аналогичным соображениям нет оснований для применения ч. 4 ст. 154 ГПК РТ 2007 в настоящее время. При возможном соединении исков судья в целях обеспечения быстроты, упрощения, правильного рассмотрения дела соединяет в одном процессе несколько однородных требований. Однако эти самостоятельные требования можно рассматривать также отдельно. Никто из предполагаемых соистцов данных однородных требований друг другу претензий не предъявляет, и соответственно их отдельное рассмотрение судом в принципе не ущемляет интересы других лиц. Соединение исков согласно ч. 4 ст. 135 ГПК Таджикской ССР 1963 года было направлено на реализацию, прежде всего, принципа процессуальной экономии. Такая направленность сохранилась и в настоящее время (ч. 4 ст. 154 ГПК РТ 2007 года). Что касается допущения в чужой процесс третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, то оно заинтересовано в исходе спора между первоначальным истцом и ответчиком. Более того, третье лицо данного вида оспаривало и оспаривает принадлежность спорного права первоначальному истцу. Поэтому при соединении первоначального иска и иска третьего лица, акцент только на упрощение и ускорение процесса (ч. 4 ст. 135 ГПК Таджикской ССР 1963 года, ч. 4 ст. 154 ГПК РТ 2007 года) был и остается недостаточным. Даже если это способствовало и способствует усложнению процесса, при предъявлении третьим лицом

самостоятельного требования на предмет спора суд должен допустить его для участия в чужом процессе, потому что в данном случае можно провести аналогию с обязательным соучастием (обязательным объединением исков), когда суд независимо от осложнения процесса обязан соединить однородные требования. Ведь не вызывает нареканий тот факт, что в чужом процессе, по мнению третьего лица, затрагивается его материально-правовой интерес, и судья должен рассматривать дело с участием всех заинтересованных лиц. Иное решение вопроса откроет дорогу к нарушениям прав граждан и организаций в сфере гражданского судопроизводства. Следовательно, при соединении первоначального иска и иска третьего лица действовало и действует правило обязательного соединения исков.

Согласно ст. 104 ГПК Таджикской ССР 1963 года основанием допуска третьего лица в процесс между первоначальным истцом и ответчиком являлось заявление им самостоятельного требования на предмет спора. Это предписание предусмотрено также в новом ГПК РТ (ч. 1 ст. 44). Если требование третьего лица не направлено на предмет спора между первоначальным истцом и ответчиком, то судья не вправе допустить его к участию в чужом процессе. Следовательно, если самостоятельное требование третьего лица ничем не связано с первоначальным иском, то оно может стать объектом рассмотрения и разрешения только в самостоятельном процессе.

Отсюда для признания за третьим лицом права на вступление в чужой процесс необходимо, чтобы требование третьего лица было направлено именно на предмет спора между первоначальным истцом и ответчиком [131, с. 159]. Предметом спора необходимо в этом случае считать не только тот материальный объект, по поводу которого спорят истец и ответчик, но и то правоотношение, из которого возник данный спор [87, с. 27]. По мнению некоторых авторов, нематериальные объекты наряду с материальными объектами также являются предметом спора, на который может заявить свои самостоятельные требования третье лицо [112, с. 96].

Являются ли тождественными предмет спора первоначального истца с ответчиком и предмет спора третьего лица со сторонами первоначального иска (или с истцом по первоначальному иску)? В ч. 1 ст. 104 ГПК Таджикской ССР 1963 года об обязательном совпадении предметов спора по первоначальному иску и иску третьего лица не упоминалось. Нет такого упоминания и в новом ГПК РТ (ч. 1 ст. 44). В ч. 1 ст. 104 ГПК Таджикской ССР 1963 года говорилось лишь о том, что третье лицо заявляет самостоятельные требования на предмет спора. Идентичное установление изложено и в ч. 1 ст. 44 ГПК РТ 2007 года.

Однако в юридической литературе можно было столкнуться с иным решением указанного вопроса. Так, М.П. Ринг считала, что предмет спора истца с ответчиком по первоначальному иску и предмет спора третьего лица со сторонами первоначального иска должен совпадать [163, с. 67]. По справедливому замечанию некоторых авторов, полного совпадения предметов спора при соединении исков первоначального истца и третьего лица не может быть, так как правоотношение, связывающее истца с ответчиком, и правоотношение, связывающее третье лицо со сторонами (с одной из сторон), различны хотя бы только по своему субъективному составу [212, с. 100].

Также не могут совпадать основания иска первоначального истца и иска третьего лица. Исследование и оценка фактов основания иска и возражений против него при помощи представленных лицами, участвующими в деле, доказательств в ходе судебного разбирательства может дать характеристику всех компонентов материального правоотношения между спорящими лицами. Речь идет о таких компонентах материального правоотношения, как субъектный состав, содержание, объект и т. д. В момент принятия искового заявления (первоначального истца или третьего лица) изучение надлежаще оформленного искового заявления заинтересованного лица поможет суду воспроизвести предварительную картину материального правоотношения, из которого возник спор о праве гражданском. Однако эта предварительная оценка никоим образом не должна затрагивать существа рассматриваемого спора. Таким образом, различие в субъектном составе спорного материального правоотношения между

сторонами первоначального иска и иска третьего лица предопределяет различие фактов активной и пассивной легитимации. Поэтому основания указанных исков никогда не совпадают.

Кроме направленности требования третьего лица на предмет спора между первоначальным истцом и ответчиком, в качестве основания допущения третьего лица в чужой процесс в юридической литературе указывалось на наличие заинтересованности третьего лица в исходе дела [94, с. 14]. Так, И.М. Ильинская считала, что при рассмотрении вопроса об условиях вступления в дело третьего лица с самостоятельными требованиями нередко упускается из виду такой важный момент, как проверка судом юридического интереса третьего лица в исходе дела.

На наш взгляд, И.М. Ильинская фактически отождествляла процессуально-правовой и материально-правовой интересы. Ведь для установления субъектного состава, действительных прав и обязанностей сторон спорного материального правоотношения необходима проверка фактов непосредственно правопроизводящих, активной и пассивной легитимации, а также повода к иску, т. е. решение вопросов материально-правового характера. А решение вопросов материально-правового характера, как ранее нами было упомянуто, является предметом судебной деятельности в ходе разбирательства дела по существу. Отсюда рассмотрение и разрешение вопросов материально-правового характера судьей в момент возбуждения или в ходе подготовки гражданского дела к судебному разбирательству есть не что иное, как нарушение права граждан и организаций на судебную защиту. Если же И.М. Ильинская имела в виду проверку процессуально-правового интереса третьего лица указанной категории, думается, что и такая проверка беспредметна. Это объясняется тем, что процессуально-правовой интерес является предпосылкой права на предъявление иска лиц, защищающих в суде не свои, а чужие права и интересы (кроме договорного представителя) [146, с. 107-109]. Следовательно, процессуально-правовой интерес не является тем юридическим фактом процессуально-правового характера (предпосылкой), с которым закон связывает возникновение у третьего

лица права на заявление самостоятельного требования на предмет спора между первоначальным истцом и ответчиком. Признание юридического интереса третьего лица основанием, при наличии которого третье лицо со своим иском допускается в чужой процесс, противоречило и противоречит принципу законности в гражданском процессе.

Существенное значение имел и имеет также вопрос о возможности обжалования (опротестования) определения суда об отказе в допуске в процесс третьего лица вышеуказанной категории. В отличие от ГПК бывших союзных республик (кроме ГПК Белорусской ССР) ГПК Таджикской ССР 1963 года недвусмысленно решал этот вопрос. Так, ч. 2 ст. 104 ГПК Таджикской ССР 1963 года предусматривала: «На определение суда или судьи об отказе допустить третье лицо к участию в деле может быть подана частная жалоба или принесен протест» [33]. При исследовании вопроса, касающегося возможности обжалования (опротестования) отказа суда в принятии искового заявления третьему лицу для его рассмотрения в чужом процессе, учеными высказывались разные точки зрения. Одни считали, что в ч. 2 ст. 104 ГПК Таджикской ССР 1963 года содержится оптимальное решение вышеуказанного вопроса [87, с. 27-28] и следует аналогичную норму закрепить в ГПК всех других бывших союзных республик [214, с. 150; 131, с. 161]. Другие высказывали противоположную точку зрения [94, с. 14].

Между тем, исходя из обязанности суда рассматривать дело с участием всех заинтересованных лиц, допущение в чужой процесс третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, напрямую вытекало из надлежащего осуществления судом функции правосудия и принципа объективной истины (ст. 2, ч. 1 ст. 15 и т. д. ГПК Таджикской ССР 1963 года).

Вместе с тем в теории гражданского процессуального права была высказана несколько иная точка зрения относительно возможности обжалования (опротестования) определения суда об отказе в допуске третьего лица данной категории, к участию в деле. Так, В.Н. Щеглов считал, что, хотя ГПК РСФСР 1964 года не содержит соответствующей нормы (имелась ввиду ч. 2 ст. 104 ГПК

Таджикской ССР 1963 года), «поскольку отказ в принятии заявления третьего лица препятствует его участию в деле, определение суда или судьи может быть обжаловано в вышестоящий суд (п. 2. ст. 315 ГПК РСФСР)» [219, с. 79]. Аналогичное положение было закреплено в п. 2 ст. 337 ГПК Таджикской ССР 1963 года. При этом, по мнению вышеназванного автора, «отказ в принятии заявления о вступлении в начатое дело в качестве третьего лица с самостоятельным требованием не лишает заинтересованное лицо возможности подать частную жалобу на определение судьи об отказе допустить его к участию в деле» [219, с. 79].

Что касается ГПК РТ 2007 года, то в нём положение об обжаловании (опротестовании) определения судьи об отказе допустить третье лицо к участию в деле получило дальнейшее развитие. Так, в ч. 2 ст. 44 ГПК РТ 2007 года говорится: «Судья о признании или об отказе в признании в качестве третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, выносит определение. На данное определение судьи может быть подана частная жалоба» [43].

Другим вопросом участия в гражданском процессе третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, являлся и является вопрос об ответчике по иску третьего лица. ГПК Таджикской ССР 1963 года не предусматривал ответа на указанный вопрос. Новый ГПК РТ также не содержит ответа на него. Однако, как ранее нами отмечалось, ГПК РСФСР 1923 и ГПК Узбекской ССР 1927 года, действовавшие на территории Таджикской АССР и Таджикской ССР, точно определяли ответчика по иску третьего лица.

Что касается юридической науки, то в ней разгорелась дискуссия о том, кто является ответчиком по иску третьего лица. Одни авторы были склонны абсолютизировать возможность предъявления иска третьим лицом только к обеим сторонам [55, с.107; 222, с. 73-74]. Так, К.С. Юдельсон считал, что и в исках о признании, и в исках о присуждении требование направлено как к основному истцу, так и к ответчику [222, с. 73-74]. Другие считали и считают, что иск третьего лица может быть направлен как против каждой стороны

первоначального иска, так и обеим сторонам первоначального иска [94, с. 26-31; 71, с. 87; 64, с. 115]. Третьи полагают и полагают, что предъявление иска третьим лицом против первоначального ответчика невозможно. Следовательно, по мнению этих авторов, ответчиком может быть либо только истец, либо обе стороны первоначального иска одновременно [212, с.102-103; 76, с. 76; 149, с. 209-210]. Так, Г.Л. Осокина, которая является сторонницей третьего взгляда, пишет: «Если же иск третьего лица с самостоятельными требованиями будет направлен исключительно против первоначального ответчика, то суд (судья) в этом случае будет иметь дело не с третьим лицом, а соистцом, так как при таком варианте определения ответчика по иску третьего лица право требования последнего не исключает право требования первоначального истца» [149, с. 209-210].

Мы тоже поддерживаем точку зрения, в соответствии с которой иск третьего лица может быть предъявлен против обеих сторон первоначального иска или только против первоначального истца.

Кроме того, вопрос об ответчике по иску третьего лица имеет существенное значение, так как ответчик по иску третьего лица, являясь субъектом спорной обязанности, должен в случае удовлетворения (частичного удовлетворения) иска исполнить судебное решение и возместить судебные расходы по иску третьего лица.

На основании вышеизложенного материала, с учетом необходимости определения ответчика по иску третьего лица, предлагаем следующую редакцию ч. 1 ст. 44 ГПК РФ 2007 года: «Третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, могут вступить в дело до принятия судебного акта по делу судом первой инстанции, которым заканчивается разбирательство дела, путем предъявления иска на общих основаниях к обеим сторонам или к истцу по первоначальному иску. Исковое заявление и документы, приложенные к нему, представляются в суд с копиями по числу ответчиков».

Далее рассмотрим участие в гражданском процессе третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора.

На основании ч. 1 ст. 105 ГПК Таджикской ССР 1963 года можно было дать следующее определение понятия третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора. Третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования на предмет спора – это лица, участвующие в деле на стороне истца или ответчика до постановления судом решения, если решение по делу может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон. Схожее определение понятия третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования, можно сформулировать и на основании нового ГПК РТ, если из текста ч. 1 ст. 45 ГПК РТ 2007 года исключить последнее слово «или». Возможность формулирования схожих определений понятия третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, как по ГПК Таджикской ССР 1963 года, так и по новому ГПК РТ, является подтверждением преемственности норм и понятий.

Третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, в период действия ГПК РТ 1963 года (ст. 96) имели все признаки лиц, участвующих в деле, за исключением ряда свойств, предопределяемых юридическим интересом указанных субъектов в чужом процессе. Идентичная ситуация сохранилась и после вступления в законную силу нового ГПК РТ (ст. 36).

Как справедливо указывалось в юридической литературе, ввиду того, что все явления реальной действительности связаны между собой, то правоотношения, являющиеся непосредственным объектом судебного исследования, довольно часто бывают тесно связаны с другими материальными правоотношениями [311, с. 3]. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора, являются субъектами примыкающего правоотношения [237, с. 28-29]. Здесь имеется в виду правоотношение, которое примыкает к спорному материальному правоотношению, являющемуся объектом судебной деятельности.

Однако следует отметить, что материальное правоотношение с участием третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, в рассматриваемом случае пока еще находится вне поля судебной деятельности. Оно только в будущем может стать, а может и не стать предметом нового процесса. Но характер судебного решения (отказ в удовлетворении иска, удовлетворение иска и т. д.) в новом процессе, где третье лицо, не заявляющее самостоятельные требования на предмет спора, по данному процессу займет положение стороны, во многом будет зависеть от характера судебного решения по первому процессу. Речь идет о процессе, где третье лицо участвует для защиты своего интереса без предъявления самостоятельных требований, так как факты, установленные судом в ходе первого процесса и зафиксированные в судебном решении, будут иметь преюдициальное значение в последующем процессе.

Таким образом, третье лицо, не заявляющее самостоятельные требования на предмет спора, не являлось и не является субъектом спора о праве гражданском. Соответственно, оно не осуществляло и не осуществляет функцию иска или защиты против иска. Более того, судебное решение не содержало и не содержит выводы относительно субъективных прав третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования на предмет спора.

Что касается юридического интереса третьих лиц указанной категории, то он имел и имеет как процессуально-правовой, так и материально-правовой характер.

Процессуально-правовой интерес третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования, заключается в потребности получения благоприятного для него судебного решения по первоначальному иску, т. е. такого судебного решения, которое предотвращает неблагоприятные последствия будущего процесса для его субъективных прав и обязанностей по отношению к одной из сторон по указанному иску (в случаях, когда в дальнейшем третьему лицу может быть предъявлен регрессный иск).

Относительно материально-правового интереса третьего лица данной категории следует отметить что, если интерес, в защиту которого третье лицо вступает в чужой процесс, вытекает из материального правоотношения, то соответственно заинтересованность в исходе чужого гражданского дела третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, носит материально-правовой характер. Кроме того, если мы соглашаемся с некоторыми авторами [81, с. 90], признающими за третьими лицами этой категории наличие только процессуально-правового интереса, то тем самым стираем грань между юридическим интересом третьих лиц данной категории и процессуальных истцов. Поскольку процессуальные истцы в силу закона имеют потребность в защите чужого права и интереса, то их юридический интерес всегда носит процессуально-правовой характер [146, с. 107]. А третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, кроме потребности в получении благоприятного судебного решения (процессуально-правовой интерес), защищают свой охраняемый законом интерес (материально-правовая заинтересованность).

Юридическим основанием привлечения в чужой процесс третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года также являлась возможность влияния решения по чужому делу на их права или обязанности по отношению к одной из сторон первоначального иска. Аналогичное юридическое основание привлечения в чужой процесс третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, сохранилось и в настоящее время (ч. 1 ст. 45 ГПК РТ 2007 года).

Между тем некоторые специалисты выделяют более подробный и всесторонний перечень возможных оснований участия третьих лиц указанной категории в гражданском процессе [233; с. 51-55; 322, с. 13], что может способствовать более правильной реализации соответствующих правовых норм на практике. А в системе правовой защиты Европейского

союза для обозначения основания привлечения третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, в административное судопроизводство, используется термин «обоснованный интерес в исходе дела», что, по сути, означает возможность влияния будущего судебного решения или определения на правовое положение данных лиц [263, с. 69-72].

Третье лицо данной категории для защиты своего законного интереса, согласно ч. 1 ст. 105 ГПК Таджикской ССР 1963 года, могло само ходатайствовать перед судом о его допуске для участия в чужом процессе. В целях надлежащей реализации функции иска, защиты против иска, а также функции прокурорского надзора ходатайство о привлечении в дело третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, могло быть заявлено также сторонами или прокурором. Вместе с тем третьи лица указанной категории могли быть привлечены в процесс и по инициативе суда.

В новом ГПК РТ возможность участия в чужом процессе третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, по ходатайству сторон или прокурора сохранена и развита. Дело в том, что на основании ч. 3 ст. 45 нового ГПК РТ третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора, могут быть привлечены для участия в чужом процессе не только по ходатайству сторон или прокурора, но и других лиц, участвующих в деле. Что касается привлечения в чужой процесс третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, по инициативе суда, то данное правомочие, как ранее нами отмечалось, не предусмотрено в ГПК РТ 2007 года. Последнее нововведение (законодательное решение) является усилением роли принципа диспозитивности в действующем гражданском процессуальном законе.

Кроме того, ГПК Таджикской ССР 1963 года не содержал установлений относительно формы и реквизитов ходатайства о вступлении

и привлечении в чужой процесс третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора.

В новом ГПК РТ данный вопрос нашел своё урегулирование: в ч. ч. 1, 2 ст. 45 ГПК РТ 2007 года предусматривается, что «ходатайства третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, а также лиц, участвующих в деле, о вступлении или привлечении третьего лица в начавшийся процесс, подаются в письменной форме» [43]. Однако мы не можем согласиться с тем, что упомянутое ходатайство должно оформляться в соответствии со ст. 134 ГПК РТ 2007 года (ч. 2 ст. 45 ГПК РТ 2007 года), так как третье лицо данного вида не предъявляет в суд самостоятельного иска. Поэтому нет необходимости в оформлении его ходатайства о вступлении в чужой процесс путем составления искового заявления. В связи с этим предлагаем в первом предложении ч. 2 ст. 45 ГПК РТ слова «в соответствии со статьей 134 настоящего Кодекса» заменить словами «в котором указывают основание вступления в процесс».

Необходимо отметить, что в ГПК Таджикской ССР 1963 года не предусматривалась возможность обжалования отказа суда третьему лицу, не заявляющему самостоятельные требования на предмет спора, а также другим лицам, участвующим в деле, в допуске или привлечении к участию в чужом гражданском деле. Этого права третьему лицу данного вида и другим лицам, участвующим в деле, не предоставляет и действующий ГПК РТ. Однако отказ суда третьему лицу, не заявляющему самостоятельные требования на предмет спора, в допуске к участию в чужом гражданском деле препятствует участию последнего в гражданском процессе. Поэтому предлагаем наделить третьих лиц данного вида правом на обжалование упомянутого определения суда и дополнить ст. 45 ГПК РТ 2007 года частью пять следующего содержания: «5. О вступлении в дело третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, выносится определение суда, на которое лица, участвующие в деле, могут подать жалобу ил протест».

Таким образом, в теории гражданского процессуального права в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года наиболее дискуссионными были вопросы, касающиеся порядка и основания вступления третьих лиц в чужой процесс, определения ответчика по иску третьего лица, а также проблемы, связанные с возможностью обжалования отказа суда в допущении третьего лица для участия в деле. Дискуссии во многом были обусловлены несовершенством вышерассмотренных норм, определяющих правовое положение третьих лиц в гражданском процессе.

Что касается норм ГПК РТ 2007 года, регулирующих участие третьих лиц в гражданском процессе, то они сохранили преемственность по отношению к нормам ГПК Таджикской ССР 1963 года. Вместе с тем урегулирование общественных отношений с участием третьих лиц в гражданском процессе в новом ГПК РТ получило дальнейшее развитие.

Во-первых, расширена возможность подачи жалобы или протеста на определение суда о допуске в чужой процесс третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора.

Во-вторых, возможность участия в чужом процессе третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, по ходатайству сторон или прокурора сохранена и развита: в настоящее время этим правом могут пользоваться все лица, участвующие в деле (ч. 3 ст. 45 ГПК РТ).

В-третьих, отсутствует правомочие суда на привлечение в чужой процесс по своей инициативе третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, что свидетельствует об усилении роли принципа диспозитивности в действующем гражданском процессуальном законе.

В-четвертых, предусматривается форма и содержание ходатайства третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, а также лиц, участвующих в деле, о вступлении или привлечении третьего лица в чужой процесс.

Наряду с этим анализ нового ГПК РТ показывает, что нормы, регулирующие участие третьих лиц в гражданском процессе, нуждаются в дальнейшем усовершенствовании. Кроме ранее изложенных, предлагаем следующие суждения, направленные на дальнейшее развитие указанных норм.

В действующем гражданском процессуальном законе предусмотрено, что как третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, так и третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, могут вступить в гражданский процесс до принятия судебного акта (ч. 1 ст. 44 и ч. 1 ст. 45 ГПК РТ 2007 года). Однако судебным актом является любое судебное определение (ч. 5 ст. 14 ГПК РТ 2007 года), в том числе судебное определение о принятии искового заявления (ст. 136 ГПК РТ 2007 года). Поэтому предлагаем уточнить содержание ч. 1 ст. 44 ГПК РТ 2007 года следующим образом: после слова «инстанции» записать слова «которым заканчивается разбирательство дела». Идентичные дополнения целесообразно внести в ч. 1 ст. 45 ГПК РТ 2007 года.

2.3. Лица, участвующие в гражданском деле с целью защиты права и законного интереса другого лица

2.3.1. Участие прокурора в гражданском процессе

В достижении целевых установок, стоящих перед гражданским процессом, особую роль выполнял и выполняет прокурор. Прежде всего, следует заметить, что согласно ГПК Таджикской ССР 1963 года прокурор являлся лицом, участвующим в деле (ст. 96). По новому ГПК РТ прокурор также входит в состав лиц, участвующих в деле. Прокурор, как лицо, участвующее в деле, на основании вышеуказанных кодексов также имел и имеет следующие признаки: во-первых, он вступает в дело в защиту чужого права (интереса); во-вторых, его процессуальные действия способствуют возникновению, движению и прекращению гражданского дела в суде; в-третьих, вышеназванный субъект обладает процессуально-правовой заинтересованностью в исходе дела. В связи с

тем, что прокурор являлся и является лицом, участвующем в деле, на него полностью распространялись и распространяются общие положения, касающиеся правового положения лиц, участвующих в деле (ст. ст. 96, 97 ГПК Таджикской ССР 1963 года, ст. ст. 36, 37 ГПК РТ 2007 года). Кроме того, процессуальному положению прокурора, основаниям и формам его участия в гражданском процессе была посвящена специальная глава в ГПК Таджикской ССР 1963 года, которая называлась «Участие прокурора в процессе (гл. 15)». Что касается нового ГПК РТ, то в нем предусмотрена одна статья, т. е. статья 45, которая определяет основания и формы участия прокурора в гражданском процессе.

Проблема участия прокурора в гражданском судопроизводстве получила достаточную разработку в юридической науке. Она была и остается объектом монографических [106; 125; 63; 72] и диссертационных исследований [318; 323; 299; 306; 307].

Некоторые аспекты института участия прокурора в гражданском судопроизводстве рассматривались и рассматриваются в контексте с другими вопросами теории гражданского процессуального права [87; 214; 219; 146]. Также участию прокурора в гражданском процессе посвящались и посвящаются отдельные научные статьи [260, с. 70-78; 232, с. 59-64; 235, с. 42-47; 247, с. 5-6; 246, с. 12-16; 153, с. 10, с. 65]. Несмотря на достаточную урегулированность процессуального положения прокурора в гражданском процессуальном законодательстве и соответствующую разработанность проблемы в юридической науке, многие её стороны были и до сих пор остаются дискуссионными. Прежде всего, многолетняя дискуссия ведется среди ученых о функциях и процессуальном положении прокурора в гражданском судопроизводстве.

«Внутреннее содержание, сущность деятельности любого субъекта права находит проявление в функциях» [63; с. 25]. Так, по мнению В.Н. Щеглова, в гражданском судопроизводстве возможны две функции прокурора: «функция надзора, имеющая цель строгого соблюдения процессуальных и материально-правовых норм и предупреждения правонарушений в ходе процесса, и функция иска, направленная на устранение правонарушений, установленных прокурорским

надзором до процесса» [219, с. 98-99]. Однако в соответствии со ст. 116 ГПК Таджикской ССР 1963 года прокурор также мог предъявить заявление о возбуждении дел особого производства и производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений, что выходило за рамки искового производства. Аналогичные полномочия прокурора предусмотрены и в ч. 1 ст. 47 ГПК РТ 2007 года. Поэтому нельзя ограничивать участие прокурора в гражданском процессе только функцией иска. Другого взгляда придерживался А.Ф. Козлов. По мнению данного ученого, предъявляя и поддерживая иск, прокурор осуществляет одновременно две функции: законоохранительную и правоохранительную, т. е. «борется с нарушениями законов и защищает права и охраняемые законом интересы граждан (организаций)» [260, с. 76]. Далее А.Ф. Козлов отмечал, что, возбуждая дела особого производства, прокурор реализует только правоохранительную функцию, т. е. «осуществляет защиту охраняемых законом интересов граждан» [260, с. 76].

Несколько иная точка зрения в процессуальной литературе была высказана Г.Л. Осокиной. Она выделяла функцию реагирования, выполняемую прокурором с целью пресечения и устранения правонарушений, и функцию надзора (наблюдения) с целью выявления правонарушений и их предупреждения [317, с. 6].

В ГПК Таджикской ССР 1963 года прямо указывалось, что «прокурор во всех стадиях гражданского судопроизводства должен своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению всяких нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили» (ч. 2 ст. 13) [33]. В соответствии с Конституционным законом «Об органах прокуратуры в Республике Таджикистан» от 11 марта 1996 года [36] прокурор, осуществляя надзор за единообразным и точным исполнением законов, должен был не только выявлять факты нарушения законов, но и применять все способы и средства в целях устранения выявленных нарушений.

Соответственно в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года и гражданское судопроизводство как разновидность государственной деятельности,

осуществляемой исключительно на основе принципа законности, являлось объектом прокурорского надзора.

Поэтому, на наш взгляд, мнение авторов, полагавших, что прокурор, возбудивший гражданское дело путем подачи заявления, не мог осуществлять функцию надзора, являлось необоснованным. Ведь прокурор как в случае возбуждения в суде гражданского дела, так в случае вступления в начатый процесс оставался прокурором, т. е. государственным органом, призванным осуществить надзор за точным и единообразным исполнением законов. Более того, участвуя в суде первой инстанции, прокурор «мог и должен был немедленно реагировать на любые нарушения закона, от кого бы они не исходили» [63, с. 27]. Тем самым прокурор способствовал своевременному выявлению и устранению нарушений норм права в ходе осуществления правосудия по гражданским делам. Осуществляемая в суде надзорная функция прокурора иногда являлась единственной формой надзора за исполнением законов всеми участниками судебного разбирательства (судом, лицами, участвующими в деле, лицами, содействующими осуществлению правосудия). Эту проблему вышестоящие суды не могли решить, поскольку при разбирательстве дел в суде первой инстанции не участвовали. Тем самым немедленно, следовательно, эффективно, на правонарушения в ходе разбирательства дела реагировать не могли [63, с. 27].

Таким образом, завершая освещение вопроса о функциях, осуществляемых прокурором в гражданском судопроизводстве в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года, приходим к следующим выводам. Прокурор в силу закона был призван обеспечить единообразное и точное соблюдение законов всеми субъектами права. Прокурору была вменена не только обязанность обнаружения нарушения законов, но и принятия всех мер для их устранения. Отсюда прокурор в гражданском процессе, прежде всего, выполнял функцию надзора, так как деятельность судов по рассмотрению и разрешению гражданских дел являлась объектом прокурорского надзора [219, с. 98]. Реализация прокурором функции надзора проявлялась, прежде всего, в форме вступления в дело для дачи заключения (в судах первой, кассационной, надзорной инстанций).

Также в случаях подачи иска (заявления), кассационного протеста, протеста в порядке надзора и заявления по вновь открывшимся обстоятельствам прокурор, будучи представителем государства, продолжал выполнять функцию надзора. В случаях обнаружения прокурором нарушений закона, затрагивающих государственные и общественные интересы, а также интересы отдельных граждан, формой реагирования прокурора, направленной на устранение нарушений закона, являлась подача заявления в защиту права (интереса) другого лица. Именно в этом прослеживалось осуществление другой важной функции прокурора в гражданском процессе: функции защиты права.

Упомянутые две функции прокурора сохранились и в настоящее время. Прокурор выполняет функцию надзора (наблюдения) [149, с. 248] по делам, в которых он участвует для дачи заключения (ч. 3 ст. 47 ГПК РТ 2007 года), а также в соответствии с ч. 4 ст. 47 ГПК РТ 2007 года. В связи с функцией надзора в гражданском процессе, которую осуществлял и осуществляет прокурор, следует отметить, что, во-первых, участие прокурора в гражданском процессе для дачи заключения являлось и является дополнительной возможностью устранения нарушения закона, допущенного судом и другими субъектами гражданского процесса в ходе отправления правосудия по гражданским делам; во-вторых, прокурорский надзор являлся и является дополнительным процессуальным средством устранения судебных ошибок до вступления судебного акта в законную силу, так как выполнение указанной задачи после вступления судебного акта в законную силу связано с определенными сложностями; в-третьих, судебный надзор может эффективно функционировать наряду с прокурорским надзором, т. к. судебный надзор, как и всякий ведомственный надзор, не лишен такого недостатка, как направленность на защиту ведомственных интересов.

Противоречит ли наличие прокурорского надзора в гражданском процессе принципу независимости судей и подчинения их закону? На наш взгляд, не противоречит. Во-первых, протест или заключение представляется прокурором на рассмотрение суда и не носит обязательного характера для последнего. Во-вторых, у прокурора в гражданском процессе – не власть, а права и обязанности.

Потому что действующее гражданское процессуальное законодательство не предусматривает модель властеотношения, в которой одной стороной (властвующим субъектом) является прокурор, а противоположная сторона (например, суд), должна ему подчиняться.

А функцию защиты права прокурор осуществляет в соответствии с ч. 1 ст. 47 ГПК РТ 2007 года.

С функциями прокурора, осуществляемыми в гражданском процессе, связана другая не менее важная и не менее спорная проблема. Речь идет о сущности процессуального положения прокурора в гражданском судопроизводстве. В юридической литературе в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года относительно процессуального положения прокурора в гражданском процессе высказаны разные точки зрения.

Обзор наиболее часто встречающихся взглядов по этому вопросу еще в 60-е годы прошлого столетия был дан Д.М. Чечотом [212, с. 176]. Классификация позиций о процессуальном положении прокурора в гражданском процессе, данная вышеупомянутым автором, как в период действия ГПК РТ 1963 года, так и ныне не потеряла своей актуальности, потому что и в более поздней литературе процессуальное положение прокурора в гражданском процессе определяется авторами далеко не одинаково. Одни авторы считали прокурора, предъявившего иск, стороной особого рода в гражданском деле [155, с. 176]. Другие полагали, что прокурор во всех случаях в гражданском процессе остается представителем государства [211, с. 98-100]. Третьи были склонны признавать прокурора процессуальным истцом (стороной особого рода) в случаях предъявления им иска и одновременно осуществляющим функцию надзора за судебной деятельностью [214, с. 190-191; 317, с. 14; 72, с. 23-25].

Поддерживая позицию третьей группы авторов, хотим заметить, что в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года сущность процессуального положения прокурора в гражданском процессе заключалось в том, что он являлся представителем государства (как при предъявлении заявления в защиту прав и

интересов другого лица, так и при вступлении в дело для дачи заключения) и процессуальным истцом (заявителем) в случаях предъявления иска (заявления).

Ранее нами было упомянуто, что прокурор осуществляет в гражданском процессе функцию надзора, а в некоторых случаях – ещё и функцию защиты права.

Расхождения во взглядах, существующие в юридической литературе по поводу процессуального положения прокурора в гражданском процессе, способствовали расхождениям и в судебной практике. Изучение гражданских дел, рассмотренных районными судами г. Душанбе в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года, показало, что судьи относительно прокурора, предъявившего иск, такие термины, как «представитель государства» и «процессуальный истец» не использовали.

Однако были нередки случаи, когда в материалах дела судьи (например, в протоколе судебного заседания и в судебном решении) именовали прокурора «представителем истца» или «истцом», а истца в материально-правовом смысле наряду с прокурором – соистцом.

Так, транспортный прокурор Республики Таджикистан предъявил иск в интересах Таджикской железной дороги к Л.К. Банновой о взыскании суммы ущерба, нанесенного предприятию в связи с ненадлежащим исполнением ответчиком своих служебных обязанностей. По материалам этого гражданского дела было видно, что прокурор был именован представителем истца (об этом свидетельствовал протокол судебного заседания, а также решение по делу) [364].

Другим примером, наглядно подтверждающим вышеприведенную точку зрения, являлось следующее гражданское дело, рассмотренное Железнодорожным районным судом г. Душанбе (ныне суд района Шохмансур г. Душанбе). Прокурор Железнодорожного района в интересах гражданки В.Д. Солдатенковой предъявил иск к ответчикам: хукумату Железнодорожного района г. Душанбе, Х. Рахимову и В. Рахимову о признании ордера недействительным и выселении. В протоколе судебного заседания по данному гражданскому делу прокурор был именован как истец, а В.Д. Солдатенкова, в интересах которой был предъявлен иск, т. е. субъект

спорного материального правоотношения, значилась соистцом [364]. По поводу этих двух примеров, приведенных из судебной практики в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года, следует отметить, что прокурор не мог быть представителем истца, т. е. субъекта спорного материального правоотношения, кроме случаев, когда лицом, в интересах которого прокурором предъявлен иск, являлось государство. Это объяснялось тем, что представитель сторон выступал от имени и в интересах представляемого. Что касается прокурора, то он выступал от имени государства в целях осуществления функций, возложенных на него Конституцией РТ. Далее, прокурор, предъявивший иск, не являясь предполагаемым или действительным субъектом спорного материального правоотношения, наряду с субъектом нарушенного или оспоренного субъективного права не мог быть соистцом.

Что касается нового гражданского процессуального законодательства, то в нем сохраняется преемственность по отношению ГПК Таджикской ССР 1963 года в вопросах, касающихся правового положения прокурора в гражданском процессе.

Функции и правовое положение прокурора в гражданском процессе предопределяли и предопределяют формы его участия в данном виде государственной деятельности.

В теории гражданского процессуального права в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года относительно форм участия прокурора в гражданском процессе дискуссий не было. Формы участия прокурора в гражданском судопроизводстве были закреплены в ст. 116 ГПК Таджикской ССР 1963 года. Из текста упомянутой статьи можно было сделать вывод о наличии следующих двух форм участия прокурора в гражданском процессе: 1) путем предъявления иска (заявления); 2) путем вступления в начавшийся процесс для дачи заключения. Данные формы сохранились и в новом ГПК РТ, но с существенными изменениями, дополнениями и исключениями (ст. 47).

Каждую форму участия прокурора в правосудии по гражданским делам рассмотрим в отдельности. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве в

форме предъявления иска (заявления). Прокурор, обнаруживший нарушения закона в ходе реализации им своих функциональных полномочий по обеспечению единообразного и точного исполнения законов, в целях их устранения, в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года, мог предъявить иск по всем делам, подведомственным судам. Но в юридической литературе не всегда предъявление иска прокурором признавалось целесообразным. Так, Ю.И. Лутченко считал, что возбуждение прокурором гражданского дела путем предъявления иска не во всех случаях выявления нарушений законов обязательно. Но предъявление иска прокурором необходимо в случаях, когда нарушение действующих норм права носит особо злостный характер, а кроме того, когда дело имеет важное политическое или общественное значение. К вышеперечисленным случаям автор также относил случаи, когда сам истец по тем или иным серьезным причинам не мог защитить свое нарушенное или оспоренное субъективное право [264, с. 103].

По мнению А.Ф. Козлова, необходимо выделить следующие критерии, которыми должен был руководствоваться прокурор при предъявлении иска. Во-первых, наличие каких-либо трудностей, препятствующих самостоятельному пользованию лицом судебной защитой (болезнь, несовершеннолетие) отдельность проживания и пр.); во-вторых, бездействие граждан по защите своих прав, должностных лиц по защите прав учреждения, предприятия, организации, в результате чего существенно ущемляются их интересы; в-третьих, необходимость защиты интересов самого государства; в-четвертых, государственная или общественная значимость подлежащих охране прав и интересов субъектов [260, с. 74-78]. В.Н. Аргунов выделял следующие основания для предъявления прокурором иска в суд: а) необходимость защиты интересов государства, когда правонарушителями являются обе стороны правоотношения; б) правонарушение носит злостный характер вследствие существенной политической и общественной значимости подлежащих защите прав и охраняемых законом интересов [63, с. 88].

Суждения упомянутых авторов послужили теоретическим основанием уточнения в новых ГПК РФ и ГПК РТ случаев подачи прокурорского иска (заявления) в защиту прав и интересов других лиц. Так, в соответствии с ч. 1 ст.

47 ГПК РТ 2007 года «прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, государственных предприятий, учреждений, организаций или интересов Республики Таджикистан. Заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд» [43].

Предъявлению прокурором иска в суд, как в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года, так и настоящее время предшествовала и предшествует большая работа с использованием средств прокурорского надзора. Прокурор, осуществляя общий надзор за единообразным исполнением законов, выявлял и выявляет их нарушения. Далее прокурор, тщательно изучая обстоятельства правонарушения, устанавливал и устанавливает его характер. Если в деянии усматриваются признаки состава преступления, то прокурор возбуждал и возбуждает уголовное дело. В случаях, когда в деянии нет состава преступления и для восстановления субъективного права необходимо подавать в суд иск, то прокурор предъявлял его в защиту общественного или государственного интереса, либо интересов отдельных граждан (ст. 116 ГПК Таджикской ССР 1963 года). По новому ГПК РТ, как ранее мы отмечали, конкретизированы субъекты, в интересах которых прокурор может подать в суд иск (заявление) (ч. 1 ст. 47 ГПК РТ 2007 года).

Проверка прокурором жалоб и заявлений граждан и организаций по поводу противоправных действий других лиц также могла привести к возникновению гражданского дела в суде по ГПК Таджикской ССР 1963 года. Прокурор по итогам проверки указанных жалоб и заявлений в зависимости от характера противоправных деяний мог предъявить в суд иск для защиты прав или интересов другого лица. Перед подачей иска прокурор должен был тщательно разобраться с обстоятельствами дела, собрать необходимые материалы. В этом отношении закон наделял его широкими полномочиями. Прокурор до предъявления иска в суд опрашивал всех лиц, заинтересованных в исходе дела или могущих оказать

иное содействие в установлении обстоятельств дела. Он также мог истребовать письменные и вещественные доказательства. Весь собранный материал представлялся в суд вместе с исковым заявлением. Схожую работу прокурор должен выполнять и в настоящее время.

По поводу материалов, подготовленных прокурором и представленных в суд, в науке возник вопрос о том, есть ли необходимость вторичного допроса в суде свидетелей, давших объяснение прокурору до возникновения гражданского дела? По мнению В.Н. Аргунова, необходимости в таком допросе нет, потому что это приведет к дублированию, а также не соответствует принципу процессуальной экономии [63, с. 87].

Однако, не подвергая сомнению значимость принципа процессуальной экономии, хотим отметить, что необходимо было обеспечение действия и других важных принципов гражданского процесса, таких как принципы непосредственности, законности и объективной истины. В соответствии с принципом непосредственности «суд первой инстанции при рассмотрении дела был обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: заслушать объяснения лиц, участвующих в деле, показания свидетелей, заключения экспертов, ознакомиться с письменными доказательствами, осмотреть вещественные доказательства» (ч. 1 ст. 152 ГПК Таджикской ССР 1963 года) [33]. Данное положение с отдельными дополнениями воспроизведено и в новом ГПК РТ (ч. 1 ст. 160).

Кроме того, субъекты доказывания – лица, участвующие в деле, должны были иметь возможность задать вопросы свидетелям (ч. 1 ст. 97 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Лица, участвующие в деле, вправе задавать вопросы свидетелям и на основании абзаца третьего ч. 1 ст. 37 ГПК РТ 2007 года. В случаях, когда свидетели не вызваны в судебное заседание, реализация процессуального права лиц, участвующих в деле, задавать вопросы свидетелям будет невозможна.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что работа прокурора по сбору материалов и выяснению обстоятельств дела осуществлялась и осуществляется до процесса, а судебная форма защиты права признана наиболее

демократичной и способствует установлению всех обстоятельств дела, действительных взаимоотношений сторон. Поэтому во всех случаях представления прокурором в суд материалов вместе с исковым заявлением, необходимо тщательно исследовать данные материалы в судебном заседании, для чего следует известить всех заинтересованных лиц, а также вызвать лиц, содействующих осуществлению правосудия. Тем самым, суд сможет добиться реализации основных принципов гражданского судопроизводства. Изучение практики в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года показало следующее: изучая жалобы и заявления граждан, прокурор, независимо от того, что заинтересованное лицо могла само обратиться в суд за защитой права, нередко делал это вместо субъекта материального права (истца в материально-правовом смысле). В принципе прокурор во всех упомянутых случаях мог ограничиться рекомендацией гражданину обратиться непосредственно в суд. Однако справедлив и целесообразен первый вариант, которому следовали прокуроры. Дело в том, что возможности прокурора по оперативному сбору доказательственного и фактического материала нельзя сравнивать с аналогичными возможностями граждан и организаций (субъектов спорного материального правоотношения). Поэтому предъявление иска прокурором, как правило, способствовало и способствует своевременному восстановлению нарушенных или оспоренных прав граждан и организаций. Так, все 46 гражданских дел, рассмотренных по искам прокурора в первом полугодии 1996 года в Октябрьском районном суде г. Душанбе (в настоящее время суд района Исмоили Сомони г. Душанбе), были разрешены в первом же судебном заседании. Ни одного случая отложения или приостановления дела в связи с некачественной подготовкой дела к судебному разбирательству нами не было обнаружено [363].

Прокурор, начавший дело в порядке, предусмотренном ст. 5 ГПК, мог дать объяснение первым (ч. 2 ст. 173 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Идентичное право прокурора предусмотрено и в ч. 1 ст. 178 ГПК РТ 2007 года. Дача объяснений прокурором направлена на поддержание иска.

Важной частью судебного заседания признавались и признаются судебные прения. По ГПК Таджикской ССР 1963 года «судебные прения состояли из речей лиц, участвующих в деле, а также представителей общественных организаций и трудовых коллективов, допущенных судом к участию в судебном разбирательстве» (ч. 1 ст. 191) [33]. А в соответствии с ч. 1 ст. 195 ГПК РТ 2007 года «судебные прения состоят из речей лиц, участвующих в деле и их представителей» [43]. Кроме того, прокурор после произнесения речей наряду со всеми участниками прений мог и может выступить вторично в связи со сказанным в речах (ст. 192 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ч. 5 ст. 195 ГПК РТ 2007 года).

Вместе с тем прокурор, предъявивший иск в соответствии со ст. 193 ГПК Таджикской ССР 1963 года, давал заключение по существу дела в целом после судебных прений. ГПК РТ 2007 года не предусматривает отдельной части судебного заседания для дачи прокурором заключения. Поэтому в настоящее время свое заключение прокурор дает в рамках судебных прений (ч. 4 ст. 195 ГПК РТ 2007 года). Такое урегулирование, на наш взгляд, представляется правильным. Дело в том, что заключение прокурора – это мнение (суждение) прокурора по поводу доказательств, исследованных в судебном заседании, юридических фактов предмета доказывания, юридической квалификации взаимоотношений сторон и варианта решения правового спора или вопроса. Отсюда данное мнение может быть высказано в рамках судебных прений, что исключает ненужное дублирование.

В правоведении и в судебной практике в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года возник вопрос о том, сколько раз должен выступать в процессе прокурор, если дело было возбуждено по его инициативе. А.Т. Боннер, сославшись на разъяснения Пленума высшего судебного органа бывшего СССР, считал, что в соответствии со ст. ст. 41, 166, 185 и 187 ГПК РСФСР прокурор, предъявивший иск в защиту прав и интересов других лиц, выступает в судебном заседании трижды: дает объяснение по существу иска и выступает в прениях первым, кроме того, после судебных прений прокурор дает заключение по существу дела в целом [67, с. 12].

Анализ ст. ст. 173, 191, 192, 193 ГПК Таджикской ССР 1963 года показывает, что прокурор в принципе в судебном заседании мог выступать четырежды, так как, кроме случаев, перечисленных А.Т. Боннером, прокурор мог наряду со всеми участниками прений выступить вторично в связи со сказанным в речах.

Другой вопрос, который дискутировался в правоведении в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года, касался целесообразности дачи заключения прокурором, предъявившим иск в защиту нарушенного или оспоренного чужого субъективного права (интереса). Появлению такого рода дискуссий в юридической науке способствовала ст. 193 ГПК Таджикской ССР 1963 года (ст. 187 ГПК РСФСР 1964 года), которая предусматривала полномочие прокурора на дачу заключения без выделения какой-либо конкретной формы его участия в гражданском деле. Так, А.Ф. Козлов считал, что «прокурор, предъявивший иск в защиту чужого права (интереса), не должен давать заключения по существу рассматриваемого дела» [261, с. 40]. Свою позицию вышеназванный автор аргументировал тем, что в этом случае под срывом окажется принцип равноправия сторон, так как у противоположной стороны аналогичных полномочий нет. Кроме того, заключение прокурора может оказать влияние на суд, заранее предопределяя содержание его вердикта по рассматриваемому делу, что можно истолковать как своего рода вмешательство в судебную деятельность. Далее, А.Ф. Козлов отмечал, что прокурор, имея возможность выступить первым в судебном заседании для дачи объяснения и в прениях лиц, участвующих в деле, имеет все возможности для обоснования своей позиции парирования доводов противоположной стороны [261, с. 40]. По мнению В.Н. Щеглова, «если прокурор, когда он предъявил и поддерживает свой иск, выступает в прениях первым и имеет возможность парировать доводы ответчика в реплике, то естественно спросить, о чем он будет говорить в заключении. Едва ли можно себе представить заключение прокурора, в котором он станет опровергать свой иск, если в прениях и в реплике он иск поддерживал и отвергал доводы ответчика» [219, с. 105]. Следует отметить, что указанные взгляды авторов по поводу критики

полномочия прокурора на дачу заключения, вне зависимости от формы его участия в деле, оказали влияние на дальнейшее развитие норм гражданского процессуального закона, регулирующих правовое положение прокурора в гражданском процессе. Дело в том, что новые ГПК РФ и РТ предусматривают возможность дачи прокурором заключения по делу только в случаях вступления его в процесс, уже начавшийся по инициативе других лиц.

Обобщение материалов судебной практики в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года показали, что нормы, регулировавшие процессуальное положение прокурора, обратившегося в суд за защитой нарушенного или оспоренного субъективного права и охраняемого законом интереса других лиц, применялись не одинаково. Нередки были случаи, когда прокурор, подавший иск первым, объяснения не давал, более того, в прениях и в репликах не участвовал. Как правило, прокурор ограничивался дачей заключения.

Также нарушалась последовательность совершения тех или иных процессуальных действий. Здесь речь идет о том, что прокурор ошибочно давал заключение до прений лиц, участвующих в деле. Так, в 18 случаях из 27 гражданских дел, рассмотренных Железнодорожным районным судом г. Душанбе (в настоящее время суд района Шохмансур г. Душанбе) в 1996 году, по иску прокурора в интересах Душанбинской городской электрической сети к абонентам электрической сети о возмещении вреда, причиненного в связи с нарушениями правил использования электрической энергии, прокурор вообще не давал объяснений, более того, он не участвовал и в судебных прениях. Между тем в 16 случаях из 27 прокурор заключение давал до судебных прений [364]. Также следует отметить, что изучение содержания выступлений прокурора показало, что прокурор нередко к выполнению своих обязанностей относился формально. В случаях, когда он принимал участие в судебных прениях, как правило, ограничивался одной фразой: «иск удовлетворить» или «в удовлетворении иска отказать». Об этом свидетельствовали материалы изученных нами гражданских дел [366].

Далее рассмотрим заключение прокурора в гражданском процессе. Как ранее нами отмечалось, согласно ст. 193 ГПК Таджикской ССР 1963 года прокурор, участвующий в деле, давал заключение по существу дела в целом после судебных прений. По ГПК РТ 2007 года прокурор свое заключение дает в рамках судебных прений (ч. 4 ст. 195).

Прокурор мог и может давать заключение, как по существу рассматриваемого дела, так и по отдельным вопросам процессуально-правового характера, возникающим в ходе его рассмотрения. В связи с этим в юридической литературе заключения прокурора в зависимости от вида судебных постановлений классифицируются на два вида: на заключение по существу судебного решения и заключение по существу судебных определений [63, с. 103]. Заключения прокурора, как правило, способствовали и способствуют достижению задач гражданского судопроизводства, полноте фактического и доказательственного материала, правильному решению отдельных вопросов, возникающих в ходе разбирательства дела, а также вынесению законного и обоснованного судебного акта. В этом плане особую ценность для суда представляло и представляет заключение прокурора, содержащее всесторонний анализ имеющихся в деле доказательств [63, с. 105].

Изучение судебной практики по гражданским делам районных судов г. Душанбе в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года показало, что не всегда заключения прокурора соответствовали требованиям, предъявляемым к этому прокурорскому акту. Прежде всего, нередко были случаи, когда прокурор, участвующий в деле, вообще не давал заключений, как по существу рассматриваемого спора, так и по частным вопросам, возникающим в ходе рассмотрения гражданского дела. На упомянутые недостатки мы ранее уже обращали внимание. Во-вторых, содержание некоторых заключений показывало, что прокурор, участвующий в деле, недостаточно ознакомлен с материалами дела, так как в заключении прокурора по существу спора отсутствовал анализ доказательств, исследованных в судебном заседании. Более того, не было ссылок на нормы материального права, регулирующих спорное материальное

правоотношение. Тем самым существенный урон наносился воспитательному воздействию судебного заседания, чего, бесспорно, нельзя было допускать. Как справедливо по этому поводу писал В.Н. Щеглов: «Выступление прокурора в прениях или с заключением очень важно для суда, обязанного вынести законное и обоснованное решение, и играет большую воспитательную роль. Оно должно быть хорошо подготовленным, основанным на глубоком знании и правильном толковании закона, на умелом анализе судебных доказательств и объективно истинных выводах о фактах, объективным и убедительным» [219, с. 109]. Никак не могли соответствовать, вышеприведенным требованиям заключения прокурора по существу рассматриваемого спора, которые состояли из двух слов: «иск удовлетворить». Даже с такого рода заключениями нам пришлось столкнуться в ходе изучения материалов гражданских дел, рассмотренных судами г. Душанбе в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года [365]. Для выявления причин допущения прокурорами, участвовавшими в деле, указанных недостатков, нами проводилось интервьюирование отдельных прокуроров. Итоги интервьюирования показали, что прокуроры усматривали причину недостатков в заключениях в том, что они нередко о рассматриваемом гражданском деле узнавали чуть ли не в день судебного заседания. В результате этого они (прокуроры) не имели возможности должным образом подготовиться к участию в судебном заседании. Действительно, в материалах изученных нами гражданских дел нередко отсутствовали документы, свидетельствующие о надлежащем извещении прокурора [366], что свидетельствовало о грубом нарушении судом ч. 2 ст. 89 ГПК Таджикской ССР 1963 года. Схожее предписание предусмотрено и в ч. 2 ст. 115 ГПК РТ 2007 года. Обобщение судебной практики показывает, что проблема надлежащего извещения прокурора о времени и месте судебного заседания актуальна и в настоящее время [368].

Кроме того, прокурору вместе с судебной повесткой необходимо было направлять копию искового заявления. Такая необходимость актуальна и в настоящее время. В результате этого у прокурора появляется возможность заранее ознакомиться с материалами гражданского дела и надлежащим образом

подготовиться к судебному заседанию. В связи с этим необходимо внести изменение в абзац первый ст. 135 ГПК РФ 2007 года, т. е. вместо слов: «копия искового заявления в соответствии с количеством ответчиков и третьих лиц», следует записать: «копия искового заявления в соответствии с количеством лиц, участвующих в деле».

Наряду с этим, по мнению прокуроров, с которыми проводилось интервьюирование, другой причиной недостатков в заключениях являлось то, что секретари судебного заседания в протоколе искаженно приводили его содержание. Поскольку протокол судебного заседания являлся и является единственным процессуальным документом, отражающим ход судебного заседания, необходимо несколько изменить порядок его составления, т. е. прокурор обязан ознакомиться с протоколом судебного заседания и расписаться под своим заключением. Упомянутое положение в случае его закрепления в законе будет способствовать осуществлению принципа законности. Ведь протокол судебного заседания является важным процессуальным документом, на основании которого вышестоящий суд проверяет деятельность нижестоящего суда. Вместе с тем упомянутое новшество окажет содействие в том, что суд, а также секретарь судебного заседания будут относиться более ответственно к своим обязанностям по надлежащему составлению протокола судебного заседания. В связи с изложенным ч. 4 ст. 235 ГПК РФ 2007 года следует дополнить следующим положением: после слов: «Протокол подписывается председательствующим на судебном заседании и секретарем судебного заседания» написать «а также лицами, участвующими в деле».

Следует отметить, что в юридической литературе обращалось внимание на то, из каких частей должно состоять заключение прокурора по существу дела. Так, В.Н. Аргунов писал, что «выступление прокурора с заключением по существу дела в целом должно содержать: правовую основу, выводы о фактических обстоятельствах дела, о правах и обязанностях спорящих сторон, анализ доказательств и доказывания по делу, рекомендации суду» [63, с. 111].

Кроме того, авторы в своих работах рекомендуют схему выступления прокурора, как в судебных прениях, так и с заключением [219, с. 107, 63, с. 111]. Использование работниками прокуратуры вышеупомянутых схем способствовало бы устранению недостатков, допускаемых при участии прокурора в гражданском процессе, а также качественному осуществлению им функции надзора.

Таким образом, по ГПК Таджикской ССР 1963 года прокурор имел широкую компетенцию по предъявлению в суд заявления, направленного на защиту прав и интересов других лиц, а также вступления в начавшийся процесс для дачи заключения. В период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года, прокурор в силу закона был призван обеспечить единообразное и точное соблюдение законов всеми субъектами права. Прокурору была вменена обязанность не только обнаружения нарушений законов, но и принятия всех мер для их устранения. Отсюда прокурор в гражданском процессе, прежде всего, выполнял функцию надзора, так как деятельность судов по рассмотрению и разрешению гражданских дел являлась объектом прокурорского надзора.

Упомянутые две функции прокурора сохранились и в настоящее время. Прокурор выполняет функцию надзора (наблюдения) [149, с. 248] по делам, в которых он участвует для дачи заключения (ч. 3 ст. 47 ГПК РТ 2007 года), а также в соответствии с ч. 4 ст. 47 ГПК 2007 года. В связи с функцией надзора в гражданском процессе, которую осуществлял и осуществляет прокурор, следует отметить, что, во-первых, участие прокурора в гражданском процессе для дачи заключения являлось и является дополнительной возможностью устранения нарушения закона, допущенного судом и другими субъектами гражданского процесса в ходе отправления правосудия по гражданским делам; во-вторых, прокурорский надзор являлся и является дополнительным процессуальным средством устранения судебных ошибок до вступления судебного акта в законную силу. Общеизвестно, что устранение судебных ошибок после вступления судебного акта в законную силу чревато определенными сложностями; в-третьих, судебный надзор может эффективно функционировать наряду с прокурорским надзором, т. к. судебный надзор, как и всякий

ведомственный надзор, не лишен такого недостатка, как направленность на защиту ведомственных интересов.

Противоречит ли наличие прокурорского надзора в гражданском процессе принципу независимости судей и подчинения их закону? На наш взгляд, не противоречит. Во-первых, протест или заключение представляется прокурором на рассмотрение суда и не носит обязательного характера для последнего. Во-вторых, у прокурора в гражданском процессе – не власть, а права и обязанности. Потому что действующее гражданское процессуальное законодательство не предусматривает модель властеотношения, в которой одной стороной (властвующим субъектом) является прокурор, а противоположная сторона (например, суд), должна ему подчиняться.

В ГПК РТ 2007 года правовой статус прокурора был усовершенствован, приведен в соответствие с принципами диспозитивности, состязательности и равноправия сторон в гражданском процессе. При этом за основу был взят один из основных принципов современного гражданского права, т. е. принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела. В результате компетенция прокурора в гражданском процессе существенным образом ограничена. Определены случаи, когда прокурор имеет права на подачу заявления в интересах других лиц.

В рамках второй формы участия прокурора в гражданском процессе установлены дела, в которых участие прокурора обязательно на основании закона. Возможности привлечения прокурора для участия в процессе по инициативе суда и вступления в чужой процесс по инициативе самого прокурора исключены из гражданского процессуального закона.

Вместе с тем нормы, регулирующие участие прокурора в гражданском процессе, требуют дальнейшего развития. Кроме ранее изложенных, предлагаем следующие суждения, направленные на дальнейшее развитие указанных норм.

Во-первых, несмотря на то, что нормы ГК РТ четко различают собственность Республики Таджикистан и собственность административно-

территориальных единиц (например, ст. 282 ГК РТ), действующий ГПК РТ не учитывает их. Так, в ч. 1 ст. 47 ГПК РТ сказано, что прокурор может подавать заявления только в интересах РТ. Отсюда предлагаем ч. 1 ст. 47 ГПК РТ дополнить следующим образом: после слов «Республики Таджикистан» необходимо записать слова «и административно-территориальных единиц» и далее по тексту.

Во-вторых, считаем преждевременным ограничение полномочий прокурора по защите прав и интересов граждан до создания социальной адвокатуры. В связи с этим предлагаем расширить полномочия прокурор по защите социальных прав граждан. Для этого предлагаем за основу взять предписание, изложенное в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ.

В-третьих, дальнейшая оптимизация и повышение эффективности взаимодействия прокуратуры с судом в гражданском судопроизводстве должна основываться на взвешенном подходе, учитывающем положительный исторический правовой опыт советского Таджикистана, передовой зарубежный опыт, а также современное состояние общества и государства

2.3.2. Участие органов государственной власти, органов местного самоуправления, граждан и юридических лиц в гражданском процессе для защиты прав и законных интересов других лиц

Среди лиц, участвующих в деле, особое место занимают органы государственного управления, профсоюзы, предприятия, учреждения, организации и отдельные граждане, защищающие в гражданском процессе права других лиц (ст. ст. 5, 119 ГПК Таджикской ССР 1963 года). В новом ГПК РТ название упомянутых органов уточнено (ст. ст. 48 и 49 ГПК РТ 2007 года). Вместо термина «органы государственного управления» используются термины «органы государственной власти» и «органы местного самоуправления», что соответствует действующему в РТ законодательству. Слова «предприятия», «учреждения» и «организации» заменены обобщающим термином «юридические лица». На наш взгляд, более удачным является термин «организации», ибо в порядке ч. 2 ст. 5 ГПК РТ 2007 года возможно участие в гражданском процессе

также организаций, не имеющих статус юридического лица (например, комиссия по защите прав ребенка). Отсюда предлагаем в ст. 48 нового ГПК РТ заменить слова «юридические лица» на слово «организации».

Являясь лицами, участвующими в деле (ст. 96 ГПК Таджикской ССР 1963 года), органы государственного управления, профсоюзы и другие субъекты, участвующие в гражданском деле в порядке п. 3 ч. 1 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года, обладали следующими признаками:

- 1) защищали в процессе не своё, а чужое право или интерес;
- 2) имели процессуально-правовой интерес в исходе дела;
- 3) не являлись предполагаемым или действительным субъектом спорного материального правоотношения, являющегося объектом рассмотрения и разрешения в суде;
- 4) на них не распространялась материально-правовая сила судебного решения;
- 5) совершали процессуальные действия от своего имени (в этом заключалось их отличие от судебных представителей). Эти же признаки присущи и субъектам, участвующим в гражданском процессе в настоящее время в порядке ст. ст. 48 и 49 нового ГПК РТ. Они уже были освещены в соответствующих частях нашей работы, поэтому нет необходимости вновь их рассматривать.

Процессуальное положение органов государственного управления, профсоюзов и других субъектов, участвующих в гражданском деле в порядке п. 3 ч. 1 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года, регулировались ст. ст. 97, 119, 162, 164, 173 и др. упомянутого кодекса.

Вместе с тем основанием участия в гражданском процессе органов государственного управления, профсоюзов, предприятий, учреждений, организаций и отдельных граждан, защищающих права других лиц в порядке п. 3 ч. 3 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года, являлся процессуально-правовой интерес. Процессуально-правовой интерес вышеперечисленных субъектов в исходе дела предопределял их активное участие в гражданском деле. Если процессуально-правовой интерес органов государственного управления и

профсоюзов носил служебный характер и был обусловлен выполняемой ими функцией управления в той или иной сфере общественной жизни, то процессуально-правовой интерес других субъектов данной группы (предприятий, учреждений, организаций и граждан) не был связан с функцией государственного управления, а лишь носил общественный характер и не трансформировался в служебный интерес. В настоящее время основанием участия в гражданском процессе органов государственной власти и органов местного самоуправления, для защиты прав и интересов других лиц является служебный интерес. Что касается основания участия в гражданском процессе организаций и отдельных граждан для защиты чужих прав и интересов от своего имени, то таковым признается общественный интерес.

В п. 3 ч. 1 ст. 5 и ч. 1 ст. 119 ГПК Таджикской ССР 1963 года акцент делался на то, что «органы государственного управления, профсоюзы, предприятия, учреждения, организации и отдельные граждане могут обратиться в суд за защитой прав и интересов других лиц в случаях, предусмотренных законом» [33]. По новому ГПК РТ упомянутые субъекты также вправе защищать чужие права и интересы только в случаях, предусмотренных законом (ч. 2 ст. 5 и ч. 1 ст. 48 ГПК РТ 2007 года). В связи с изложенным возникал и возникает закономерный вопрос: какие случаи законодатель имел и имеет в виду? Прежде всего, имелись и имеются в виду случаи, закрепленные не только в ГПК Таджикской ССР 1963 года (например, ст. ст. 271, 279) и в новом ГПК РТ (например, ст. ст. 286, 295), но и в других законодательных актах.

Следовательно, для обеспечения принципа законности в ходе осуществления правосудия по гражданским делам в случаях возбуждения дела по инициативе субъектов, перечисленных в п. 3 ч. 3 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ст. 48 ГПК РТ 2007 года, необходимым было и остается наличие не только права на предъявление иска у истца в материально-правовом смысле, но и наличие другой предпосылки – предусмотренного законом права на предъявление иска в защиту прав и интересов другого лица. Как справедливо указывалось в юридической литературе, «из-за отсутствия в ГПК даже примерного перечня

случаев возможности предъявления исков для защиты прав и интересов других лиц в судебной практике возникают трудности» [214, с. 116]. Поскольку нередко не только обращающиеся в суд за защитой права других лиц, но и суды не могут установить: принадлежит ли лицу, обращающемуся в суд, право на предъявление в данном конкретном случае иска в защиту прав и интересов другого лица [131, с. 174-175]? Данная проблема не потеряла своей актуальности и в настоящее время.

В связи с этим в юридической литературе авторы предлагали разные варианты решения указанной проблемы. Так, еще в 1965 году П.П. Гуреев предлагал, чтобы в ГПК (имелись в виду ГПК РСФСР 1964 года и ГПК других республик бывшего СССР) был предусмотрен перечень таких случаев, включив в него следующие категории дел: об отмене усыновления; о лишении родительских прав; о взыскании алиментов на детей; об изъятии имущества, которое используется собственником для извлечения нетрудового дохода; о взыскании неосновательного обогащения и т. д. [240, с. 381-382]. Позиция П.П. Гуреева была поддержана другими учеными [131, с. 175].

В целом одобряя позицию П.П. Гуреева, лишь заметим, что вышеуказанный перечень гражданских дел был приведен автором без учета своеобразия правового положения субъектов, участвующих в гражданском процессе, в порядке п. 3 ч. 1 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года (п. 3 ч. 1 ст. 4 ГПК РСФСР 1964 года). Автор в своём предложении не учитывал того, что не все субъекты, участвующие в гражданском процессе в порядке п. 3 ч. 1 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года (п. 3 ч. 1 ст. 4 ГПК РСФСР 1964 года) одинаково могли предъявлять в суд заявления по всем гражданским делам, приведенным в его перечне. Так, с иском о взыскании алиментов в интересах другого лица в суд могли обратиться только органы государственного управления. Ныне такое право имеют органы государственной власти и органы местного самоуправления. А другие субъекты, перечисленные в п. 3 ч. 1 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года и в ч. 1 ст. 48 ГПК РТ 2007 года, не располагали и не располагают таким правомочием. Поэтому законодательное закрепление предложения П.П. Гуреева без учета особенностей правового положения субъектов, участвующих в гражданском процессе в порядке

п. 3 ч. 1 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ч. 1 ст. 48 ГПК РТ 2007 года, могло и может привести к нарушению законности в правоприменительной деятельности судебных органов.

В связи с названной проблемой своеобразную позицию занимал Н.В. Ченцов. С точки зрения Н.В. Ченцова, защита государственных интересов в исковом производстве предполагала расширение процессуальных полномочий органов государственного управления, т. е. предоставление им права обращаться в суд с заявлением в интересах государства во всех необходимых случаях. Следовательно, по мнению Н. В. Ченцова, в ч. 1 ст. 42 ГПК РСФСР 1964 года (ч. 1 ст. 119 ГПК Таджикской ССР 1963 года) слова «в случаях, предусмотренных законом» целесообразно было заменить словами «в необходимых случаях» [210, с. 114-115]. Предложение автора не потеряло своей актуальности и в настоящее время.

Прежде всего, следует заметить, что предложение Н.В. Ченцова ныне противоречит принципиальным положениям действующего гражданского права, когда на первый план выдвигается принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела [82, с. 18; 107, с. 22-23]. Органы государственного управления и другие субъекты, участвующие в гражданском деле в порядке п. 3 ч. 1 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ч. 1 ст. 48 ГПК РТ 2007 года, могут вмешиваться в спор между сторонами не «в необходимых случаях», а только в случаях, предусмотренных законом.

Кроме того, выражение «в необходимых случаях», на наш взгляд, является слишком расплывчатым. Оно могло и может дать простор произвольному толкованию со стороны субъектов, участвующих в деле, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года и ч. 1 ст. 48 ГПК РТ 2007 года, что не будет способствовать защите прав и интересов других лиц. В связи с тем, что формула «необходимые случаи» не конкретна, органы государственного управления (органы государственной власти и органы местного самоуправления по терминологии ГПК РТ 2007 года) могли и могут обосновать случаи непредъявления ими заявлений в защиту прав и интересов других лиц

отсутствием необходимости. Изучение судебной практики по гражданским делам районных судов г. Душанбе показало, что в 1993-1997 гг. органы государственного управления и другие субъекты, перечисленные в п. 3 ч. 1 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года, не предъявили не одного иска (заявления) в защиту «чужого» права и интереса [364; 365; 366]. Соответственно вышеприведенное предложение Н.В. Ченцова по внесению изменения гражданский процессуальный закон могло наоборот привести к сложностям в защите прав и интересов других лиц.

Также следует отметить, что в юридической литературе приводилось несколько иное толкование ст. 42 ГПК РСФСР 1964 года (ст. 119 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Так, С.А. Иванова считала, что «в данной норме отсутствует слово «только» и сделано это не случайно, так как все случаи, когда для того или иного органа государственного управления необходимо возбудить дело или вступить в начатое дело, если суд признает необходимым или целесообразным привлечь соответствующий орган государственного управления для дачи заключения по делу, перечислить в законе вряд ли возможно» [253, с. 13].

Анализ ст. 42 ГПК РСФСР 1964 года (ст. 119 ГПК Таджикской ССР 1963 года) показывает, что в этой статье законодатель четко предусматривал возможность участия органов государственного управления в гражданском процессе в форме обращения с заявлением или дачи заключения только в случаях, предусмотренных законом. В связи с этим нельзя согласиться с С.А. Ивановой, ибо она неточно толковала однозначное положение закона о том, что указанные субъекты могут быть инициатором возбуждения гражданского процесса или вступить в уже начавшийся гражданский процесс только в предусмотренных законом случаях.

Исследование, проведенное Г.Л. Осокиной, показало, что в исковом судопроизводстве перечень прямых указаний закона, предусматривающего право на возбуждение гражданского дела от своего имени в защиту прав и интересов других лиц, весьма невелик [146, с. 59]. В монографии автора «Право на защиту в

исковом судопроизводстве (право на иск)» были перечислены все возможные случаи предъявления иска «процессуальными истцами». Достоинством вышеуказанного перечня являлось то, что он был сделан с учетом особенностей правового положения субъектов, участвующих в деле в порядке п. 3 ч. 1 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года. Так как если органы государственного управления имели право на обращение в суд с иском в защиту прав и интересов других лиц почти по всем делам вышеуказанного перечня, то предприятия, учреждения, организации и отдельные граждане имеют право на предъявления иска только по некоторым категориям гражданских дел. Упомянутый перечень не потерял своей актуальности и в настоящее время.

Отсюда, для достижения задач гражданского судопроизводства целесообразно, чтобы в новом ГПК РТ был дан перечень случаев, когда субъекты, указанные в ч. 1 ст. 48 ГПК РТ 2007 года могли бы обратиться в суд за защитой прав и интересов других лиц. Следовательно, перечень прямых указаний закона, предусматривающего право на возбуждение гражданского дела от своего имени в защиту прав и законных интересов других лиц, составленный Г.Л. Осокиной, необходимо принять в качестве приложения к новому ГПК РТ. Это важно также и с точки зрения законодательной техники. В случае принятия нового закона, в котором предусматриваются новые гражданские дела, по которым субъекты, указанные в ч. 1 ст. 48 ГПК РТ 2007 года, могут обратиться в суд с иском в защиту прав и интересов других лиц, в перечень можно будет внести дополнения. При этом структура действующего ГПК РТ останется без изменения. Вместе с тем следует отметить, что нет необходимости включения в этот перечень дел, вытекающих из публично-правовых отношений и дел особого производства, которые могут быть возбуждены по инициативе субъектов, указанных в ч. 1 ст. 48 ГПК РТ 2007 года, поскольку эти дела уже предусмотрены в ныне действующем ГПК РТ (ст. ст. 259, 286, 295 и т. д.).

Ранее нами было отмечено, что органы государственного управления, профсоюзы, предприятия, учреждения, организации и отдельные граждане, защищающие в процессе права и интересы других лиц (ст. 119 ГПК Таджикской

ССР 1963 года), являлись лицами, участвующими в деле. Они как лица, участвующие в деле, были наделены в гражданском процессе широкими правами и выполняли определенные обязанности (ст. 97 ГПК Таджикской ССР 1963 года). Кроме того, органы государственного управления, профсоюзы и другие субъекты, участвующие в гражданском процессе в порядке п. 3 ч. 1 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года, в случае предъявления ими иска в защиту прав и интересов других лиц выполняли в гражданском судопроизводстве функцию иска. Для надлежащей реализации функции иска вышеперечисленные субъекты должны были обладать определенными распорядительными правомочиями: правом изменения основания или предмета иска, увеличения или уменьшения размера исковых требований или отказа от иска. Необходимость обладания субъектами данной группы распорядительными полномочиями в процессе не вызывала сомнений [131, с. 177].

Однако в ст. 120 ГПК Таджикской ССР 1963 года, которая специально посвящалась процессуальным нравам и обязанностям органов государственного управления, профсоюзов, предприятий, учреждений, организаций и отдельных граждан, защищающих права других лиц, упоминалось только о таком распорядительном правомочии, как право на отказ от иска. На наш взгляд, ч. 2 ст. 101 ГПК Таджикской ССР 1963 года, которая посвящалась специальным (распорядительным) правам сторон, не распространялась на субъектов, участвующих в процессе в порядке п. 1 ч. 1 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года и предъявляющих иск в защиту чужого права (интереса), так как в ч. 2 ст. 101 ГПК Таджикской ССР 1963 года говорилось о возможности сторон окончить дело мировым соглашением во всякой стадии процесса. В связи с тем, что лица, участвующие в процессе в порядке п. 3 ч. 1 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года, не являлись и не предполагались субъектами спорного материального правоотношения, то окончить дело мировым соглашением они не могли. Следовательно, ч. 2 ст. 101 ГПК Таджикской ССР 1963 года распространялась только на стороны в материально-правовом смысле. По аналогичным

соображениям нельзя было распространить на стороны в процессуально-правовом смысле и ст. 172 ГПК Таджикской ССР 1963 года.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что субъекты данной группы (процессуальные истцы) пользовались распорядительными полномочиями (кроме права на отказ от иска), о чем свидетельствовала судебная практика, без соответствующего правового основания. Отсюда целесообразно было специально перечислить в законе распорядительные полномочия указанных субъектов. В настоящее время, на наш взгляд, эта проблема удачно решена в действующем гражданском процессуальном законе (ч. 2 ст. 48 нового ГПК РТ).

В период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года дискуссионным являлся и вопрос о праве субъектов данной группы изменить предмет иска [212, с. 134; 131, с. 177-178]. Одни авторы полагали, что органы государственного управления, профсоюзы и другие лица, перечисленные в п. 3 ч. 1 ст. 5 ГПК Таджикской ССР 1963 года (п. 3 ч. 1 ст. 4 ГПК РСФСР 1964 года), могут изменить предмет иска [212, с. 134; 87, с. 47]. Другие наоборот стремились обосновать отсутствие у субъектов данной группы права на изменение предмета иска [131, с. 177-178].

Так, А.А. Мельников писал: «Трудно представить себе, как такое лицо, обратившееся в суд с иском, например, о признании сделки недействительной (что и является предметом данного иска), может изменить предмет иска, если законом прямо установлено, что оно может обратиться в суд только по вопросам недействительности сделки, а не по каким-либо другим вопросам, относящимся к этой сделке» [131, с. 177-178].

Если предметом иска считать способ защиты права или интереса, то истец в процессуально-правовом смысле также мог и может его изменить в зависимости от обстоятельств дела и надлежащего осуществления своего самостоятельного юридического интереса. Так как способ защиты права и интереса являлся и является предметом любого иска независимо от того, кто его предъявляет: лицо, защищающее свое право или интерес, или лицо, защищающее права и охраняемые законом интересы других лиц [145, с. 92-93].

В период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года органы государственного управления в предусмотренных законом случаях могли быть привлечены судом к участию в процессе или вступить в процесс по своей инициативе для дачи заключения по делу в целях осуществления возложенных на них обязанностей или для защиты прав граждан и интересов государства (ч. 2 ст. 119 ГПК Таджикской ССР 1963 года).

Как видно из текста вышеприведенной статьи ГПК Таджикской ССР 1963 года, органы государственного управления давали заключения в гражданском процессе только в случаях, предусмотренных в законе. Однако кроме законодательных актов, регулирующих участие в гражданском процессе органов опеки и попечительства в форме дачи заключения, не было других законов, предусматривающих право остальных органов государственного управления (например, жилищных органов) на аналогичные процессуальные действия. Поскольку в практике нередко возникала необходимость привлечения органов государственного управления в процесс для дачи заключения, то суды были вынуждены привлекать последних на основе руководящих разъяснений высшего судебного органа страны.

В связи с этим представляются справедливыми высказывания некоторых авторов в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года о том, что привлечение в процесс органов государственного управления для дачи заключения на основании руководящих разъяснений высшего судебного органа страны не соответствовало закону [265, с. 86], «не могло заменить законодательного урегулирования данного вопроса и свидетельствовало о его необходимости» [330, с. 23].

Наряду с изложенным следует отметить, что в юридической литературе в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года была высказана мысль о том, что ограничение участия органов государственного управления в процессе для дачи заключения только случаями, предусмотренными законом, является вполне обоснованным.

Так, по мнению В.Н. Гапеева, «законодатель, ограничивая возможность участия органов государственного управления в процессе для дачи заключения лишь случаями, предусмотренными законом, исходил из того, что, хотя решающие полномочия и при участии органов государственного управления принадлежат суду, тем не менее, заключение органов государственного управления серьезным образом влияет на содержание постановляемых решений» [73, с. 47-48].

Далее, цитируемый автор считал, что участие органов государственного управления в процессе «ограничивает судебную власть, и чрезмерное внедрение в процесс возможности вступления в него органов государственного управления приведет к ослаблению двух важнейших принципов судопроизводства: осуществление правосудия только судом и независимости судей» [73, с. 47-48].

На наш взгляд, опасения В.Н. Гапеева по поводу того, что «чрезмерное внедрение в процесс возможности вступления в него органов государственного управления» [73, с. 48] могли привести к ограничению судебной власти и ослаблению вышеупомянутых принципов гражданского судопроизводства, не имели под собой достаточной почвы. Во-первых, суд был не связан с мнением органов государственного управления (хотя бесспорно, что суд в своем постановлении должен был указать мотивы, по которым он не согласен с мнением органа государственного управления) и заключение органа государственного управления исследовалось и оценивалось наряду с другими материалами дела с соблюдением принципов законности и объективной истины; во-вторых, анализ судебной практики в период действия ГПК Таджикской ССР 1963 года показал, что количество гражданских дел с участием органов государственного управления было относительно немногочисленным (так, из 100 изученных нами гражданских дел в 8 принимали участие органы государственного управления для дачи заключения) [366]; в-третьих, участие органов государственного управления в процессе для дачи заключения являлось дополнительной гарантией защиты прав и интересов граждан и организаций, способствовало установлению полноты доказательственного и фактического материала гражданского дела, выяснению

действительных взаимоотношений сторон, вынесению законного и обоснованного судебного решения, и, следовательно, приводило к достижению целевых установок гражданского процесса.

В связи с вышеизложенным, а также в связи с тем, что из-за недостатков правового регулирования возможны были случаи, когда при наличии служебной заинтересованности органа государственного управления закон не наделяет его правом на участие в деле в целях дачи заключения, вполне рациональным было мнение тех авторов, которые высказывались о необходимости снятия всех ограничений с участия органов государственного управления в процессе с целью дачи заключения, предусмотренных ч. 2 ст. 119 ГПК Таджикской ССР 1963 года (ч. 2 ст. 42 ГПК РСФСР 1964 года) [333, с. 117].

Суждения ученых оказали влияние на дальнейшее развитие норм, регулирующих участие субъектов данной группы в гражданском процессе с целью дачи заключения. В настоящее время в ч. 2 ст. 49 ГПК РТ 2007 года предусмотрено: «В случаях, предусмотренных законом, и в иных необходимых случаях, суд по своей инициативе может привлечь к участию в деле соответствующие государственные органы или органы местного самоуправления для достижения тех же целей» [43]. Указанное новшество будет способствовать тому, что суд всякий раз будет привлекать в процесс органы государственной власти и органы местного самоуправления для дачи заключения на основании руководящих разъяснений высшего судебного органа Республики Таджикистан или по своему усмотрению, исходя из обстоятельств гражданского дела, а также содействуя данным субъектам в осуществлении возложенных на них обязанностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного диссертационного исследования предлагаются следующие выводы:

1. Предпосылками, обуславливающими развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе РТ являются: - принятие Конституции РТ 1994 года, которая провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью, гарантировала право каждого на судебную защиту, предусмотрела необходимость осуществления правосудия по гражданским делам на основании принципов состязательности и равноправия сторон; - признание РТ ряда международных правовых актов, в которых предусмотрены стандарты права на справедливое судебное разбирательство; - принятие и необходимость реализации программ судебно-правовых реформ на 2007-2010 гг., 2011-2013 гг., 2015-2017 гг., 2019-2021 гг.; - изменение правопонимания; - необходимость гармонизации гражданского процессуального законодательства РТ с гражданским процессуальным законодательством стран СНГ и Европейского союза; - необходимость выявления и устранения пробелов и коллизий норм данного института; - необходимость создания эффективного, компактного и мобильного механизма отправления правосудия по гражданским делам [13-А].

2. Основными принципами развития института лиц, участвующих в деле, должны быть преемственность и эволюция в развитии.

3. С учетом различий в функциях, осуществляемых лицами, участвующими в деле, можно произвести следующую их классификацию: а) лица, осуществляющие функцию иска (истцы (процессуальные истцы), третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора); б) лица, осуществляющие функцию защиты против иска (ответчики); в) лица, осуществляющие функцию содействия истцу в поддержании иска (третьи лица, участвующие на стороне истца); г) лица, осуществляющие функцию содействия ответчику в защите против иска (третьи лица, участвующие на стороне ответчика); д) лицо, осуществляющее функцию надзора за законностью в гражданском процессе (прокурор), в случаях его участия в деле для дачи

заклучения; е) лица, осуществляющие функцию дачи заключения по гражданскому делу (органы государственной власти и органы местного самоуправления).

4. Наделение структурного подразделения элементом гражданской, а также гражданско-процессуальной правоспособности при отсутствии у него других существенных атрибутов юридического лица не расширяет принцип доступности судебной защиты, а наоборот, осложняет гражданское судопроизводство. В связи с этим, на наш взгляд, нет достаточных оснований для одобрения предложений, сделанных некоторыми авторами в правовой литературе относительно наделения структурных подразделений, не обладающих статусом юридического лица, гражданской процессуальной правоспособностью сторон.

5. Нормы ГПК Таджикской ССР 1963 года, определяющие гражданскую процессуальную дееспособность субъектов гражданского процесса, в том числе и лиц, участвующих в деле для защиты своих прав и интересов, вплоть до момента принятия ГПК РТ 2007 года не учитывали ряд существенных изменений, внесенных в новые ГК РТ, СК РТ, ТК РТ и КоАП РТ, касающихся материальной дееспособности [4-А].

Анализ ст. 39 нового ГПК РТ показывает, что в основном она воспроизводит содержание ст. 99 ГПК Таджикской ССР 1963 года. Вместе с тем развитие норм материального права, регулирующих вопросы материально-правовой дееспособности, обусловило развитие норм, регулирующих гражданскую процессуальную дееспособность [4-А].

6. Правовой статус лиц, участвующих в деле, определяется комплексно на базе Конституции Республики Таджикистан, международных правовых актов, признанных Республикой Таджикистан, и других источников гражданского процессуального права, которые образуют целостную взаимосвязанную систему.

7. Часть норм института лиц, участвующих в деле, изложенных в новом ГПК РТ, сохранили преемственность с ГПК Таджикской ССР 1963. Из ГПК Таджикской ССР 1963 года законодатель постарался взять все лучшее, проверенное, обоснованное практикой.

8. Нормы ГПК РТ 2007 года, регулирующие участие третьих лиц в гражданском процессе, сохранили преемственность по отношению к ГПК Таджикской ССР 1963 года. Вместе с тем урегулирование общественных отношений с участием третьих лиц в гражданском процессе в новом ГПК РТ получило дальнейшее развитие [12-А].

Во-первых, расширена возможность подачи жалобы или протеста на определение суда о допуске в чужой процесс третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора. Во-вторых, возможность участия в чужом процессе третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, по ходатайству сторон или прокурора сохранена и развита. В-третьих, отсутствует правомочие суда на привлечение в чужой процесс третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора по своей инициативе, что свидетельствует об усилении роли принципа диспозитивности в действующем гражданском процессуальном законе. В-четвертых, предусматривается форма и содержание ходатайства третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, а также лиц, участвующих в деле, о вступлении или привлечении третьего лица в чужой процесс. В-пятых, расширен перечень прав, связанных с распоряжением иска, которыми не обладают третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования на предмет спора [12-А].

9. Считается преждевременным ограничение полномочий прокурора по защите прав и интересов граждан до создания социальной адвокатуры. В связи с этим предлагаем расширить полномочия прокурора по защите социальных прав граждан [17-А].

10. Дальнейшая оптимизация и повышение эффективности взаимодействия прокуратуры с судом в гражданском судопроизводстве должна основываться на взвешенном подходе, учитывающем положительный исторический правовой опыт советского Таджикистана, передовой зарубежный опыт, а также современное состояние общества и государства [17-А].

Рекомендации по практическому использованию результатов исследования:

1. В состав лиц, участвующих в деле, предусмотренный ст. 36 ГПК РТ, должны быть включены заявители и заинтересованные лица по делам, возникающим из публичных правоотношений, а также взыскатели и должники по делам приказного производства, которые имеют все признаки лиц, участвующих в деле. Отсюда предлагается внести следующее дополнение в ст. 36 ГПК РТ: после слова «производства» в конце данной статьи записать следующие слова: «и по делам, возникающим из публично-правовых отношений, а также взыскатели и должники по делам приказного производства» [5-А], [15-А].

2. Предлагается внести изменения в текст ст. 38 ГПК РТ, чтобы редакция данной статьи учитывала всех субъектов гражданского процесса, в том числе всех лиц, участвующих в деле и изложить ее следующим образом: «Гражданская процессуальная правоспособность есть способность лица иметь гражданские процессуальные права и обязанности». В связи с тем, что гражданская процессуальная правоспособность есть свойство всех субъектов гражданского процесса, необходимо также решить вопрос о том, чтобы вывести данную статью из главы «Лица, участвующие в деле» раздела I ГПК РТ и разместить ее в главе «Основные положения» данного раздела [21-А]. Такая формулировка ст. 38 ГПК РТ будет охватывать также иностранных граждан и лиц без гражданства, так как упомянутые субъекты могут быть носителями гражданских процессуальных прав и обязанностей, поскольку имеют право обращаться в суды РТ (ч. 1 ст. 387 нового ГПК РТ) [21-А].

3. В связи с тем, что ч. 2 ст. 39 нового ГПК РТ исходит из наличия у несовершеннолетнего, вступившего в брак или признанного полностью дееспособным (эмансипированным), только двух элементов гражданской процессуальной дееспособности, что, на наш взгляд, неверно, предлагаем ч. 2 ст. 39 нового ГПК РТ после слова «обязанности» дополнить словами «а также поручать ведение дела представителю» и далее по тексту [5-А].

4. ГПК РТ не учитывает предписание, изложенное в ч. 1 ст. 31 ГК РТ, которое определяет правовой статус граждан, ограниченных в дееспособности. В связи с этим предлагается ч. 3 ст. 39 ГПК РТ после слова «лет» дополнить словами «а также граждан, ограниченных в дееспособности» и далее по тексту [5-А].

5. В целях обеспечения своевременной защиты прав и законных интересов недееспособных при обнаружении судом поданного ими искового заявления, после возбуждения гражданского дела должно применяться правило, предусмотренное ч. 3 ст. 228 ГПК РТ. В связи с этим предлагается следующая редакция ч. 3 ст. 228 ГПК РТ: « 3. Суд по ходатайству истца или ответчика вправе отменить свое определение об оставлении заявления без рассмотрения по основаниям, указанным в абзацах первом и пятом статьи 227 настоящего Кодекса, если истец или ответчик представят суду доказательства, подтверждающие уважительность причин неявки в судебное заседание и невозможности сообщения о них, либо недееспособное лицо в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет представить в суд письменное согласие своего законного представителя о его вступлении в дело» [5-А].

6. Обосновывается необходимость дополнения ст. 40 ГПК РТ частью четвертой следующего содержания: «4. В случаях, предусмотренных законом, стороной может быть организация, не являющаяся юридическим лицом» [6-А].

7. Процессуальное правопреемство в отличие от правопреемства в гражданском праве не знает деления на общее (универсальное) и частное (сингулярное). Поскольку правопреемнику переходят все процессуальные права и обязанности правопреемника, следовательно, оно может быть только общим. В связи с этим абзац первый ч. 1 ст. 220 ГПК РТ после слова «деле» необходимо дополнить словами «а также в случаях уступки требования, перевода долга и других случаях перемены лиц в обязательствах в спорном правоотношении» [7-А].

8. Предлагается внести в ГПК РТ предписание о том, что иск третьего лица, независимо от места жительства или нахождения первоначального истца,

предъявляется в суд по месту рассмотрения первоначального иска, что можно сделать путем внесения следующего дополнения в ч. 2 ст. 33 ГПК РТ. После слова «иск» следует записать: «а также иск третьего лица» и далее по тексту.

9. Ходатайство третьего лица о вступлении в начавшийся процесс не должно оформляться в соответствии со ст. 134 ГПК РТ (ч. 2 ст. 45 ГПК РТ), так как оно не предъявляет в суд самостоятельного иска. В связи с этим предлагается в первом предложении ч. 2 ст. 45 ГПК РТ слова «в соответствии со статьей 134 настоящего Кодекса» заменить словами «в котором указывают основание вступления в процесс» [12-А].

10. Отказ суда третьему лицу, не заявляющему самостоятельные требования на предмет спора, в допуске к участию в чужом гражданском деле препятствует участию последнего в гражданском процессе. Поэтому предлагаем наделить третьих лиц данного вида правом на обжалование упомянутого определения суда и дополнить ст. 45 ГПК РТ частью пятой следующего содержания: «5. О вступлении в дело третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, выносится определение суда, на которое указанные лица могут подать жалобу или протест» [12-А].

11. По ГПК РТ, третьи лица могут вступить или привлекаться в гражданский процесс до принятия судебного акта (ч. 1 ст. 44 и ч. 1 ст. 45 ГПК РТ). Однако судебным актом является любое судебное определение (ч. 5 ст. 14 ГПК РТ), в том числе судебное определение о принятии искового заявления (ст. 136 ГПК РТ). Поэтому предлагается уточнить содержание ч. 1 ст. 44 ГПК РТ следующим образом: после слова «инстанции» записать слова «которым заканчивается разбирательство дела». Идентичные дополнения целесообразно внести в ч. 1 ст. 45 ГПК РТ [12-А].

12. Несмотря на то, что нормы ГК РТ четко различают собственность Республики Таджикистан и собственность административно-территориальных единиц (например, ст. 282 ГК РТ), действующий ГПК РТ не учитывает их. Так, в ч. 1 ст. 47 ГПК РТ сказано, что прокурор может подавать заявления только в

интересах РТ. Отсюда предлагаем ч. 1 ст. 47 ГПК РТ дополнить следующим образом: после слов «Республики Таджикистан» необходимо записать слова «и административно-территориальных единиц» и далее по тексту [17-А].

13. В порядке ч. 2 ст. 5 ГПК РТ возможно участие в гражданском процессе также организаций, не имеющих статус юридического лица (например, комиссии по защите прав ребенка). Отсюда предлагаем в ст. 48 ГПК РТ заменить слова «юридические лица» на слово «организации».

14. Перспективу дальнейшего развития научного института лиц, участвующих в деле, может определить исследование нижеследующих его аспектов:

1) вопросы гражданского процессуального права, в том числе института лиц, участвующих в деле, а также других отраслей процессуального права РТ должны быть всесторонне изучены с точки зрения теории юридического процесса как составной части общей теории государства и права;

2) необходимо провести специальное исследование кодификации советского и постсоветского гражданского процессуального законодательства Таджикистана и её влияния на развитие института лиц, участвующих в деле, и других основных институтов гражданского процессуального права;

3) следует провести сравнительное исследование правового статуса лиц, участвующих в деле, в гражданском, экономическом и административном судопроизводствах, альтернативных (негосударственных) способах разрешения спора о праве, включая третейское судопроизводство и медиативное производство в контексте преемственности и новизны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (ИСТОЧНИКОВ)

I. Нормативные правовые акты и официальные документы:

- [1]. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. с изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999 г., 22 июня 2003 г. и 22 мая 2016 г. (на таджикском и русском языке) [Текст]. – Душанбе: Ганч, 2016. – 135 с.
- [2]. Декрет о суде № 1 [Текст] // СУ РСФСР. – 1917. – № 4. – Ст. 5.
- [3]. Декрет о суде № 2 [Текст] // СУ РСФСР. – 1918. – № 26. – Ст. 420.
- [4]. Декрет о суде № 3 [Текст] // СУ РСФСР. – 1918. – № 52. – Ст. 589.
- [5]. Декреты Советской власти [Текст]. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – 640 с.
- [6]. Инструкция об организации и действии местных народных судов от 23 июля 1918 года [Текст] // СУ РСФСР. – 1918. – № 53. – Ст. 597.
- [7]. Положение о народном суде от 30 ноября 1918 года [Текст] // СУ РСФСР. – 1918. – № 85. – Ст. 889.
- [8]. Положение о народном суде от 21 октября 1920 года [Текст] // СУ РСФСР. – 1920. – № 83. – Ст. 407.
- [9]. Постановление Наркомата юстиции РСФСР «Об основных нормах гражданского процесса» от 4 января 1923 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libussr.ru/> (дата обращения: 06.02.2024).
- [10]. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libussr.ru/> (дата обращения: 20.04.22).
- [11]. Постановление ЦИК Советов УзССР от 30 сентября 1927 года «Об утверждении Гражданского процессуального кодекса Узбекской Советской Социалистической Республики» [Текст] / СУ Узбекской ССР. – 1927. – № 36. – Ст. 228 // Гражданский процессуальный кодекс Узбекской ССР. – Ташкент: Тип. Упр. Делами Совета Министров УзССР, 1946. – 98 с.
- [12]. Постановление ЦИК Советов УзССР от 22 октября 1927 года, № 135 «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Узбекской Советской Социалистической Республики» [Текст] / СУ Узбекской ССР. –

1927. – № 35. – Ст. 221 // Гражданский процессуальный кодекс Узбекской ССР. – Ташкент: Тип. Упр. Делами Совета Министров УзССР, 1946. – 98 с.
- [13]. Гражданский процессуальный кодекс Таджикской ССР [Текст] (издания 1929 года с изменениями и дополнениями Таджикской ССР до 1-го января 1940 года). – Сталинабад: Госиздат Таджикистана, 1940. – 96 с.
- [14]. Гражданский процессуальный кодекс Узбекской ССР [Текст]. – Ташкент: Тип. Упр. Делами Совета Министров УзССР, 1946. – 98 с.
- [15]. Постановление ЦИК и СНК Таджикской АССР «Об упразднении в ТАССР института казийских судов» от 30 июля 1928 года, № 36 [Текст] // Систематическое собрание действующих законов Таджикской Советской Социалистической Республики. – Сталинабад: Таджикгиз, 1932. – 908 с.
- [16]. Постановление ЦИК Советов УзССР от 17 февраля 1929 года, № 31 «О введении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Узбекской Советской Социалистической Республики» [Текст] / СУ Узбекской ССР. – 1929. – № 29. – Ст. 69 // Гражданский процессуальный кодекс Узбекской ССР. – Ташкент: Тип. Упр. Делами Совета Министров УзССР, 1946. – 98 с.
- [17]. Постановления ЦИК и СНК Таджикской ССР «О введении на территории Таджикской ССР действующего законодательства Узбекской ССР» от 19 декабря 1929 года, № 42 [Текст] // Систематическое собрание действующих законов Таджикской Советской Социалистической Республики. – Сталинабад: Таджгиз, 1932. – 908 с.
- [18]. Постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 года «О революционной законности» [Текст] // СЗ СССР. – 1932. – № 50. – Ст. 298.
- [19]. Постановление ЦИК и СНК Таджикской ССР от 21 марта 1933 «Об утверждении и введении в действие систематического собрания действующих законов Таджикской ССР» [Текст] // Гражданский процессуальный кодекс Таджикской ССР. – Сталинабад: Госиздат Таджикистана, 1940.
- [20]. Постановление ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 года «Об

- учреждении Прокуратуры Союза ССР» [Текст] // СЗ СССР. – 1933. – № 40. – Ст. 239.
- [21]. Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 декабря 1933 года об утверждении «Положения о Прокуратуре Союза ССР» [Текст] // СЗ СССР. – 1934. – № 1. – Ст. 2-а, 2-б.
- [22]. Положение о судеустройстве Таджикской ССР от 15 августа 1935 года [Текст]. – Сталинабад, 1935.
- [23]. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/](http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/) (дата обращения: 06.04.2024).
- [24]. Конституция (Основной Закон) Таджикской Советской Социалистической Республики от 1 марта 1937 года [Текст]. – Душанбе, 1937. – 34 с.
- [25]. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 марта 1937 года «Об изменении размеров единой государственной пошлины с исковых заявлений по делам, производящимся в судебных учреждениях» // СЗ СССР. 1937. – № 18. – Ст. 63.
- [26]. Постановление СНК СССР от 5 мая 1938 года «О порядке рассмотрения народными судами жалоб на неправильности в списках избирателей» [Текст] // СП СССР. – 1938. – № 22. – Ст. 146.
- [27]. Указ Президиума Верховного Совета Таджикской ССР от 28 августа 1939 года «Об исключении главы 23-й действующего в Таджикской ССР ГПК Узбекской ССР «О выдаче судебных приказов по актам» [Текст] // Сборник законов Таджикской ССР, указов и постановлений Президиума Верховного Совета Таджикской ССР (1938-1958 гг.). – Сталинабад: Таджикское гос. изд-во, 1959. – 402 с.
- [28]. Положение о прокурорском надзоре в СССР, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://>

libussr.ru/doc_ussr/ussr_5015.htm?ysclid=m77a2b5ney603295024 (дата обращения: 22.01.2024).

- [29]. Закон Союза Советских Социалистических Республик от 11 февраля 1957 года «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуального кодексов» [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1957. – № 10. – Ст. 248.
- [30]. Сборник законов Таджикской ССР, указов и постановлений Президиума Верховного Совета Таджикской ССР (1938-1958 гг.) [Текст]. – Сталинабад: Таджикское гос. изд-во, 1959. – 402 с.
- [31]. Закон СССР от 8 декабря 1961 года об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://libussr.ru/doc_ussr/ussr_5748.htm?ysclid=m77nzsroqjs122046822 (дата обращения: 22.01.2024).
- [32]. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик [Текст]. – М.: Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1962. – 93 с.
- [33]. Гражданский процессуальный кодекс Таджикской ССР [Текст] // Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. – 1964. – № 22. – Ст. 5; 1966. – № 11. – Ст. 72; 1967. – № 1. – Ст. 8; 1968. – № 24. – Ст. 205; 1972. – № 19. – Ст. 152; 1973. – № 1. – Ст. 10; 1975. – № 13. – Ст. 142; 1982. – № 11. – Ст. 130; 2002. – № 4, ч. 1. – Ст. 278; 2006. – № 3. – Ст. 146.
- [34]. Конституция (Основной Закон) Таджикской Советской Социалистической Республики от 14 апреля 1978 года [Текст]. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 56 с.
- [35]. Кодекс Таджикской ССР об административных правонарушениях [Текст] // Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. – 1985. – № 24. – Ст. 243.

- [36]. Конституционным закон РТ «Об органах прокуратуры в Республике Таджикистан» от 11 марта 1996 года, № 290 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portali.huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=299 (дата обращения: 12.04.2024).
- [37]. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Таджикистан [Текст] // Ахбори (Ведомости) Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1995. – № 23-24. – Ст. 371; 1997. – № 9. – Ст. 117; № 23-24. – Ст. 333; 1998. – № 22. – Ст. 313; 2003. – № 8. – Ст. 460.
- [38]. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст] // СЗ РФ. – 1995. – № 19. – Ст. 1709.
- [39]. Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан» от 15 мая 1997 [Текст] // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1997. – № 9. – Ст. 117.
- [40]. Трудовой кодекс Республики Таджикистан [Текст] // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1997. – № 9. – Ст. 112; 1998. – № 23-24. – Ст. 340; 1999. – № 5. – Ст. 69; 2002. – № 4, ч. 1. – Ст. 185; 2004. – № 5. – Ст. 337; 2006. – № 3. – Ст. 152; № 4. – Ст. 195.
- [41]. Гражданский кодекс Республики Таджикистан [Текст] // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1999. – № 6. – Ст. 153; 2001. – № 7. – Ст. 508; 2002. – № 4, ч. 1. – Ст. 170; 2005. – № 3. – Ст. 125; 2006. – № 4. – Ст. 193; 2007. – № 5. – Ст. 356; 2010. – № 3. – Ст. 156; № 12, ч. 1. – Ст. 802; 2012 г., – № 7. – Ст. 700; – № 12, ч. 1. – Ст. 1021.
- [42]. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст] // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
- [43]. Гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 14 ноября 2007 года, № 341 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portali.huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=8754 (дата обращения: 22.02.2024).

- [44]. Экономический процессуальный кодекс Республики Таджикистан [Текст] // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2008. – № 1, ч. 1. – Ст. 4.
- [45]. Конституционный закон Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» от 25 июля 2005 года [Текст] // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 5. – Ст. 314.
- [46]. Трудовой кодекс Республики Таджикистан [Текст] // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2016. – № 7. – Ст. 604.
- [47]. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002, № 138-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.consultant.ru/document /cons_doc_LAW_39570](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570) (дата обращения: 12.10.2023).
- [48]. Гражданский процессуальный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://https://online.zakon.kz/Document/doc_id=30420065&pos=57;-59#pos=57 (дата обращения: 09.01.2024).
- [49]. Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=138090> (дата обращения: 29.03.2024).
- [50]. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=hk9900238&p2={NRPA}> (дата обращения: 09.01.2024).
- [51]. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года, № 377-V [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053&pos=1038;54#pos=1038;-54 (дата обращения: 29.03.2024).
- [52]. Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 25 января 2017 года, № 14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33430670&pos=793;54#pos=793;-54 (дата обращения: 29.03.2024).

- [53]. Закон Республики Таджикистан «Об исполнительном производстве» 8 июня 2022 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sud.tj/upload/iblock> (дата обращения: 22.10.2023).
- [54]. Гражданский кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35039815&sub_id=560000&pos=1865;-18#pos=1865;-18 (дата обращения: 29.03.2024).

II. Монографии, учебники, комментарии, учебные пособия:

- [55]. Абрамов, С.Н. Советский гражданский процесс [Текст]: учебник для юридических школ / С.И. Абрамов. – М.: Госюриздат, 1952. – 419 с.
- [56]. Азизкулова, Г.С. Цикл лекций по истории государства и права Республики Таджикистан [Текст] / Г.С. Азизкулова. – Душанбе: Изд-во Тадж. гос. ун-та, 1995. – 212 с.
- [57]. Азизкулова, Г.С., Хакимов, Н. История государства и права Таджикистана. В помощь изучающим (от догосударственного общества до 1917 года) [Текст] / Г.С. Азизкулова, Н. Хакимов. – Душанбе: ТНУ, 2018. – 816 с.
- [58]. Азизов, У.А. Развитие уголовного законодательства Республики Таджикистан [Текст] / У.А. Азизов. – Душанбе: Ирфон, 2006. – 152 с.
- [59]. Азизов, У.А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование [Текст]: монография / отв. ред. д.ю.н., проф. Ф.Т. Тахиров. – Душанбе: Андалеб-Р, 2015. – 368 с.
- [60]. Азизода, У.А. Права человека: история, теория, практика [Текст]: коллективная монография / Азизода, У.А.; под ред. д.ю.н. Диноршоева А.М. и д.ю.н. Азизова У.А. – Душанбе: Офсет-Империя, 2016. – 584 с.
- [61]. Ализода, З. Становление института парламента в Республике Таджикистан: проблемы теории и практики [Текст]: монография / Зариф Ализода. – Душанбе, 2011. – 264 с.

- [62]. Аминов, М.М. Проблемы признания и исполнения судебных решений по семейным делам в Республике Таджикистан [Текст]: монография / М.М. Аминов. – Душанбе, 2025. – 156 с.
- [63]. Аргунов, В.Н. Участие прокурора в гражданском процессе [Текст] / В.Н. Аргунов. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 134 с.
- [64]. Афанасьев, С.Ф., Зайцев, А.И. Гражданское процессуальное право [Текст]: учебник для бакалавров / С.Ф. Афанасьев, А.И. Зайцев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 655 с.
- [65]. Банченко-Любимова, К.С. Участие прокурора в суде первой и второй инстанций по гражданским делам [Текст] / К.С. Банченко-Любимова. – М.: Госюриздат, 1963. – 87 с.
- [66]. Бобочонов, И.Д. Ҳимояи ҳуқуқҳои меросӣ дар суд [Матн]: воситаи илмию амалӣ / И.Д. Бобочонов. – Душанбе: ЭР-граф, 2011. – 288 с.
- [67]. Боннер, А.Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе [Текст] / А.Т. Боннер. – М.: Юрид. лит., 1980. – 160 с.
- [68]. Буриев, И.Б. Институты таджикской государственности: теория и практика [Текст] / И.Б. Буриев; отв. ред.: акад. Тахиров Ф.Т., проф. Чиркин В.Е. – Душанбе: Дониш, 2016. – 360 с.
- [69]. Буриев, И.Б. История государства и права Таджикистана (от древнейших времен до начала XX века) [Текст]: учебное пособие / И.Б. Буриев. – Душанбе: «Полиграфический комбинат г. Душанбе», 2016. – 352 с.
- [70]. Валеев, Д.Х. Лица, участвующие в исполнительном производстве [Текст]: монография / Д.Х. Валеев. – Казань: Унипресс, 2000. – 125 с.
- [71]. Викут, М.А., Зайцев, И.М. Гражданский процесс России [Текст]: учебник для студ. вузов / М.А. Викут, И.М. Зайцев. – М.: Юристъ, 2001. – 384 с.
- [72]. Власов, А.А. Участие прокурора в судебном разбирательстве [Текст] / А.А. Власов. – Ульяновск: Изд-во «Ульяновский Дом печати», 2002. – 367 с.
- [73]. Гапеев, В.Н. Участники гражданского и арбитражного процесса

- (сравнительный анализ правового положения) [Текст] / В.Н. Гапеев; отв. ред. Е.И. Филиппов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1988. – 123 с.
- [74]. Гойман, В.И. Система права [Текст] / В.И. Гойман // Теория государства и права: учебник для студ. вузов / под ред. А.Г. Хабибулина, В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИД «ФОРУМ»; ИНФРА-М, 2009. – 624 с.
- [75]. Гражданский процесс [Текст]: учебник для студ. вузов / П.В. Воложанин, В.Д. Кайгородов и др.; отв. ред. К.И. Комиссаров, Ю.К. Осипов. – 2-е изд., перераб. – М.: БЕК, 1996. – 505 с.
- [76]. Гражданский процесс [Текст]: учебник для студ. вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. – М.: ПБОЮЛ Гриженко, 2001. – 544 с.
- [77]. Гражданский процесс [Текст]: учебник для студ. вузов / Е.А. Борисова, С.А. Иванов, Е.В. Кудрявцева и др.; под ред. М.К. Треушникова. – М.: ООО «Городец-издат», 2003. – 720 с.
- [78]. Гражданское процессуальное право [Текст]: учебник для студ. вузов / под ред. М.С. Шакарян. – М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2004. – 584 с.
- [79]. Гражданский процесс Российской Федерации [Текст]: учебник для студ. вузов / под ред. А.А. Власова. – М.: Юрайт-Издат, 2004. – 584 с.
- [80]. Гражданский процесс [Текст]: учебник для студ. вузов / Д.Б. Абушенко, В.П. Воложанин и др.; отв. ред. В.В. Ярков. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 750 с.
- [81]. Гражданский процесс [Текст]: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Уральский гос. юрид. ун-т; отв. ред. д-р. юрид. наук, проф. В.В. Ярков. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – 702 с.
- [82]. Гражданское право [Текст]: учебник для студ. вузов / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – Т. 1. – СПб., 1996. – 1066 с.
- [83]. Графский, В.Г. Всеобщая история права и государства [Текст]: учебник для студ. вузов / В.Г. Графский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.:

Норма, 2005. – 608 с.

- [84]. Гукасян, Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве [Текст] / Р.Е. Гукасян; отв. ред. М.А. Викут. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. – 190 с.
- [85]. Гурвич, М.А. Право на иск [Текст] / М.А. Гурвич; отв. ред. А.Ф. Клейнман. – М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 216 с.
- [86]. Джалилов, Д.Р. Гражданское процессуальное правоотношение и его субъекты [Текст] / Д.Р. Джалилов. – Душанбе: Ирфон, 1962. – 41 с.
- [87]. Джалилов, Д.Р. Лица, участвующие в гражданских делах искового производства [Текст] / Д.Р. Джалилов. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 68 с.
- [88]. Диноршоев, А.М., Азизов, У.А., Саидов, И.И., Искандаров, Ш.Ф. История прав человека [Текст]: учебник для вузов / под ред. д.ю.н., проф. Диноршоева А.М. – Душанбе: ЭР-граф, 2016. – 320 с.
- [89]. Елисейкин, П.Ф. Гражданские процессуальные правоотношения [Текст]: учебное пособие / П.Ф. Елисейкин. – Ярославль: ЯГУ, 1975. – 93 с.
- [90]. Жеруолис, И.А. Сущность советского гражданского процесса [Текст]: учен. записки высших учебных заведений Лит. ССР. Право / И.А. Жеруолис. – Вильнюс: Минтис, 1969. – Т. 7. – Вып. 2. – 203 с.
- [91]. Зоиров, Дж. М. Таджики: от государства Саманидов до суверенной государственности. (Историко-правовой анализ) [Текст] / Дж. М. Зоиров. – СПб.: Реноме, 2014. – 287 с.
- [92]. Золотухин, А.В., Султонова, Т.И. Предпринимательское право Республики Таджикистан [Текст]: учебник / А.В. Золотухин, Т.И. Султонова. – Душанбе: ЭР-граф, 2018. – 596 с.
- [93]. Иброҳимов, С.И., Табаров, Н.А. Ҳуқуқи муҳофизати иқтисодӣ [Матн]: китоби дарсӣ / С.И. Иброҳимов, Н.А. Табаров. – Душанбе: «Нашри Камол», – 2019. – 408 с.
- [94]. Ильинская, И.М. Участие третьих лиц в гражданском процессе [Текст] / И.М. Ильинская. – М.: Госюриздат, 1962. – 83 с.
- [95]. Исаев, И.А. История государства и права России [Текст]: учебник для

- студ. вузов / И.А. Исаев. – М.: Проспект, 2011. – 336 с.
- [96]. Искандаров, З.Х. Ҳуқуқи инсон ва механизми миллии ҳимояи он [Матн] / З.Х. Искандаров. – Душанбе: Эҷод, 2007. – 136 с.
- [97]. Искандаров, З.Х. Конституционно-правовые основы защиты прав человека и гражданина в уголовном процессе Республики Таджикистана [Текст] / З.Х. Искандаров. – Душанбе: Эҷод, 2008. – 184 с.
- [98]. Искандаров, З.Х. Защита прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан: история и современность [Текст] / З.Х. Искандаров. – Душанбе: ЭР-граф, 2022. – 368 с.
- [99]. Искандаров, Ш.Ф. Специализированные государственные правозащитные институты по правам человека в Таджикистане: история, теория и современная практика [Текст]: монография / Ш.Ф. Искандаров. – Душанбе: Promexpro, 2019. – 210 с.
- [100]. История государства и права СССР. Ч. 2 [Текст]: учебник для студентов высших учебных заведений / под ред. О.И. Чистякова, Ю.С. Кукушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 320 с.
- [101]. Камолов, И.И. Источники права Республики Таджикистан [Текст] / И.И. Камолов. – Душанбе, 2012. – 214 с.
- [102]. Клейнман, А.Ф. Советский гражданский процесс: учебник для юрид. вузов [Текст] / А.Ф. Клейнман. – М.: Изд-во МГУ, 1954. – 408 с.
- [103]. Кодирзода, Т.К. Злоупотребление субъективными гражданскими правами (теория и практика) [Текст] / Т.К. Кодирзода. – Душанбе: Ямини Содик, 2014. – 176 с.
- [104]. Кожухарь, А.Н. Право на судебную защиту в исковом производстве [Текст] / А.Н. Кожухарь; под ред. Е.Г. Мартынчика. – Кишинев: Штиинца, 1988. – 140 с.
- [105]. Козлов, А.Ф. Суд первой инстанции как субъект советского процессуального права [Текст] / А.Ф. Козлов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. – 165 с.
- [106]. Козлов, А.Ф. Компетенция прокуратуры и организация ее работы

- [Текст] / А.Ф. Козлов. – Свердловск, 1983. – 153 с.
- [107]. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Таджикистан. Часть первая (постатейный) с использованием судебной практики [Текст] / авт. кол.: Х.Т. Насиров, Л.А. Рахманова, Л.И. Ходжаева и др. – Душанбе: USAID, 2004. – 718 с.
- [108]. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Казахстан / под общ. ред. К.А. Мами. – Астана, 2008. – 572 с.
- [109]. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР (научно-практический) [Текст] / отв. ред. Р.Ф. Каллистратова. – М.: Юрид. лит., 1976. – 600 с.
- [110]. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР (научно-практический) / под ред. М.С. Шакарян. – М.: Юристъ, 2000. – 879 с.
- [111]. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / А.А. Власов, Е.С. Ганичева, Б.А. Горохов и др.; отв. ред. Г.А. Жилин. – М.: ООО «Издательство Проспект», 2003. – 824 с.
- [112]. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / под общ. ред. В.И. Радченко. – М.: НОРМА, 2003. – 752 с.
- [113]. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / отв. ред. Г.Л. Ивлев. – М., 2004. – 558 с.
- [114]. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Таджикистан [Текст] / под ред. М.З. Рахимова. – Душанбе: ООО «Азия-принт», 2012. – 574 с.
- [115]. Коршунов, Н.М., Мареев, Ю.Л. Гражданский процесс [Текст]: учебник для студ. вузов / Н.М. Коршунов, Ю.Л. Мареев. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2008. – 912 с.
- [116]. Курбанов, К.Ш. Добросовестность в гражданском праве [Текст]: монография / К.Ш. Курбанов; под ред. проф. Дж. С. Муртазакулова. – Душанбе, 2016. – 172 с.

- [117]. Курбонов, Қ.Ш. Ҳуқуқи граждани. Қисми I [Матн]: китоби дарсӣ / Қ.Ш. Курбонов; зери таҳрири ҳуқуқшиноси шоистаи Ҷумҳурии Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор Ш.Т. Тағойназаров. – Душанбе, 2014. – 511 с.
- [118]. Курылев, С.Д. Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе [Текст] / С.Д. Курылев. – М.: Госюриздат, 1956. – 190 с.
- [119]. Курс советского гражданского процессуального права [Текст]: в 2-х т. / под ред. А.А. Мельникова, П.П. Гуреева и др. – М.: Наука, 1981. – Т. 1. – 464 с.
- [120]. Лейст, О.Э. Санкции в советском праве [Текст] / О.Э. Лейст. – М.: Госюриздат, 1962. – 238 с.
- [121]. Лесной, В.М. Система социалистического права [Текст] / В.М. Лесной // Теория государства и права: учебник для студ. вузов / под ред. А.И. Денисова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – 531 с.
- [122]. Лесной, В.М. Социалистические правовые отношения [Текст] / В.М. Лесной // Теория государства и права: учебник для студ. вузов / под ред. А.И. Денисова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – 531 с.
- [123]. Леушин, В.И. Социалистические правовые отношения [Текст] / В.И. Леушин // Теория государства и права: учебник для студ. вузов / под ред. С.С. Алексеева. – М.: Юрид. лит., 1985. – 479 с.
- [124]. Леушин, В.И. Правовые отношения [Текст] / В.И. Леушин // Теория государства и права: учебник для студ. вузов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М.: НОРМА, 2002. – 616 с.
- [125]. Ломовский, В.Д. Задачи советского прокурорского надзора и их осуществление в современных условиях [Текст] / В.Д. Ломовский. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1986. – 80 с.
- [126]. Масов, Р. История топорного разделения [Текст] / Рахим Масов. – Душанбе, 1991. – 189 с.
- [127]. Махмудов, М.А., Менглиев, Ш.М. Ҳуқуқи хусусии римӣ [Матн] /

- М.А. Махмудов, Ш.М. Менглиев. – Душанбе: ЭР-граф, 2013. – 176 с.
- [128]. Махмудов, М.А., Худоёров, Б.Т. Тафсири Кодекси оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн] / М.А. Махмудов, Б.Т. Худоёров. – Душанбе: ЭР-граф, 2015. – 415 с.
- [129]. Махмудзода, М.А., Худоёрзода, Б.Т. Мақомоти ҳифзи ҳуқуқи Тоҷикистон [Матн] / М.А. Махмудзода, Б.Т. Худоёрзода. – Нашри чорум. – Душанбе: ЭР-граф, 2023. – 352 с.
- [130]. Махмудов, И.Т. Рушди қонунгузори мурофиавии ҷиноятӣ дар давраи истиқлолияти давлатӣ: монографияи дастҷамъона [Матн] / И.Т. Махмудов // 30 соли Истиқлоли давлатӣ ва рушди низоми ҳуқуқи Тоҷикистон / З.Ҳ. Искандаров, И.Т. Махмудов, П.С. Абдуллоев. – Душанбе: Матбааи ДМТ, 2021. – 472 с.
- [131]. Мельников, А.А. Правовое положение личности в советском гражданском судопроизводстве [Текст] / А.А. Мельников. – М.: Наука. 1969. – 246 с.
- [132]. Менглиев, Ш.М. Арбитражное рассмотрение внешнеэкономических споров [Текст] / Ш.М. Менглиев. – Душанбе: Эҷод, 2009. – 412 с.
- [133]. Мирзамонзода, Х.М. Теоретико-правовые основы организации и деятельности судебной власти в Республике Таджикистан [Текст]: монография / Х.М. Мирзамонзода. – Душанбе, 2020. – 164 с.
- [134]. Мирзамонзода, Х.М. Конституционно-правовые основы судебной власти в Республике Таджикистан [Текст]: монография / Х.М. Мирзамонзода; под ред. д.ю.н., проф. А.М. Диноршоева. – Душанбе: Типография ТНУ, 2021. – 168 с.
- [135]. Муллаев, М.М. История уголовного права Таджикской ССР [Текст] / М.М. Мкллаев. – Сталинабад: Изд-во Таджикского гос. ун-та, 1960. – Ч. 1. – 158 с.
- [136]. Муртазокулов, Дж. С. Гражданско-правовые проблемы организации и деятельности дехканских (фермерских) хозяйств в Таджикистане [Текст]: монография / Дж. С. Муртазокулов. – М.: ООО «НИПКЦ Восход - А», 2012.

– 336 с.

- [137]. Назаров, А.К. Уголовно-правовые нормы Корана и хадисов и их классификация по институтам уголовного права [Текст] / А.К. Назаров. – Душанбе, 2014. – 207 с.
- [138]. Насурдинов, Э.С. Проблемы формирования правовой культуры в условиях становления демократического государства в Таджикистане [Текст] / Э.С. Насурдинов. – Душанбе: Истеъдод, 2010. – 196 с.
- [139]. Насурдинов, Э.С. Сафаров, Д.С. История государства и права Таджикистана: учебник для студ. вузов. Часть I (от древнейших времен до X в.) [Текст] / под общ. ред. акад. АН РТ Ф.Т. Тахирова. – Душанбе: ООО «Офсет Империя», 2013. – 362 с.
- [140]. Насурдинов, Э.С. Правовая культура [Текст]: монография / Э.С. Насурдинов; отв. ред. Ф.Т. Тахиров. – М.: Норма, 2014. – 352 с.
- [141]. Насриддинзода, Э.С. Фарҳанги ҳуқуқӣ [Матн]: монография / Э.С. Насриддинзода. – Душанбе: ЭР-граф, 2016. – 316 с.
- [142]. Научно-практический комментарий к ГК РСФСР [Текст] / под ред. проф. М.К. Треушникова. – М.: Городец, 1999. – 672 с.
- [143]. Некоторые вопросы кодификации гражданского процессуального законодательства союзных республик [Текст] / под ред. А.Ф. Клейнмана, В.И. Корецкого. – Душанбе: РИКО Тадж. гос. ун-та, 1962. – 102 с.
- [144]. Нерсисянц, В.С. Общая теория права и государства [Текст]: учебник для студ. вузов / В.С. Нерсисянц. – М.: Норма, 2004. – 552 с.
- [145]. Осокина, Г.Л. Проблемы иска и права на иск [Текст] / Г.Л. Осокина; под ред. Грицанова А.С. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. – 196 с.
- [146]. Осокина, Г.Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск) [Текст]: монография / под ред. В.Н. Щеглова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. – 160 с.
- [147]. Осокина, Г.Л. Иск (теория и практика) [Текст] / Г.Л. Осокина. – М.: Городец, 2000. – 192 с.
- [148]. Осокина, Г.Л. Курс гражданского судопроизводства России [Текст]:

- общая часть: учеб. пособие / Г.Л. Осокина. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – 613 с.
- [149]. Осокина, Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть [Текст]: учебник для студ. вузов / Г.Л. Осокина. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2010. – 752 с.
- [150]. Осокина, Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть [Текст]: учебник для студ. вузов / Г.Л. Осокина. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 704 с.
- [151]. Перевалов, В.Д. Система права и система законодательства [Текст] / В.Д. Перевалов // Теория государства и права: учебник для студ. вузов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалов. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: НОРМА, 2002. – 616 с.
- [152]. Плешанов, А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики [Текст] / А.Г. Плешанов; под общ. ред. В.В. Яркова. – М.: Норма, 2002. – 352 с.
- [153]. Пуделька, Йорг. Административное право Германии. Том 2. Административно-процессуальное право [Текст] / Йорг Пуделька. – Берлин: Инфотропик Медиа, 2023. – 352 с.
- [154]. Пушкарь, Е.Г. Конституционное право на судебную защиту [Текст] / Е.Г. Пушкарь. – Львов: Издательское объединение «Вища школа», 1982. – 216 с.
- [155]. Проблемы судебного права [Текст] / А.А. Мельников, Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, В.М. Савицкий; отв. ред. В.М. Савицкий. – М.: Наука, 1983. – 223 с.
- [156]. Раджабов, С.А. Таджикская ССР – суверенное советское государство [Текст] / С.А. Раджабов. – Сталинабад, 1957. – 184 с.
- [157]. Раджабов, С.А. Развитие советского уголовно-процессуального законодательства в Таджикистане [Текст] / С.А. Раджабов. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 192 с.
- [158]. Раззаков, Б.Х. Организация исполнительной власти Республики

- Таджикистан: проблемы теории, законодательства и практики [Текст] / Б.Х. Раззоков. – Душанбе, 2015. – 416 с.
- [159]. Рахмон, Э.Ш. Таджики в зеркале истории. От Арийцев до Саманидов. [Текст] / Э.Ш. Рахмон. – Душанбе: «Ирфон», 2020. – 676 с.
- [160]. Раҳимов, М.З., Нематов, А.Р. Техникаи конунгузорӣ [Текст] / М.З. Раҳимов, А.Р. Нематов. – Душанбе: Шуҷоиён, 2011. – 200 с.
- [161]. Раҳимов, М.З., Табаров, Н.А. Тафсири Кодекси муурофиавии иқтисодии Ҷумҳурии Тоҷикистон (нашри дуввум) [Матн] / М.З. Раҳимов, Н.А. Табаров. – Душанбе: ЭР-граф, 2013. – 503 с.
- [162]. Рахмон, Д.С. Права человека в условиях глобализации: теоретические и методологические проблемы [Текст]: монография / Д.С. Рахмон. – Душанбе, 2019. – 376 с.
- [163]. Ринг, М.П. Вопросы гражданского процесса в судебной практике Верховного Суда СССР [Текст] / М.П. Ринг. – М.: Госюриздат, 1957. – 276 с.
- [164]. Сангинов, Д.Ш. Социально-экономические права и свободы граждан и их защита Конституционным судом Республики Таджикистан [Текст]: монография / Д.Ш. Сангинов. – Душанбе, 2013. – 208 с.
- [165]. Сафарзода, Б.А. Международные стандарты в области прав человека: История и современность [Текст] / Б.А. Сафарзода; отв. ред. Ф.Т. Тахиров. – Душанбе, 2016. – 345 с.
- [166]. Сафарзода, Б.А., Раҳмон, Д.С., Миралиев, И.Қ., Саъдизода, Ҷ., Шосаидзода, Ш.Ш., Искандаров, Ш.Ф., Сафарзода, Н.Ф., Салимов, Ф.Н. Механизмҳои ҳимояи ҳуқуқи инсон [Матн]: китоби дарсӣ / Б.А. Сафарзода, Д.С. Раҳмон, И.Қ. Миралиев, Ҷ. Саъдизода, Ш.Ш. Шосаидзода, Ш.Ф. Искандаров, Н.Ф. Сафарзода, Ф.Н. Салимов. – Душанбе: ЭР-граф, 2023. – 480 с.
- [167]. Советский гражданский процесс [Текст]: учебник для студ. вузов / под ред. А.А. Добровольского. – М., 1979. – 367 с.
- [168]. Советский гражданский процесс [Текст]: учебник / отв. ред. М.С.

- Шакарян. – М.: Юрид. лит., 1985. – 528 с.
- [169]. Сотиволдиев, Р.Ш. Назарияи ҳуқуқ ва давлат [Матн]: китоби дарсӣ / Р.Ш. Сотиволдиев. – Душанбе, 2002. – 512 с.
- [170]. Сотиволдиев, Р.Ш. Теория государства и права [Текст]: учебник для студ. вузов / Р.Ш. Сотиволдиев. – Душанбе: Империял-Групп, 2009. – 358 с.
- [171]. Сотиволдиев, Р.Ш. Проблемаҳои назарияи давлат ва ҳуқуқ [Матн]: китоби дарсӣ / Р.Ш. Сотиволдиев. – Ҷилди 1. – Душанбе: Империял-Групп, 2010. – 484 с.
- [172]. Сотиволдиев, Р.Ш. Проблемаҳои назарияи давлат ва ҳуқуқ [Матн]: китоби дарсӣ / Р.Ш. Сотиволдиев. – Ҷилди 2. – Душанбе: Империял-Групп, 2010. – 654 с.
- [173]. Соҳибзода, М.М., Шерзода, Б.С. Падидаҳои нави ҳуқуқи маданияи Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн]: монография: нашри аввал / М.М. Соҳибзода, Б.С. Шерзода; зери таҳрири Ғаюрзода Шукрулло Кароматулло – мудири кафедраи ҳуқуқи маданияи факултети ҳуқуқшиносии ДМТ, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор. – Душанбе: Мехроҷ-граф, 2023. – 448 с.
- [174]. Табаров, Н.А. Ҳуқуқи муҳофизатии иқтисодӣ: китоби дарсӣ [Матн] / Н.Н. Сидиқова, Н.А. Табаров, Т. Шарифзода, У.А. Шарипова; муҳаррири масъул: н. и. ҳ. Бобоев Ҷ.Қ. – Душанбе: ҶДММ “Полиграф групп”, 2023. – 311 с.
- [175]. Тагайназаров, Ш.Т. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных прав граждан в СССР [Текст] / Ш.Т. Тагайназаров. – Душанбе: Дониш, 1990. – 216 с.
- [176]. Тағойназаров, Ш.Т. Тафсир ба Кодекси граждании Ҷумҳурии Тоҷикистон. Қисми якум [Матн] / Маҳмудов М.А., Тағойназаров Ш.Т., Бобочонов И.Ҳ., Бадалов Ш.К. – Душанбе: ЭР-граф, 2010. – 1000 с.
- [177]. Тахиров, Ф.Т. Становление советского права в Таджикистане [Текст] / Ф.Т. Тахиров. – Душанбе: Дониш, 1987. – 192 с.
- [178]. Тахиров, Ф.Т. Правовая система Таджикской АССР (1924-1929 гг.):

- учебное пособие [Текст] / Ф.Т. Тахиров. – Душанбе: Изд-во Тадж. гос. ун-та, 1988. – 130 с.
- [179]. Тахиров, Ф.Т. История государства и права Таджикистана (1917-1929 гг.). Т. 2, ч. 1 [Текст] / Ф.Т. Тахиров. – Душанбе: Амри илм, 2001. – 492 с.
- [180]. Тахиров, Ф.Т. Актуальные проблемы истории и теории государства и права в условиях государственной независимости Республики Таджикистан [Текст] / Ф.Т. Тахиров. – Душанбе: Дониш, 2009. – 369 с.
- [181]. Тахиров, Ф.Т. Хрестоматия по истории государства и права Таджикистана (1917-1994 гг.) [Текст] / сост. Ф.Т. Тахиров. – Душанбе: Дониш, 2014. – 838 с.
- [182]. Теория государства и права [Текст]: учебник для студ. вузов / под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. – М.: Норма, 2002. – 616 с.
- [183]. Теория права и государства [Текст]: учебник для студ. вузов / под ред. В.В. Лазарева. – М., 1996. – 340 с.
- [184]. Тихиня, В.Г. Гражданский процесс [Текст]: учебник / В.Г. Тихиня. – 2-е изд., перераб. – Минск: ТетраСистемс, 2013. – 496 с.
- [185]. Тоҳиров, Н.Ф. Развитие законодательной деятельности в Таджикистане (1917-2007 гг.) [Текст] / Н.Ф. Тоҳиров; под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.Г. Халикова. – Душанбе: Эчод, 2009. – 210 с.
- [186]. Тоҳиров, Ф.Т. Инкишофи ҳуқуқ дар Тоҷикистон [Матн] / Ф.Т. Тоҳиров. – Душанбе: Ирфон, 1994. – 260 с.
- [187]. Тоҳиров, Ф.Т. Осори мунтахаб [Матн] / Ф.Т. Тоҳиров. – Душанбе: «Дониш», 2024. – 995 с.
- [188]. Треушников, М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе [Текст] / М.К. Треушников. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 160 с.
- [189]. Треушников, М.К. Гражданский процесс: теория и практика [Текст] / М.К. Треушников. – М.: Городец, 2008. – 351 с.
- [190]. Трубецкой, Е.Н. Лекции по энциклопедии права [Текст] / Е.Н.

- Трубецкой. – М., 1917. – 227 с. (Найти стр. цитаты. Или 1909)
- [191]. Усмонов, О.У. Особенности становления и развития основных институтов советского гражданского права в Таджикистане [Текст]: учебное пособие / О.У. Усмонов. – Душанбе: Таджикский госуниверситет им. В.И. Ленина, 1974. – 163 с.
- [192]. Усмонов, О.У. Инкишофи қонунгузории граждании Тоҷикистон [Матн] / О.У. Усмонов // Ҳуқуқи граждани: китоби дарсӣ. Қисми 1 / дар зери таҳрири узви вобастаи Академияи улуми Ҷумҳурии Тоҷикистон, доктори илми ҳуқуқ, профессор Усмонов О.У. – Душанбе: Нашриёти ҶС «Матбуот», 2001. – 399 с.
- [193]. Халиков, А.Г. Правовая система зороастризма (древнее право) [Текст]: монография / А.Г. Халиков. – Душанбе: Маориф ва фарханг, 2005. – 488 с.
- [194]. Хамроев, Ш.С. Институт «гражданско-правовой договор»: модификации первичной конструкции, теоретико-правовая интерпретация и периодизации его развития в системе гражданско-правовых норм зороастрийского и мусульманского права [Текст]: монография / Ш.С. Хамроев. – Душанбе, 2020. – 160 с.
- [195]. Хвостов, В.М. Правовые отношения [Текст] / В.М. Хвостов // Хрестоматия по теории государства и права / Т.Н. Радько; под общ. ред. И.И. Лизиковой. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2009. – 720 с.
- [196]. Холиков, А.Г., Диноршоев, А.М. Права человека [Текст]: учебник для вузов / А.Г. Холиков, А.М. Диноршоев; под ред. д. ю. н., проф. Холикова А.Г. – Душанбе, 2009. – 704 с.
- [197]. Холиқов, А.Ғ. Андешаи давлати миллӣ [Матн]: монография / А.Ғ. Холиқов. – Душанбе: ЭР-граф, 2013. – 684 с.
- [198]. Холиқов, А.Ғ. Таърихи давлат ва ҳуқуқи Тоҷикистон. Қисми 1 [Матн]: китоби дарсӣ / А.Ғ. Холиқов; муҳаррири масъул: д. и. ҳ., академик Тоҳиров Ф.Т. – Нашри дуюм бо тағйири иловаҳо. – Душанбе: ЭР-граф, 2014. – 340 с.

- [199]. Холиқзода, А.Ғ. Ганҷинаи афкори сиёсӣ ва ҳуқуқии тоҷикон (Хрестоматияи давлат ва ҳуқуқи Тоҷикистон) [Матн]: китоби I. Ҳуқуқ дар аҳди бостон. Қисми 1. Авасто. Қисми 2. Вандидод / А.Ғ. Холиқзода. – Душанбе: ЭР-граф, 2016. – 488 с.
- [200]. Холиқзода, А.Ғ. Ганҷинаи афкори сиёсӣ ва ҳуқуқии тоҷикон (Хрестоматияи давлат ва ҳуқуқи Тоҷикистон) [Матн]: китоби II. Мабонии ҳуқуқ дар адабиёти паҳлавӣ. Қисми 3. Бундаҳишн ва дигар мабонии ҳуқуқ. Қисми 4. Қонунномаи Сосониён / А.Ғ. Холиқзода. – Душанбе: ЭР-граф, 2016. – 400 с.
- [201]. Холиқзода, А.Ғ. Назарияи идоракунии шарқӣ (дар афкори мутафаккирони форсу-тоҷик) [Матн] / А.Ғ. Холиқзода. – Душанбе: ЭР-граф, 2017. – 400 с.
- [202]. Холиқзода, А.Ғ. Мафкураи миллӣ ва ҳуқуқ (Масъалаҳои ҳуқуқии ташаккули мафкураи миллӣ ва ҳифзи истиқлоли давлатӣ) [Матн]: монография / А.Ғ. Холиқзода. – Душанбе: ЭР-граф, 2021. – 588 с.
- [203]. Холиқзода, А.Ғ. Пешво ва оини давлатсозӣ [Матн] / А.Ғ. Холиқзода. – Душанбе: Дониш, 2021. – 472 с.
- [204]. Холиқзода, А.Ғ., Шарифзода, М.М., Шосаидзода, Ш.Ш. Пешво ва мактаби давлатдорӣ (Пешвои миллат – поягузори давлати миллӣ) [Матн] / А.Ғ. Холиқзода, М.М. Шарифзода, Ш.Ш. Шосаидзода. – Хучанд: Ношир, 2022. – 512 с.
- [205]. Холиқзода, А.Ғ., Шосаидзода, Ш.Ш., Аминҷонов, А.Х., Соҳибзода, М.С. Ҳуқуқ дар таърихи халқи тоҷик [Матн]: монография / А.Ғ. Холиқзода, Ш.Ш. Шосаидзода, А.Х. Аминҷонов, М.С. Соҳибзода. – Душанбе: ЭР-граф, 2022. – 508 с.
- [206]. Холиқзода, А.Ғ., Шоев, Э.Ҷ., Шосаидзода, Ш.Ш. Назаре ба асрори ҳуқуқ ва ҳуқуқи инсон [Матн]: монография / А.Ғ. Холиқзода, Э.Ҷ. Шоев, Ш.Ш. Шосаидзода. – Душанбе: ЭР-граф, 2023. – 228 с.
- [207]. Ҳомидов, Х.Ҳ. 80 сол дар роҳи адолат [Матн] / Х.Ҳ. Ҳомидов //

- Рушди қонуни асосии Тоҷикистони муосир. – Душанбе: Қонуният, 2005. – 245 с.
- [208]. Худоёрзода, Б.Т., Қурбонализода, Н.Ш. Ҳимояи судии ҳуқуқҳои субъективии граждандӣ [Текст]: васоити таълимӣ / Б.Т. Худоёрзода, Н.Ш. Қурбонализода; зери таҳрири д. и. х, проф. Гаёров Ш.К. – Душанбе: Нашриёти «МДМТ», 2022. – 128 с.
- [209]. Хутыз, М.Х. Общие положения гражданского процесса (историко-правовое исследование) [Текст] / М.Х. Хутыз. – М.: Юрид. лит., 1979. – 111 с.
- [210]. Ченцов, Н.В. Проблемы защиты государственных интересов в гражданском судопроизводстве [Текст] / Н.В. Ченцов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. – 184 с.
- [211]. Чечина, Н.А. Гражданские процессуальные отношения [Текст] / Н.А. Чечина. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. – 68 с.
- [212]. Чечот, Д.М. Участники гражданского процесса [Текст] / Д.М. Чечот. – М.: Госюриздат, 1960. – 190 с.
- [213]. Шабуров, А.С. Система советского права [Текст] / А.С. Шабуров // Теория государства и права: учебник для студ. вузов / под ред. С.С. Алексеева. – М.: Юрид. лит., 1985. – 479 с.
- [214]. Шакарян, М.С. Субъекты советского гражданско-процессуального права [Текст]: монография / М.С. Шакарян. – М.: ВЮЗИ, 1970. – 214 с.
- [215]. Шакарян, М.С. Участие в советском гражданском процессе органов государственного управления [Текст] / М.С. Шакарян. – М.: ВЮЗИ, 1978. – 35 с.
- [216]. Шакарян М.С. Участие третьих лиц в советском гражданском процессе [Текст]: лекция / М.С. Шакарян. – М.: Изд-во РИО ВЮЗИ, 1990. – 35 с.
- [217]. Шакарян, М.С. Учение о сторонах в советском гражданском процессе [Текст]: учебное пособие / М.С. Шакарян; отв. ред. А.К. Сергун. – М.: Изд-во РИО ВЮЗИ, 1983. – 68 с.

- [218]. Шарофзода, Р.Ш. Назарияи давлат ва ҳуқуқ [Матн]: китоби дарсӣ барои муассисаҳои таҳсилоти олии касбӣ / Р.Ш. Шарофзода. – Душанбе, 2023. – 688 с.
- [219]. Щеглов, В.Н. Субъекты судебного гражданского процесса [Текст]: лекции для студентов / В.Н. Щеглов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. – 129 с.
- [220]. Щеглов, В.Н. Иск на судебную защиту гражданского права [Текст] / В.Н. Щеглов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. – 168 с.
- [221]. Шодиён, И.Р. Развитие судебной власти в Таджикистане (вторая половина XIX – XXI вв.) [Текст] / И.Р. Шодиён. – Душанбе, 2021. – 160 с.
- [222]. Юдельсон, К.С. Советский гражданский процесс [Текст]: учеб. для юрид. вузов / К.С. Юдельсон. – М.: Госюриздат, 1956. – 439 с.
- [223]. Якубов, С.А. Субъекты советского гражданского процессуального права [Текст] / С.А. Якубов. – Ташкент: Фан, 1973. – 260 с.

III. Статии ва доклады:

- [224]. Абдуллозода, З.Ф. Проблемаҳои ҳуқуқии ҳамкориҳои судҳои иқтисодӣ ва арбитражҳои байналмилалӣ тичоратӣ [Матн] / З.Ф. Абдуллозода // Маҷаллаи академии ҳуқуқ. – 2023. – № 1(45). – С.160-170.
- [225]. Абдулхонов, Ф.М. Ташаккулёбии ҳуқуқи муҳофизаи граждони дар Ҷумҳурии Мухтори Шӯравии Сотсиалистии Тоҷикистон [Матн] / Ф.М. Абдулхонов // Маҷаллаи академии ҳуқуқ. – 2020. – № 4 (36). – С. 49-55.
- [226]. Абдулхонов, Ф.М. Рушди муҳофизаи граждони Тоҷикистон дар давраи гузариш [Матн] / Ф.М. Абдулхонов // Маҷаллаи академии ҳуқуқ. – 2021. – № 4 (40). – С. 26-31.
- [227]. Агабабовян, И.А. Проблемы формирования концепции прокурорского надзора и взаимоотношений прокуратуры с судами на пути к правовому государству [Текст] / И.А. Агабабовян // Правовое государство и органы юстиции. Материалы научно-практической конференции. 16-17 ноября 1990 года / отв. ред. Р.Х. Зойиров. – Душанбе: Таджикский гос. ун-т, 1990. – С.

- [228]. Агабабовян, И.А. Развитие гражданско-процессуального права в Таджикистане (1963-1985 гг.) [Текст] / И.А. Агабабовян // Государственная власть и защита прав личности в Республике Таджикистан: история и современность: сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава юридического факультета / отв. ред. Ф.Т. Тахиров, М.А. Махмудов, Р.Х. Зойиров. – Душанбе: Сино, 1992. – С. 63-69.
- [229]. Бобочонзода, И.Х. Заминаҳои ҳуқуқии арбитражи байналмилалӣ тичоратии Тоҷикистон [Матн] / И.Х. Бобочонзода // Қонунгузорӣ. – 2018. – № 3 (31). – С. 110-114.
- [230]. Бободжонзода, И.Х., Кодирзода, Т.К. Процессуальные препятствия и особенности механизма судебной защиты субъективных гражданских прав в гражданском процессе [Текст] / И.Х. Бободжонзода, Т.К. Кодирзода // Законодательство. – 2019. – № 3 (35). – С. 87–98.
- [231]. Бободжонзода, И.Х. Понятие и особенности правового регулирования международного коммерческого арбитража [Текст] / И.Х. Бободжонзода // Академический юридический журнал. – 2020. – № 2 (34). – С. 105-110.
- [232]. Болтуев, С.Ш. Роль прокурора в повышении эффективности судебного разбирательства гражданских дел [Текст] / С.Ш. Болтуев // Известия Академии наук Республики Таджикистан. – 1992. – № 3. – С. 59-64.
- [233]. Бочарова, Н.С. Институты *interventio accessoria* и *quasi interventio* в современном процессуальном праве [Текст] / Н.С. Бочарова // Вестник Московского университета. – Серия 11: Право. – 2013. – № 4. – С. 51-55.
- [234]. Власов, А.А. Адвоката надо считать «лицом, участвующим в деле» [Текст] / А.А. Власов // Российская юстиция. – 2001. – № 6 – С. 30-31.
- [235]. Власов, А.А. Не ограничивать прокурора в гражданском процессе [Текст] / А.А. Власов // Законность. – 2000. – № 8. – С. 42-47.
- [236]. Грицанов, А.С. О понятии ненадлежащей и надлежащей стороны в гражданском судебном процессе [Текст] / А.С. Грицанов // Вопросы теории

- и практики гражданского, трудового права и гражданского судопроизводства. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. – С. 73-79.
- [237]. Гукасян, Р.Е. Влияние материально-правовых отношений на форму процесса в исковом производстве [Текст] / Р.Е. Гукасян // Вопросы теории и практики гражданского процесса. – 1976. – № 7. – С. 28-29.
- [238]. Фафурзода, А.Д., Абдуалимзода, И.И. Рушди қонунгузории молияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар даврони истиқлолияти давлатӣ [Матн] / А.Д. Фафурзода, И.И. Абдуалимзода // Қонунгузорӣ. – Душанбе, – 2020. – № 4(40). – С. 70-77.
- [239]. Ғаюров, Ш.К. Санадҳои арбитражи байналмилалӣ тичоратӣ / Боби 4 [Матн] / Ш.К. Ғаюров // Арбитражи байналмилалӣ тичоратӣ: ташаккул ва проблемаҳои танзими ҳуқуқӣ. – Душанбе: Деваштич, 2007. – С. 91-97.
- [240]. Демократические основы советского социалистического правосудия. – М.: Наука, 1965. – 392 с.
- [241]. Джалилов, Д.Р. Некоторые процессуальные вопросы судопроизводства о расторжении брака [Текст] / Д.Р. Джалилов // Некоторые вопросы кодификации гражданского процессуального законодательства союзных республик / под ред. А.Ф. Клейнмана, В.И. Корецкого. – Душанбе: РИКО Тадж. гос. ун-та, 1962. – С. 82-101.
- [242]. Джалилов, Д.Р. Правовое положение лиц, участвующих в гражданском деле [Текст] / Д.Р. Джалилов // Некоторые вопросы кодификации гражданского процессуального законодательства союзных республик / под ред. А.Ф. Клейнмана, В.И. Корецкого. – Душанбе: РИКО Тадж. гос. ун-та, 1962. – С. 32-76.
- [243]. Джалилов, Д.Р., Болтуев, С.Ш. К вопросу о соотношении прокурорского надзора и правосудия [Текст] / Д.Р. Джалилов, С.Ш. Болтуев // Правовое государство и органы юстиции: материалы научно-практической конференции. 16-17 ноября 1990 года / отв. ред. Р.Х. Зойиров. – Душанбе: Таджикский государственный университет, 1990. – С. 60-65.
- [244]. Диноршоев, А.М. Регламентация прав человека в конституциях

- советского периода [Текст] / А.М. Диноршоев // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия гуманитарных наук. – Душанбе: Изд-во «Сино», 2013. – № 3/7 (124), ч. 1. – С. 159-166.
- [245]. Евшин, А.Г. Участие прокурора в гражданском процессе – важнейшая гарантия защиты конституционных прав граждан [Текст] / А.Г. Евшин // Правоведение. – 1989. – № 5. – С. 88-90.
- [246]. Ергашев, Е.Р. Принцип ограниченного участия прокурора в рассмотрении судами гражданских и арбитражных дел [Текст] / Е.Р. Ергашев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 2. – С. 12-16.
- [247]. Жуйков, В.М. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве [Текст] / В.М. Жуйков // Российская юстиция. – 2003. – № 2. – С. 5-6.
- [248]. Зоир, Дж. М. Конституционные факторы эволюции в историческом Таджикистане [Текст] / Дж. М. Зоир // Юридическая наука и современность. – 2021. – № 3. – С. 128-141.
- [249]. Зоир, Дж. М. Динамика законодательного обеспечения суверенитета государств на постсоветском пространстве: (опыт Таджикистана) [Текст] / Дж. М. Зоир // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 8. – С. 138-149.
- [250]. Ибрагимов, С.И. Административная юстиция: механизм защиты общественных интересов [Текст] / С.И. Ибрагимов // Хаёти ҳуқуқӣ. – 2021. – № 2 (34). – С. 141-148.
- [251]. Имомова, Н.М. Институт усыновления в механизме защиты семейных прав ребенка [Текст] / Н.М. Имомова // Вестник Таджикского национального университета. – 2020. – № 1. – С. 190–193.
- [252]. Имомова, Н.М. Мера семейно-правовой ответственности в механизме защиты прав и интересов детей [Текст] / Н.М. Имомова // Законодательство. – 2020. – № 1. – С. 57-60.
- [253]. Иванова, С.А. Институт участия в советском гражданском процессе органов государственного управления [Текст] / С.А. Иванова // Вопросы развития теории гражданского процессуального права. – М.: Изд-во МГУ,

1981. – С. 7-22.

- [254]. Иванова, С.А. Реализация права возбуждения дел искового производства об установлении отцовства [Текст] / С.А. Иванова // Реализация процессуальных норм органами гражданской юрисдикции. – Свердловск, 1988. – С. 77-78.
- [255]. Имомов, А.И. Основные этапы становления и развития конституционного права Республики Таджикистан [Текст] / А.И. Имомов // Законодательство. – 2020. – № 1 (37). – С. 20-35.
- [256]. Клейнман, А.Ф. «Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» и задачи кодификации гражданского процессуального законодательства Таджикской ССР [Текст] / А.Ф. Клейнман // Некоторые вопросы кодификации гражданского процессуального законодательства союзных республик / под ред. А.Ф. Клейнмана, В.И. Корецкого. – Душанбе: РИКО Тадж. гос. ун-та, 1962. – С. 3-21.
- [257]. Кодиркулов, Х.М., Курбонов, Д.С. К вопросу о судебной защите трудовых прав с иностранным участием [Текст] / Х.М. Кодиркулов, Д.С.Курбонов // Государствоведение и права человека. Научно-практический журнал. – 2022. – № 4 (28). – С. 141-152.
- [258]. Козлов, А.Ф. Место суда среди других субъектов советского гражданского процессуального права [Текст] / А.Ф. Козлов // Сборник ученых трудов. – Свердловск, 1966. – Вып. 6. – С. 133-149.
- [259]. Козлов, А.Ф. Понятие сторон в советском гражданском процессе (в теории и ГПК РСФСР) [Текст] / А.Ф. Козлов // Проблемы совершенствования гражданского процессуального кодекса РСФСР. – Свердловск, 1975. – С. 25-37.
- [260]. Козлов, А.Ф. Возбуждение прокурором гражданского дела [Текст] / А.Ф. Козлов // Проблемы действия и совершенствования гражданского процессуального законодательства. – Свердловск, 1982. – С. 70-78.
- [261]. Козлов, А.Ф. Прокурор – лицо, участвующее в деле [Текст] / А.Ф.

- Козлов // Вопросы гражданского процесса в свете решений XVII съезда КПСС. – Свердловск, 1987. – С. 33-43.
- [262]. Кострова, Н.М. Законные представители как участники гражданского судопроизводства [Текст] / Н.М. Кострова // Советское государство и право. – 1987. – № 5. – С. 87-93.
- [263]. Краузенбёк, М. Специфические права участия как предварительная защита основных прав в административных процедурах и административном судопроизводстве [Текст] / М. Краузенбёк // Ежегодник публичного права 2020. Участники административной процедуры и административного процесса. – М.: Инфотропик Медиа, 2020. – С. 69-72.
- [264]. Лутченко, Ю.И. Возбуждение прокурором гражданского дела [Текст] / Ю.И. Лутченко // Советское государство и право. – 1982. – № 8. – С. 102-106.
- [265]. Лутченко, Ю.И. Участие органов государственного управления в гражданском процессе в форме дачи заключения [Текст] / Ю.И. Лутченко // Вопросы развития и защиты прав граждан и социалистических организаций. – Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1980. – С. 81-86.
- [266]. Махмудзода, М.А. Конституция заминаи ташаккули низоми ҳуқуқи миллӣ (маҷмӯи мақолаю маърузаҳо) [Матн] / М.А. Махмудзода. – Душанбе: ЭР-граф, 2014. – 596 с.
- [267]. Махмудзода, М.А. Системообразующая функция Конституции Республики Таджикистан: теоретический и практический аспект [Текст] / М.А. Махмудов // Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан. – 2018. – № 1. – С. 80-87.
- [268]. Махмудзода, М.А. Конституционное правосудие в Республике Таджикистан: гарантии правовой защиты Основного закона [Текст] / М.А. Махмудзода // Вестник НАНТ. Сер. общественных наук. – 2020. – № 3. – С. 53-57.
- [269]. Махмудов, И.Т. Иштироки прокурор дар таъмини ҳуқуқи инсон дар муҳофизати ҳақуқоти асосӣ [Матн] / И.Т. Махмудов // Маводи конференсияи

байналмилалии илмию амалӣ бахшида ба 70-умин солгарди қабули Эълумияи ҳуқуқи инсон дар мавзуи «Эълумияи ҳуқуқи инсон ва равандҳои муосири рушди ҳуқуқи инсон: мушкилот ва дурнамо» / зери таҳрири н. и. ҳ., дотсент Д.С. Раҳмон. – Душанбе: Матбааи ДМТ, 2019. – С. 64-71.

[270]. Насурдинов, Э.С. Культура в условиях глобализации [Текст] / Э.С. Насурдинов // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 2. – С. 46-51.

[271]. Осокина, Г.Л. Функции прокурорского надзора и формы участия прокурора в гражданском судопроизводстве [Текст] / Г.Л. Осокина // Вопросы повышения эффективности гражданского правового регулирования. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. – С. 62-64.

[272]. Плог, М. Привлечение третьих лиц к участию в административном процессе [Текст] / М. Плог // Ежегодник публичного права 2020. Участники административной процедуры и административного процесса. — М.: Инфотропик Медиа, 2020. – С. 102-103.

[273]. Раджабов, С.А. Национально-государственное размежевание в Средней Азии и его значение для образования Таджикской Советской Социалистической Республики [Текст] / С.А. Раджабов // Материалы к истории таджикского народа в советский период. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1954. – С. 84-113.

[274]. Рахимов, М.З. Проблемы правового обеспечения деятельности третейского суда и Международного коммерческого арбитража в Республике Таджикистан [Текст] / М.З. Рахимов // Вестник Высшего экономического суда Республики Таджикистан. – 2006. – № 2. – С. 179-180.

[275]. Раҳмон, Д.С. Эволюция правовой культуры в историческом Таджикистане [Текст] // Правовая жизнь. – Душанбе, 2018. – № 2 (22). – С. 6-19.

[276]. Раҳмон, Д.С. Ҳуқуқ ва иқтисодиёт: мубрамияти ҳимояи ҳуқуқ истеъмолкунанда дар бозори мол, қор ва хизматрасонӣ [Матн] / Д.С.

Раҳмон // Ҳаёти ҳуқуқӣ. – 2021. – № 1 (33). – С. 6-16.

- [277]. Сафарзода, Б.А., Исозода, Б.Ч. Масъалаҳои назариявии раванди ислоҳот ва такмили фаъолияти ҳокимияти судӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн] / Б.А. Сафарзода, Б.Ч. Исозода // Давлатшиносӣ ва ҳуқуқи инсон. Маҷаллаи илмӣ-амалӣ. – 2023. – № 4 (32). – С. 7-15.
- [278]. Саъдизода, Ҷ. Нақши ҳокимияти судӣ дар таъмини камолоти фарҳанги ҳуқуқии аҳоли [Матн] / Ҷ. Саъдизода // Давлатшиносӣ ва ҳуқуқи инсон. Маҷаллаи илмӣ-амалӣ. – 2022. – № 2 (26). – С. 6-21.
- [279]. Сергун, А.К. Процессуальная правоспособность (в литературе и в ГПК) [Текст] / А.К. Сергун // Вопросы науки советского гражданского процессуального права. Труды ВЮЗИ / отв. ред. проф. М. С. Шакарян. – М., 1975. – Т. 38. – С. 72–102.
- [280]. Тағойназаров, Ш.Т. Масоили муайянномии мафҳум ва мазмуни созишномаи арбитражӣ тибқи ҳуқуқи байналмилалӣ ва қонунгузори миллӣ [Матн] / И.Ҳ. Бобоҷонзода, Т.Ш. Тағойназаров, З.Ф. Абдуллозода // Ҳаёти ҳуқуқӣ. – 2021. – № 2 (34). – С. 74-93.
- [281]. Тагайназаров, Ш.Т., Фозилов, Н.Н. Некоторые аспекты развития правового положения лиц, участвующих в гражданском деле [Матн] / Ш.Т. Тагайназаров, Н.Н. Фозилов // Масъалаҳои назариявии ташаккули фарҳанги ҳуқуқи инсон дар Тоҷикистон: маводи конференсияи байналмилалии илмию назариявӣ (5-уми декабри соли 2023) / зери таҳрири доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор Мирзозода П.З. – Душанбе: Матбааи ДМТ, 2023. – С. 58-66.
- [282]. Тагайназаров, Ш.Т., Фозилов, Н.Н. К вопросу о совершенствовании норм, регулирующих гражданскую процессуальную правоспособность лиц, участвующих в деле [Матн] / Ш.Т. Тагайназаров, Н.Н. Фозилов // Масоили мубрами такмили Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар шароити муосир: маводи конференсияи ҷумҳуриявии илмию назариявӣ (1 ноябри соли 2023) / зери таҳрири н. и. х., дотсент Мирзозода П.З. – Душанбе:

Матбааи ДМТ, 2023. – С. 172-178.

- [283]. Усмонов, О.У. К вопросу об основных этапах развития гражданского законодательства Таджикской ССР [Текст] / О.У. Усмонов // Актуальные вопросы теории и истории права и применения советского законодательства / отв. ред. профессор В.Г. Мелкумов, доценты Д.Р. Джалилов, А.М. Мавлянов, В.А. Ойгензихт, Ш.Р. Разыков, О.У. Усмонов. – Душанбе: Изд-во Таджикского гос. ун-та им. В.И. Ленина, 1975. – С. 37-44.
- [284]. Усмонов, О.У. К проблеме развития кодификации гражданского законодательства Республики Таджикистан [Текст] / О.У. Усмонов // Государство и право. – 1999. – № 4. – С. 52-53.
- [285]. Фозилов, Н.Н. Процессуальные права и обязанности сторон в гражданском процессе [Текст] / Н.Н. Фозилов // Государство и право. – Душанбе, 1996. – № 1. – С. 34-42.
- [286]. Фозилов, Н.Н. Некоторые проблемы участия третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, в гражданском процессе [Текст] / Н.Н. Фозилов // Государство и право. – Душанбе, 1997. – № 1. – С. 80-87..
- [287]. Хусаинова, Ш.М. Особенности становления и развития правоохранительных органов в Республике Таджикистан [Текст] / Ш.М. Хусаинова // Пробелы в Российском законодательстве. – М., 2010. – № 1. – С. 61-63.
- [288]. Цепкова, Т.М. Субъекты права на предъявления иска по отдельным категориям брачно-семейных дел [Текст] / Т.М. Цепкова // Вопросы теории и практики гражданского процесса: межвуз. науч. сб. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. – С. 70-79.
- [289]. Шакарян, М.С. Соучастие по советскому гражданскому процессуальному праву [Текст] / М.С. Шакарян // Вопросы науки советского гражданского процессуального права. Труды ВЮЗИ. – М., 1975. – Т. 38. – С. 103-123.
- [290]. Шарофзода, Р.Ш. Методологические проблемы юридической

- науки [Текст] / Р.Ш. Шарофзода // Труды Академии МВД Республики Таджикистан (Научный журнал). – 2023. – № 3 (59). – С. 119-126.
- [291]. Шодиев, И.Р. Вопросы организации советского суда в Северном Таджикистане в первые годы советской власти (1917-1924 гг.) [Текст] / И.Р. Шодиев // Вестник педагогического университета. – 2013. – № 6 (55-2). – С. 181-185.
- [292]. Шодиев, И.Р. Современные тенденции развития судебной власти в Республике Таджикистан [Текст] / И.Р. Шодиев // Вестник Педагогического ун-та. – 2015. – № 5-1 (66). – С. 306-310.
- [293]. Яковлева, Е.М. К вопросу о соотношении норм процессуального и материального права в гражданских процессуальных кодексах союзных республик [Текст] / Е.М. Яковлева // Некоторые вопросы кодификации гражданского процессуального законодательства союзных республик / под ред. А.Ф. Клейнмана, В.И. Корецкого. – Душанбе: РИКО Тадж. гос. ун-та, 1962. – С. 22-31.
- [294]. Ярков, В.В. Реализация норм о процессуальной правоспособности [Текст] / В.В. Ярков // Реализация процессуальных норм органами гражданской юрисдикции: межвуз. сб. науч. тр. / Свердлов. юрид. ин-т им. Р.А. Руденко. – Свердловск: СЮИ, 1988. С. 12-17.

IV. Диссертации и авторефераты:

- [295]. Агабабовян, И.А. Теоретические проблемы и практика судебного установления отцовства по советскому семейному праву: (На материалах ТаджССР) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Агабабовян Иоланта Аристакесовна. – Алма-Ата, 1973. – 31 с.
- [296]. Абдулхонов, Ф.М. История судопроизводства досоветского Таджикистана: историко-правовое исследование [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Абдулхонов Файзали Махмудович. – Душанбе, 2011. – 190 с.
- [297]. Болтуев, С.Ш. Проблема доказывания в гражданском

- судопроизводстве [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Болтуев Самад Шарифбаевич. – Душанбе, 1985. – 225 с.
- [298]. Буриев, И.Б. Становление и развитие институтов государственности на территории Таджикистана: досоветский период [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Буриев Имонкул Бозорович. – М., 2009. – 39 с.
- [299]. Гадиятова, М.В. Участие прокурора при рассмотрении гражданских дел судами [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Гадиятова Мария Витальевна. – Екатеринбург, 2005. – 212 с.
- [300]. Ганиева, Т.И. Правовые вопросы судебной власти и ее осуществления в Кыргызстане [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ганиева Тамара Имангалиевна. – Екатеринбург, 2003. – 33.
- [301]. Гафуров, А.Д. Формирование и развитие финансового права развивающихся стран (на примере Исламского Государства Афганистан, Исламской Республики Иран и Республики Таджикистан) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01; 12.00.14 / Гафуров Абдухалил Давляталиевич. – Бишкек, 2015. – 44 с.
- [302]. Гаюров, Ш.К. Личное информационное право граждан: проблемы гражданско-правового регулирования в Республике Таджикистан [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Гаюров Шукрулло Караматуллоевич. – М., 2010. – 46 с.
- [303]. Давлятов, А. Осуществление принятых решений и мероприятий Правительства Таджикской АССР и их историческое значение [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Давлатов Аюб. – Душанбе, 2016. – 209 с.
- [304]. Диноршоев, А.М. Конституционные основы регламентации и реализации прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Диноршоев Азиз Мусоевич. – М., 2015. – 535 с.
- [305]. Васикова, М.С. Развитие законодательства Узбекской ССР и проблемы его кодификации [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Васикова Мамлакат Сабировна. – Ташкент, 1974. – 41 с.

- [306]. Воробьев, Т.Н. Теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Воробьев Темур Николаевич. – Саратов, 2019. – 27 с.
- [307]. Ефремов, Н.С. Правовое регулирование участия прокурора в арбитражном процессе [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Ефремов Николай Сергеевич. – Саратов, 2013. – 27 с.
- [308]. Ибрагимов, С.И. Административная юстиция в странах Центральной Азии: проблемы формирования и развития [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Ибрагимов Солиджон Ибрагимович. – М., 2013. – 49 с.
- [309]. Камолов, И.И. Источники права Республики Таджикистан [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Камолов Илхом Икромович. – Душанбе, 2009. – 195 с.
- [310]. Киримова, Е.А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Киримова Елена Андреевна. – Саратов, 1998. – 23 с.
- [311]. Маклаев, Д.В. Третьи лица в арбитражном процессе [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Маклаев Дмитрий Владимирович. – М., 2010. – 24 с.
- [312]. Марифхонов, Р.Н. Административно-процессуальное право Республики Таджикистан: концептуальные проблемы современного развития. [Текст]: дис. ... д-ра. юрид. наук. 12.00.14 / Марифхонов Расулджон Нурматович. – Душанбе, 2020. – 380 с.
- [313]. Мирзамонзода, Х.М. Асосҳои конституционӣ-ҳуқуқии ташкил ва фаъолияти ҳокимияти судӣ дар Тоҷикистон: проблемаҳои назариявӣ, танзими қонунгузорӣ ва амалия [Матн]: дис. ... д-ри илм. ҳуқуқ.: 12.00.02 / Мирзамонзода Хайрулло Мирзамон. – Душанбе, 2021. – 391 с.
- [314]. Мирзозода, П.З. Масъалаҳои ҳуқуқии танзими сифати мол, қор ва хизмат дар қонунгузорию Ҷумҳурии Тоҷикистон: таҳқиқоти сивилистӣ [Матн]: дис. ... д-ри илм. ҳуқуқ.: 12.00.03 / Мирзозода Парвон

Зайналобиддин. – Душанбе, 2022. – 348 с.

- [315]. Нематов, А.Р. Кодификация законодательства Республики Таджикистан: исторический и практический аспект [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Нематов Акмал Рауфджонович. – М., 2007. – 26 с.
- [316]. Одиназода, Р.С. Пайдоиш ва рушди ниҳодҳои адолати судии маъмурӣ дар Тоҷикистон (таҳқиқоти таърихӣ-ҳуқуқӣ) [Матн]: дис. ... д-ри илм. ҳуқуқ.: 12.00.01 / Одиназода Рамазон Сафар. – Душанбе, 2020. – 408 с.
- [317]. Осокина, Г.Л. Иск прокурора в гражданском судопроизводстве [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Осокина Галина Леонидовна. – Томск, 1980. – 19 с.
- [318]. Осокина, Г.Л. Иск прокурора в гражданском судопроизводстве [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Осокина Галина Леонидовна. – Томск, 1980. – 233 с.
- [319]. Раджабов, М.Н. Гражданско-правовой статус иностранцев в Республике Таджикистан [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Раджабов Махмадҷёр Носирович. – Душанбе, 2004. – 186 с.
- [320]. Раджабов, Р.М. Проблемы формирования правовой системы Республики Таджикистан: теоретико-методологический аспект [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Раджабов Равшан Мухитдинович. – Душанбе, 2000. – 23 с.
- [321]. Рахмонов, С. Судебное установление фактов, имеющих юридическое значение [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Рахмонов Сабзали. – М., 1982. – 18 с.
- [322]. Рыжков, К.С. Участие третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, в гражданском процессе [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Рыжков Константин Сергеевич. – Саратов, 2017. – 184 с.
- [323]. Рождественская, Л.А. Гражданско-процессуальная защита других лиц

- в суде [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Рождественская Лилия Александровна. – Свердловск, 1982. – 17 с.
- [324]. Рудык, О.И. Эволюция института брака в советском семейном праве (1917 – 1996 гг.) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Рудык Оксана Ивановна. – Нижний Новгород, 2015. – 167 с.
- [325]. Сатыбеков, С.С. Участие общественности в советском гражданском процессе [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00 / Сатыбеков Сакан Сатыбекович. – М., 1967. – 15 с.
- [326]. Хамроев, Ш.С. Формирование и модернизация юридической конструкции института гражданско-правового договора в Таджикистане [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01; 12.00.03 / Хамроев Шухратджон Садиорович. – Душанбе, 2022. – 441 с.
- [327]. Холинова, М.М. Эволюция института опеки и попечительства в истории таджикского права [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Холинова Мижгона Муборакшоевна. – Душанбе, 2016. – 192 с.
- [328]. Хусаинова, Ш.М. Становление и развитие системы правоохранительных органов Таджикистана в 1924-1937 гг. [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Хусаинова Шахнура Маноновна. – М., 2011. – 26 с.
- [329]. Тохидлу, Г.А. Становление законодательства о выборах в представительные органы Таджикистана (1917-2015 гг.) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Тохидлу Гасем Абдоллах. – Душанбе, 2016. – 218 с.
- [330]. Тараканкова, Е.М. Участие жилищных органов в гражданском процессе [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Тараканкова Елена Михайловна. – М., 1980. – 25 с.
- [331]. Тохиров, Н.Ф. Развитие законодательной деятельности в Таджикистане (1917-2007 гг.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Тохиров Нодир Фозилович. – Душанбе, 2008. – 25 с.
- [332]. Трещева, Е.А. Субъекты арбитражного процесса [Текст]: автореф.

дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15 / Трещева Евгения Александровна. – М., 2009. – 47 с.

- [333]. Туманова, Л.В. Актуальные проблемы участия в гражданском судопроизводстве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, и органов государственного управления, дающих заключение по делу [Текст]: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Туманова Лидия Владимировна. – Саратов, 1985. – 20 с.
- [334]. Чашин, А.Н. Кодификация в сфере российского законодательства: теория, история и перспективы [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Чашин Александр Николаевич. – М., 2012. – 21 с.
- [335]. Шамилов, М.Ш. Становление и развитие гражданского судопроизводства в Кыргызской Республике [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шамилов Максат Шамилович. – М., 2007. – 26 с.
- [336]. Шодиев, И.Р. Развитие судебной системы в Таджикистане (вторая половина XIX – начало XXI вв.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шодиев Исматулло Рахматуллоевич. – Душанбе, 2010. – 26 с.
- [337]. Эльназаров, Д.Х. Конституционно-правовое регулирование защиты прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан: вопросы теории и практики [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Эльназаров Давлатшо Ходжаевич. – Душанбе, 2020. – 97 с.
- [338]. Юркевич, Н.Г. Правоспособность гражданина СССР по советскому гражданскому праву [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00 / Юркевич Николай Григорьевич. – Минск, 1955. – 18 с.

V. Электронные источники [Электронные ресурсы]:

- [339]. Концепция прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан от 19 февраля 2011 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portalihuquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=12607 (дата обращения: 20.03.24).
- [340]. Программа судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на

2007-2010 годы, утвержденная Указом Президента Республики Таджикистан от 23 июня 2007 года, № 271 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portalihuquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=8011 (дата обращения: 23.04.23).

[341]. Программа судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2011-2013 годы, утвержденная Указом Президента Республики Таджикистан от 3 января 2011 года, № 976 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=12530 (дата обращения: 23.03.24).

[342]. Программа судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2015-2017 годы, утвержденная Указом Президента Республики Таджикистан от 5 января 2015 года, № 327 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://soi.tj/wp-content/uploads/2018/10/2015-2017_ru.pdf (дата обращения: 23.03.24).

[343]. Программа судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2019-2021 годы, утвержденная Указом Президента Республики Таджикистан от 19 апреля 2019 года, № 1242 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sud.tj/upload/medialibrary/ba2/ba2c83ec80192d0d7345c252a104d5b5.pdf> (дата обращения: 23.03.24).

[344]. Концепсияи сиёсати ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2018-2028 / Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6 феввали соли 2018 [Захираи электронӣ]. – Манбаи дастрасӣ: <http://www.mmk.tj/node/843> (санаи мурочиат: 22.02.2024).

VI. Архивные материалы:

[345]. ЦГА РТ. – Ф. И-4. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 83.

[346]. ЦГА РТ. – Ф. 9. – Оп. 1. – Ед. хр. 33. – Л. 105.

[347]. ЦГА РТ. – Ф. 9. – Оп. 1. – Ед. хр. 90. – Л. 12-110.

[348]. Постановление ЦИК и СНК Таджикской ССР от 19 декабря 1929 года, № 42 «О введении на территории Таджикской ССР действующего

- законодательства Узбекской ССР // ЦГА РТ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 79 а. – Л. 144.
- [349]. ЦГА РТ. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 5а. – Л. 5.
- [350]. Декларация 1 учредительного Всетаджикского Съезда Советов «О национализации земли, воды, недр земли и лесов Таджикской АССР» от 10 декабря 1926 года // ЦГА РТ. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 56.
- [351]. ЦГА РТ. – Ф. 35. – Оп. 2. – Ед. хр. 147. – Л. 13-15.
- [352]. ЦГА РТ. – Ф. 386. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 65; Л. 368; Л. 370; Л. 593.
- [353]. ЦГА РТ. – Ф. 386. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 22; – Л. 42; Л. 64; Л. 67.
- [354]. ЦГА РТ. – Ф. 386. – Оп. 1. – Д. 52. – Л. 82 об.; Л. 86 об.; Л. 91; Л. 91об-92; Л. 111; Л. 112.
- [355]. ЦГА РТ. – Ф. 386. – Оп. 1. – Ед. хр. 99. – Л. 1-10.
- [356]. ЦГА РТ. – Ф. 386. – Оп. 1. – Ед. хр. 110. – Л. 10. Ст. 14 Положения «О Народном комиссариате юстиции Таджикской АССР» от 6 мая 1925 года / ЦГА РТ. – Ф. 386. – Оп. 1. – Ед. хр. 110. – Л. 10.
- [357]. ЦГА РТ. – Ф. 386. – Оп. 1. – Ед. хр. 215. – Л. 1-184.
- [358]. Положение «О коллегии защитников», принятое Наркоматом юстиции Таджикской АССР 10 декабря 1928 года // ЦГА РТ. – Ф. 386. – Оп. 1. – Ед. хр. 244. – Л. 16–22.
- [359]. ЦГА РТ. – Ф. 386. – Оп. 1. – Ед. хр. 244. – Л. 16; Л. 20; Л. 21; Л. 21-22.

VII. Судебная практика

- [360]. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 4 июня 1992 года «О применении судами Республики Таджикистан законодательства, регулирующего заключение, изменение и прекращение трудового договора» [Текст] // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан 1991-1996 гг. – Душанбе, 1996. – Ч. 2. – С. 14-38.
- [361]. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 10 октября 2004 года «О применении судами Республики Таджикистан

законодательства, регулирующего заключение, изменение и прекращение трудового договора» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда Республики Таджикистан. – Душанбе, 2004. – № 4. – С. 23-27.

- [362]. Архив суда района Исмоили Сомони г. Душанбе за 1993 год.
- [363]. Архив суда района Исмоили Сомони г. Душанбе за 1996 год.
- [364]. Архив суда района Шохмансур г. Душанбе за 1996 год.
- [365]. Архив суда района Фирдавси г. Душанбе за 1996 год.
- [366]. Архив суда района Исмоили Сомони г. Душанбе за 1997 год.
- [367]. Чамъбасти сабабҳои тағйирёбӣ ва бекоршавии санадҳои судӣ оид ба парвандаҳои оилавӣ дар соли 2022 / Нашрияи Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе, 2023. № 1. – 71 с.
- [368]. Чамъбасти амалияи судӣ оид ба баррасии парвандаҳои оилавӣ вобаста ба баҳсҳои аъзои оилаи молик доништан ва маскун намудан ба хонаи истиқоматӣ / Нашрияи Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе, 2024. № 1. – 87 с.

ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

I. Монография и комментарии:

[1-А]. Фозилов, Н.Н. Рушди қонунгузори мурофиавии граждони дар солохи истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва дурнамои он [Матн] / Н.Н. Фозилов // 30 соли Истиқлоли давлатӣ ва рушди низоми ҳуқуқи Тоҷикистон (зербоб дар монографияи дастҷамъона). – Душанбе: Матбааи ДМТ, 2021. – С. 165-176. ISBN 978-99975-58-74-8.

[2-А]. Фозилов, Н.Н. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Таджикистан [Текст] / Н.А. Абдуллоев, Х. Алиев, С.Э. Бахриддинов, У.Х. Бобоев, А.М. Диноршоев, Т.К. Кодиров, М.З. Рахимов, М.С. Усманова, Н.Н. Фозилов, Б.Т. Худоёров, Л.И.Ходжаева, А.П. Шарипов / под ред. проф. М.З. Рахимова / Комментарий к главам 11, 12, 13, 19, 22. – Душанбе, 2012. – 574 с.

[3-А]. Фозилов, Н.Н. Тафсири Кодекси мурофиавии граждони Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн] / Н.Н. Фозилов, Х.М. Гафуров, И.Ҳ. Бобочонов, И.Т. Маҳмудов, Ш.К. Бадалов, С.Б. Мирзоев, С.Т. Холиқов / Тафсир ба моддаҳои 1-5, 12-15 боби 1, бобҳои 4, 5, 7, моддаи 114 боби 9, бобҳои 10, 11, 18, 19, 22, 46. – Душанбе: ЭР-граф, 2013. – 784 с.

II. Статьи, опубликованные в журналах, рецензируемых и рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан

[4-А]. Фозилов, Н.Н. Развитие норм, определяющих гражданскую процессуальную дееспособность лиц, участвующих в деле для защиты своих прав и интересов [Текст] / Н.Н. Фозилов // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия гуманитарных наук. – Душанбе: Сино, 2013. – № 3/7 (124), ч. 1. – С. 75-80. ISSN 2074-1847.

[5-М] Фозилов, Н.Н. О некоторых новеллах нового ГПК РТ, определяющих правовой статус лиц, участвующих в деле, и судебных представителей [Текст] /

Н.Н. Фозилов // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия гуманитарных наук. – Душанбе: Сино, 2013. – № 3/7 (124), ч. 1. – С. 171-176. ISSN 2074-1847.

[6-А]. Фозилов, Н.Н. К вопросу о понятиях истца и ответчика в гражданском процессе [Текст] / Н.Н. Фозилов // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2013. – № 6-2 (55). – С. 161-165. ISSN 2219-5408.

[7-А]. Фозилов, Н.Н. О преемственности норм, регулирующих правопреемство, в гражданском процессе [Текст] / Н.Н. Фозилов // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2013. – № 6-2 (55). – С. 166-170. ISSN 2219-5408.

[8-А]. Фозилов, Н.Н. Развитие института замены ненадлежащей стороны: сравнительный анализ ГПК РТ 1963 года и ГПК РТ 2007 года [Текст] / Н.Н. Фозилов // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия гуманитарных наук. – Душанбе: Сино, 2014. – № 3/1 (128). – С. 104-110. ISSN 2074-1847.

[9-А]. Фозилов, Н.Н. Понятие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикистана [Текст] / Н.Н. Фозилов // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2015. – № 4 (65). – С. 267-273. ISSN 2219-5408.

[10-А]. Фозилов, Н.Н. К вопросу об особенностях правового положения сторон, как основных лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР [Текст] / Н.Н. Фозилов // Законодательство. – Душанбе, 2019. – № 4 (36). – С. 13-19. ISSN 2410-2903.

[11-А]. Фозилов, Н.Н. Некоторые аспекты правового положения лиц, участвующих в деле для защиты прав и интересов других лиц, в гражданском процессе Таджикской АССР [Текст] / Н.Н. Фозилов // Законодательство. – Душанбе, 2020. – № 1 (37). – С. 6-11. ISSN 2410-2903.

[12-А]. Фозилов, Н.Н. Третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, в гражданском процессе [Текст] / Ш.Т.

Тагайназаров, Н.Н. Фозилов // Государствоведение и права человека. Научно-практический журнал. – Душанбе, 2023. – № 4 (32). – С. 293-306. ISSN 2414-9217.

III. Научные статьи, опубликованные в сборниках и иных научных изданиях

[13-А]. Фозилов, Н.Н. Заминаҳои инкишофи падидаи шахсони иштирокчии парвандаи граждани [Матн] / Н.Н. Фозилов // Масъалаҳои рузмарраи ҳуқуқи судӣ, ҷаъолияти прокурорӣ ва пешгирии ҷинояткорӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон (маводи конфронсиҳои илмӣ-назариявӣ) / зери таҳрири мудирӣ кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокурорӣ, н. и. ҳ., дотсент Маҳмудов И.Т. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2013. – С. 192-196.

[14-А]. Фозилов, Н.Н. Инкишофи ӯҳдадорӣ шахсони иштирокчии парвандаи граждани оид ба исбот намудани ҳолатҳои парвандаи граждани [Матн] / Н.Н. Фозилов // Ислоҳоти судӣ дар Тоҷикистон: мушкилот ва роҳҳои ҳалли он. (Маводи конференсияи ҷумҳуриявӣ илмӣ-назариявӣ бахшида ба 40-солагии таъсисёбии кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокурорӣ) / зери назари мудирӣ кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокурорӣ, н. и. ҳ., дотсент Маҳмудов И.Т. – Душанбе: Нашриёти «Сино», 2014. – С. 65-71.

[15-А]. Фозилов, Н.Н. Развитие института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Республики Таджикистан (1991-2011 гг.) [Текст] / Н.Н. Фозилов // Развитие судебного права, уголовного права и правоохранительной деятельности в Республике Таджикистан: материалы республиканской научно-практической конференции, г. Душанбе, 22 октября 2015 года / под ред. зав. кафедрой судебного права и прокурорского надзора, к. ю. н., доцента Маҳмудова И.Т. и исполняющего обязанности заведующего кафедрой уголовного права, к. ю. н., доцента Сафарова А.И. – Душанбе: «Империал-Групп», 2015. – С. 373-383.

[16-А]. Фозилов, Н.Н. Баррасии арзу шикоятҳои шаҳрвандон дар хусуси поймол гардидани ҳуқуқҳои интиҳоботии онҳо [Матн] / Н.Н. Фозилов // Нақши падидаи интиҳобот дар бунёди давлати демократӣ (маҷмӯи мақолаҳо)

/ зери таҳрири д. и. х. Насурдинов Э.С. – Душанбе: Андалеб-Р, 2015. – С. 144-155.

[17-А]. Фозилов, Н.Н. Развитие норм, регулирующих правовое положение прокурора, как лица, участвующего в деле: сравнительный анализ ГПК Таджикской ССР 1963 года и ГПК РТ 2007 года [Текст] / Н.Н. Фозилов // Актуальные вопросы реформы процессуального законодательства и правоохранительной деятельности (материалы международной научно-теоретической конференции, г. Душанбе, 25 ноября 2016 года) // Под ред. зав. кафедрой судебного права и прокурорского надзора, к. ю. н., доцента Махмудова И.Т. – Душанбе: Визави, 2016. – С. 25-40.

[18-А]. Фозилов, Н.Н. Особенности института лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе Таджикской АССР (1924-1929 гг.) [Текст] / Н.Н. Фозилов // Правовая жизнь. – Душанбе, 2017. – № 4 (20). – С. 79-101. ISSN 2307-5198.

[19-А]. Фозилов, Н.Н. Оид ба масъалаи рушди минбаъдаи мурофия дар суди марҳилаи назоратӣ дар хошияи амалӣ гардидани баъзе муқаррароти Концепсияи сиёсати ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2018-2028 [Матн] / Н.Н. Фозилов // Маводҳои конференсияи илмию амалӣ дар мавзӯи “Рушди падидаи адолати судӣ ва назорати прокурорӣ дар солҳои Истиқлолияти давлатӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон” бахшида ба 80-умин солгарди Ҳуқуқшиносии шоистаи Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент Абдуллоев Неъмат Абдуллоевич / зери таҳрири мудири кафедраи ҳуқуқи судӣ ва назорати прокурорӣ ДМТ, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент Махмудов И.Т. – Душанбе: Матбааи ДМТ, 2019. – С. 119-123.

[20-А]. Фозилов, Н.Н. Таъсири барномаҳои давлатии ислоҳоти судӣ-ҳуқуқӣ ба рушди истеҳсолоти иҷро дар Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн] / Н.Н. Фозилов // Маводҳои конференсияи байналмилалӣ илмию амалӣ бахшида ба 25-солагии Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва 70-солагии таъсиси факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон / зери таҳрири

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент Раҳмон Д.С. – Душанбе: Матбааи ДМТ, 2019. – С. 478-484.

[21-А]. Фозилов, Н.Н. К вопросу о совершенствовании норм, регулирующих гражданскую процессуальную правоспособность лиц, участвующих в деле [Текст] / Ш.Т. Тагайназаров, Н.Н. Фозилов // Актуальные вопросы совершенствования Конституции Республики Таджикистан в современных условиях: материалы Республиканской научно-теоретической конференции (1 ноября 2023 г.) / под ред. к. ю. н., доцента Мирзозода П.З. – Душанбе: Типография ТНУ, 2023. – С. 172-178.

[22-А]. Фозилов, Н.Н. Некоторые аспекты развития правового положения лиц, участвующих в гражданском деле [Текст] / Ш.Т. Тагайназаров, Н.Н. Фозилов // Теоретические вопросы формирования культуры прав человека в Таджикистане: материалы Международной научно-теоретической конференции (5 декабря 2023 года) / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Мирзозода П.З. – Душанбе: Типография ТНУ, 2023. – С. 58-66.